

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам
II Международной научно-практической конференции

г. Белгород, 31 мая 2015 г.

В семи частях
Часть III

Белгород
2015

УДК 001
ББК 72
С 56

Современные тенденции развития науки и технологий :
С 56 сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции 31 мая 2015 г.: в 7 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород : ИП Ткачева Е.П., 2015. – Часть III. – 160 с.

ISBN 978-5-9906790-8-5

ISBN 978-5-9906900-1-1 (Часть III)

В сборнике рассматриваются актуальные научные проблемы по материалам II Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 мая 2015 г.).

Представлены научные достижения ведущих ученых, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов по наукам о земле, филологии, истории, философии, культурологии, социологии, демографии, журналистике, архитектуре, военному делу.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

УДК 001
ББК 72

ISBN 978-5-9906790-8-5
ISBN 978-5-9906900-1-1 (Часть III)

© Коллектив авторов, 2015
© ИП Ткачева Е.П. (АПНИ), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «НАУКИ О ЗЕМЛЕ»	6
<i>Ларина Г.Е., Лошаков А.И., Денисов С.А.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗОНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА ТЕРРИТОРИИ ПРИРОДНОГО ЗАКАЗНИКА «ДОЛИНА РЕКИ СЕТУНЬ» ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ СНЕГОНАКОПЛЕНИЯ	6
<i>Маркин Б.А.</i> ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УРБАНИЗИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА МУРОМА НА ОСНОВЕ ГЕОХИМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛЛЮТАНТОВ УРБОСРЕДЫ.....	10
<i>Самохвалов И.В., Насонов С.В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛЯРИЗАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБЛАКОВ ВЕРХНЕГО ЯРУСА, СОДЕРЖАЩИХ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ КРИСТАЛЛИЧЕСКИЕ ЧАСТИЦЫ	15
СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	18
<i>Айрапетова Э.Г.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ОСНОВНЫХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	18
<i>Васильева В.П.</i> ГРАФИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ	21
<i>Долгополова А.А.</i> ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНЫХ СТАТЕЙ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	24
<i>Ефимова О.В.</i> СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ-ИНСТРУКЦИЯХ.....	27
<i>Кульшарипова З.Г.</i> ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	32
<i>Нелькенбаум В.М.</i> СРЕДСТВА РЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ».....	34
<i>Ненарокова М.Р.</i> РАССУЖДЕНИЕ О ЦВЕТОЧКАХ КАНТЕМИРА.....	36
<i>Саяхова Д.К., Саяхова Д.К.</i> ДИСКУРС И ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	49
<i>Энэбиш Т.</i> СОБСТВЕННО ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА	52
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»	54
<i>Абрегова Ж.О.</i> САМОУБИЙСТВО КАК АНОМАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX В. В РОССИИ	54
<i>Арефьева И.А.</i> МЕРОПРИЯТИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДАЛЬНЕЙШЕМУ УКРЕПЛЕНИЮ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН И ОКОЛОЖЕНСКОЙ СФЕРЫ В ГОДЫ ВОВ.....	57
<i>Бутусов А.С.</i> ПРОБЛЕМА НИЩЕНСТВА И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ.....	59
<i>Гуменюк А.А.</i> ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ В СССР 1917-1952 гг....	62
<i>Марков В.А.</i> АНГЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ПАУПЕРИЗМ В XVI – НАЧАЛЕ XVII в.	70
<i>Пиреев А.И.</i> САРАТОВСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НА ВЫБОРАХ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ	74
<i>Турсунов Б.Б., Фозилжонов И.С., Эркинбоев М.Р.</i> ГАРМОНИЧНОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ – ОСНОВА ЗРЕЛОСТИ.....	79

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»	82
<i>Шпилькин Ю.И.</i> МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА	82
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ».....	85
<i>Иннокентьева В.С.</i> ЭПИЧЕСКАЯ СТРАНА НА КАРТИНЕ СУУРАЛДЫМЫ	85
<i>Стариков Н.В., Старикова С.И.</i> О СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ	87
СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	92
<i>Бабанина А.А., Самохвалова Е.В.</i> ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ.....	92
<i>Бинюкова Ю.О.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАБОТНИКОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ	95
<i>Богданова А.Д.</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПО ВОПРОСАМ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА.....	98
<i>Головкина О.С., Захаров В.М.</i> КОРПОРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ И РАЗВИТИЯ В ПРОЦЕССЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.....	101
<i>Дукин Р.А.</i> ФЕНОМЕН МЕДИАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	103
<i>Звонкина О.П.</i> ДОВЕРИЕ – СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ – НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО	106
<i>Корба О.А.</i> К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	108
<i>Морковкина А.Г.</i> ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ОТ НОВОГО ВРЕМЕНИ К СОВРЕМЕННОСТИ	111
<i>Пахомова Л.Э., Николаева Е.С.</i> ТЕНДЕНЦИИ В ИЗМЕНЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ И РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК У ШКОЛЬНИКОВ г. БЕЛГОРОДА В ПЕРИОД С 2002 ПО 2014 ГОДЫ.....	120
<i>Прах Д.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА К ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРОЙ.....	124
<i>Ткаченко О.В.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И ПОТРЕБЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	128
<i>Токарева Г.А.</i> ИННОВАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ И ИННОВАЦИОННОЕ МЫШЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ	130
<i>Хазов К.Н.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ	138
СЕКЦИЯ «ДЕМОГРАФИЯ»	141
<i>Кошкина К.Ю., Ларина Т.И.</i> ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА РАБОТНИКА	141
СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»	143
<i>Овчарова Г.Б.</i> ИМИДЖ РЕГИОНА: ВОЗМОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ	143
<i>Чабанова М.В., Кочиева З.А.</i> СИСТЕМА ЗАГОЛОВОЧНОГО КОМПЛЕКСА В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ	147

СЕКЦИЯ «СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА» 149

Шевченко В.А., Ракшов С.А. ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
ОТХОДОВ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СУХИХ
СТРОИТЕЛЬНЫХ СМЕСЯХ..... 149

СЕКЦИЯ «ВОЕННОЕ ДЕЛО» 155

Перунов А.Г., Мещеряков В.И., Косырев Е.Н., Черных В.Н. ПРИМЕНЕНИЕ
СТАТИСТИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПОЛНОЙ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ 155

СЕКЦИЯ «НАУКИ О ЗЕМЛЕ»

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗОНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА ТЕРРИТОРИИ ПРИРОДНОГО ЗАКАЗНИКА «ДОЛИНА РЕКИ СЕТУНЬ» ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ СНЕГОНАКОПЛЕНИЯ

Ларина Г.Е.

профессор кафедры почвоведения, экологии и природопользования
Государственного университета по землеустройству,
д-р биол. наук, профессор,
Россия, г. Москва

Лошаков А.И.

студент кафедры почвоведения, экологии и природопользования
Государственного университета по землеустройству,
Россия, г. Москва

Денисов С.А.

студент кафедры землепользования и кадастров
Государственного университета по землеустройству,
Россия, г. Москва

В результате сезонных исследований в условиях мегаполиса г. Москва было изучено снегонакопление на территории заказника «Долина реки Сетунь». Зонирование состояния снежного покрова позволило получить картограммы пространственного распределения взвешенных веществ, выпадающих из атмосферы. Установлены локальные участки загрязнения на территории заказника, которые формируются с учетом ветрового режима в зимний период и газопылевых выбросов транспорта (автомобили, метрополитен, железная дорога) в условиях мегаполиса.

Ключевые слова: экология, мегаполис, снежный покров, картографирование.

Снежный покров в городе представляет собой индикатор состояния атмосферного воздуха. Снег при формировании активно сорбирует примеси из атмосферы и депонирует не только влажные выпадения атмосферы, но и сухие пылевые выбросы от техногенных источников и автомобильного транспорта. Самым информативным компонентом в снежной массе являются твердые или взвешенные частицы «*particulate matter*», которые сорбируют наибольшее количество микроэлементов при формировании снежного покрова [1,4], второй важный показатель – уровень кислотности [2].

Целью нашего исследования было оценить современное состояние снежного покрова на территории заказника «Долина реки Сетунь» в условиях мегаполиса г.Москва.

Отбор кернов снежного покрова проводили в январе-марте 2015 г. по сетке с шагом 100 м на территории общей площадью 1,42 км². Провели анализ изменения физических свойств снега – его плотности, в зависимости от температуры и высоты снежного покрова. Снежные керны топили при ком-

натной температуре и в талой воде определяли $pH_{\text{вод}}$ и массу взвешенных частиц (согласно ГОСТ 17.1.5.05-85), ГОСТ Р 52407-2005).

Результаты

Погодные условия. Анализ погодных условий в январе-марте года наблюдений и среднемноголетних данных (таблица) показал, что зима в 2015 году была снежной, запас снега превысил среднемноголетние данные в 5-6 раз. Отметим, что направление и сила ветра также отличались, основное направление ветра соответствовало юго-восточному (ЮЮВ) и скорость в январе превышала на 27% среднемноголетний показатель, что потенциально опасно при переносе сухих пылевых выбросов от техногенных источников загрязнения. Прочие данные были сопоставимы.

Таблица

**Климатические условия за наблюдаемый период времени
(СМ – среднемноголетние данные)**

Месяц / год	январь		февраль		март	
Показатели	2015 г.	СМ	2015 г.	СМ	2015 г.	СМ
Среднемесячная температура, °С	-4,4	-8,6	-2,2	-1,9	1,9	2,8
Сумма осадков, мм	61	42	38	20	15	18
Относительная влажность, %	87	87	81	80	66	66
Коэффициент увлажнения	6,14	6,67	2,14	1,04	0,34	0,38
Ветер, направление	ЮЮВ	3	ЮЮВ	ЮЮВ	ЮЮВ	3
Скорость ветра, м/с	1,4	1,1	1,5	1,1	1,5	1,5
Высота снежного покрова, см	25	12	38	15	14	5
Запас влаги в снеге, т/га	1125	192	1710	285	630	100

О плотности снег. Свежий снег, выпавший в относительно морозную погоду с температурой воздуха около -10°C имеет плотность порядка $0,1 \text{ г/см}^3$. Удельный вес снега, лежащего на горизонтальных и/или на слабых уклонах составляет в среднем $0,16 \pm 0,04 \text{ г/см}^3$; в местах, где выше солнечная радиация удельный вес снега может достигать $0,70-0,75 \text{ г/см}^3$. Сочетание действия солнца, ветра и давления верхних слоев на нижние слои снежного покрова уплотняют снег и его удельный вес колеблется от $0,28 \pm 0,07 \text{ г/см}^3$ до $0,40 \pm 0,10 \text{ г/см}^3$. Поэтому плотность снега всегда выше на более теплых в сравнении с холодными северными участках.

Для рекреационных территорий в условиях мегаполиса по нашим данным были получены регрессионные модели, с помощью которых можно рассчитать плотность снега (P_s) в зависимости от высоты снежного покрова ($P_s = 0,0058 \cdot h$, $R^2 = 0,83$; где h – высота снега) и его температуры ($P_s = 0,045 \cdot t - 8,22$, $R^2 = 0,91$; где t – температура снега). Это имеет практическое применение при планировании мероприятий по подготовке и благоустройству «троп здоровья» или площадок для зимних забав на территории заказника «Долина реки Сетунь». В период обильных снегопадов и низких температур воздуха или декабрь-февраль, полезна модель расчета по высоте снежного покрова (рис. 1). К концу зимы плотность снежного наста под действием более интен-

сивного солнца и февральских ветров увеличивается, достигая $0,60 \pm 0,15$ г/см³. В этом случае для периода февраль-март рекомендуем применять модель расчета по температурному показателю (рис. 2). Отметим, что на территории заказника имеются локальные участки, где снег складывается во время очистки дорожек и игровых площадок, в этом случае удельный вес снега изменяется многократно и не описывается предложенными моделями.

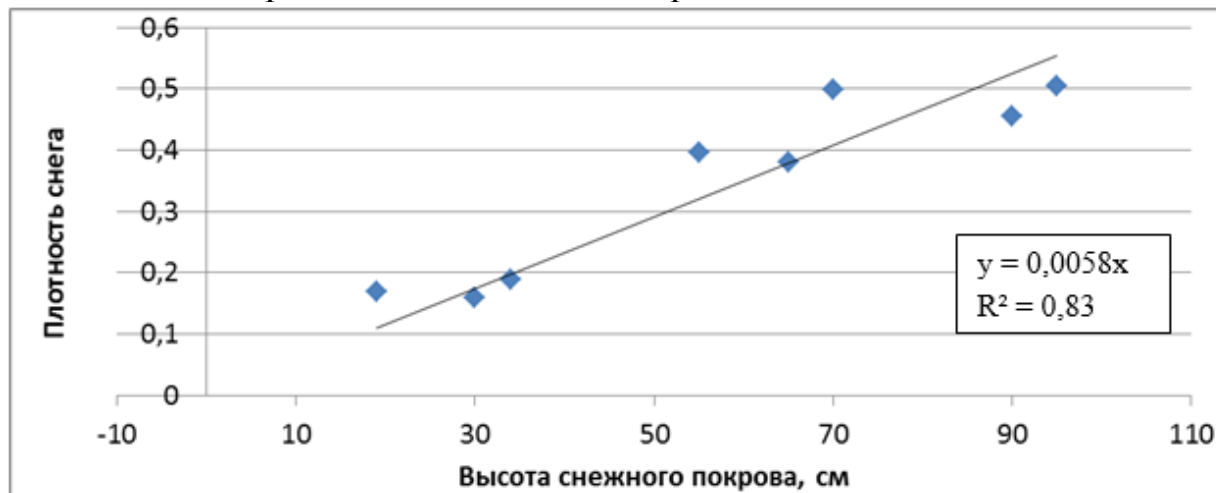

Рис 1. Изменение плотности снега в зависимости от высоты снежного покрова (декабрь-январь-февраль), г/см³

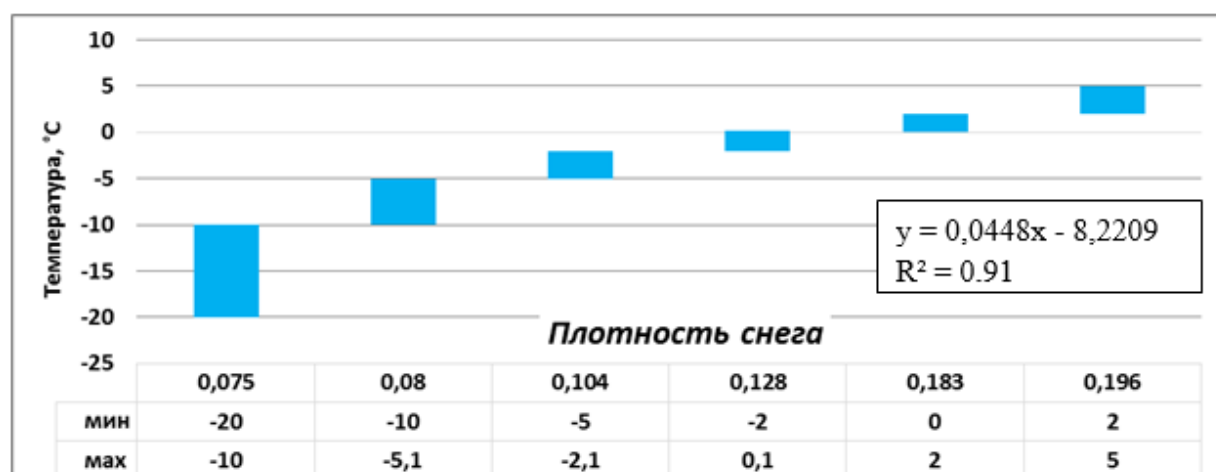

Рис. 2. Изменение плотности снега в зависимости от температуры воздуха в зимний период (декабрь-январь-февраль), г/см³

Картографирование показателей снежного покрова. Наши данные подтвердили результаты других исследователей [3,4] о том, что пространственное распределение индикаторных показателей снежного покрова отличается неравномерностью и обусловлено воздействием антропогенных источников. В целом экологическое состояние на территории заказника «Долина реки Сетунь» можно охарактеризовать как удовлетворительное: уровень кислотности талой воды из снега в среднем составил $7,46 \pm 0,05$, а содержание взвешенных частиц $0,13 \pm 0,06$ г/л. Однако на территории заказника установлены локальные участки А,В,С (рис. 3), отмеченные нами как кризисные, потому что содержание твердых частиц в талой воде, полученной из снега, составило 0,23-0,28 г/л, а рН_{вод} превысил уровень 7,5. В этих условиях сочета-

ние господствующего ЮЮВ направления ветра влияло на перенос атмосферных аэрозолей вглубь территории заказника и в целом на распространение сухих пылевых выбросов от следующих техногенных источников – автомобильный транспорт крупных автомагистралей, подвижный состав метрополитена и железной дороги.

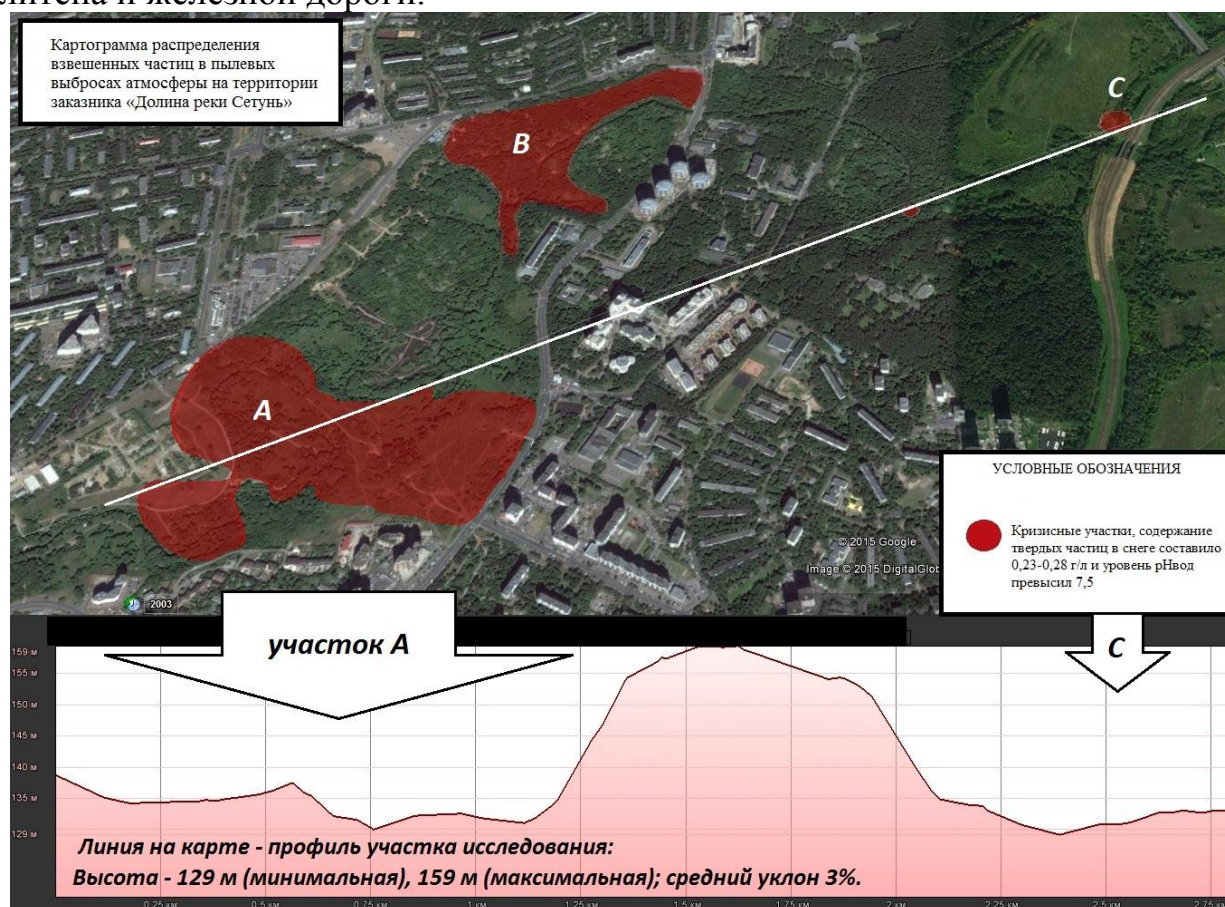

Рис. 3. Картограмма исследуемой территории заказника «Долина реки Сетунь» с указанием кризисных участков по накоплению взвешенных частиц из пылевых выбросов разных видов транспорта

Заключение

Итак, нами было изучено снегонакопление на территории заказника «Долина реки Сетунь», которое позволило охарактеризовать изменения величины плотности снега в зависимости от высоты снежного покрова и его температуры в условиях мегаполиса. По величине пространственного распределения взвешенных веществ, выпадающих из атмосферы, были установлены локальные участки загрязнения территории заказника, которые расположены в прямой близости от крупных автомобильных трасс и улиц, а также железной дороги. Установлено, что локальные загрязнения или кризисные участки на исследуемой территории, приурочены к понижениям рельефа (129-135 м). Поэтому в дальнейшем развитии территории природного заказника «Долина реки Сетунь» можно рекомендовать строительство защитных экранов и/или посадку древесных пород в виде полос вдоль транспортных магистралей, иначе говоря, использование методов устойчивого садового и ландшафтного проектирования. Этот подход отвечает эстетическим требованиям и позволяет снизить газопылевую нагрузку от интенсивного движения

транспорта, тем самым благоприятно воздействуя на здоровье населения в рекреационных зонах территории природного заказника «Долина реки Сетунь».

Список литературы

1. Индюшкин И.В., Темерев С.В. Оценка объемов снегового стока металлов в водоток в рамках модели «накопление – смыв» для урбанизированных территорий [Текст] // Химия в интересах устойчивого развития. – 2004. – Т. 12. – С.75-79.
2. Ларина Г.Е., Обухов А.И. Загрязнение тяжелыми металлами почв газонов Ленинского района г. Москвы [Текст] // Почвоведение. – 1996. – №11. – С. 1401-1406.
3. Систер В.Г., Корецкий В.Е. Инженерно-экологическая защита водной системы северного мегаполиса в зимний период [Текст] / В.Г.Систер, В.Е. Корецкий – М.: Изд-во МГУЭИ, 2004. – 159 с.
4. Шумилова М.А., Петров В.Г., Жиделева Т.Г. Исследование полей концентрации поллютантов вдоль городских автодорог [Текст] // Химическая физика и мезоскопия. – 2010. – Т.12. – №4. – С. 548-552.

ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УРБАНИЗИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА МУРОМА НА ОСНОВЕ ГЕОХИМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛЛЮТАНТОВ УРБОСРЕДЫ

Маркин Б.А.

учитель географии МБОУ «Основная общеобразовательная школа
№12» г. Муром Владимирской области,
Россия, г. Муром

В последнее время в связи с бурным развитием промышленности наблюдается значительное возрастание уровня тяжелых металлов в окружающей среде. В проведенных исследованиях металлы изучались с позиций их токсического воздействия на живые организмы, вызванного антропогенным загрязнением окружающей среды.

Ключевые слова: педосфера, тяжелые металлы, поллютанты, урбанизация, урбогеосистема, техногенные потоки.

Урбанизация – одна из форм современного развития общества и окружающей среды. Город неразрывно связан с процессом урбанизации и является ведущей формой территориальной и социально-экономической организации современного общества. В процессе развития человеческой цивилизации города становились средой жизнедеятельности всевозрастающего числа людей. Современные города являются центрами сосредоточения населения, промышленности, транспорта, коммуникаций и обусловленных этим деградации ландшафтов и интенсивного загрязнения окружающей среды [3, 7].

В процессе становления города его природная геосистема постепенно изменяется и на ее месте формируется новая антропогенная со специфическими чертами техногенного влияния. Общая тенденция развития и роста (функционирования) городов – прогрессирующее ухудшение состояния компонентов в них и условий жизни человека. Существенное негативное воздействие урбанизации испытывают депонирующие среды – почва, снег, расти-

тельность, которые обладают не только повышенной аккумулярующей способностью по отношению к химическим элементам, оказывая неблагоприятное воздействие на живые организмы, но свидетельствуют о состоянии урбанизированной среды в целом. Некоторые города по интенсивности загрязнения и площади распространения токсичных веществ в различных природных средах уже сейчас представляют собой техногенные геохимические провинции [9].

Несмотря на наличие различных подходов в изучении урбанизированной среды, методологические и методические основы геоэкологической оценки городов не до конца разработаны. Для принятия управленческих решений по сохранению и улучшению состояния городской среды важно опираться на геоэкологический анализ территории, включающий единую систему критериев и показателей определения реальной нагрузки на городскую среду, а также приоритетные методы исследования [1].

Наибольшую опасность для состояния окружающей среды и здоровья человека представляет загрязнение педосферы. Перенос загрязняющих веществ на большие расстояния осуществляется главным образом за счет миграции тяжелых металлов. Поступающие в нее примеси могут распространяться водными потоками на расстояние от нескольких сотен до нескольких тысяч километров. Металлы содержатся в большинстве видов промышленных, энергетических и автотранспортных выбросов в атмосферу и являются индикаторами техногенного воздействия этих выбросов на окружающую среду.

Суммируя сведения литературных источников, можно выделить следующие свойства тяжелых металлов с геоэкологической точки зрения:

- 1) высокая биохимическая активность большинства тяжелых металлов;
- 2) токсичность – отрицательное воздействие на физиологические функции организмов, состояние жизнеобеспечивающих природных сред всех тяжелых металлов в повышенных (токсических) концентрациях;
- 3) высокая аккумулятивная способность (трудность выведения из организма и окружающей среды);
- 4) высокая миграционная способность;
- 5) атомная масса выше 40, плотность более 5 г/см³.

Все загрязняющие вещества подразделяются на классы токсикологической опасности по степени вредного воздействия на здоровье человека [4].

Таблица 1

Классы опасности (токсичности) элементов (СанПиН 2.1.7.1287-03)

Класс	Элементы
I	Мышьяк, кадмий, ртуть, свинец, цинк, фтор, 3,4-бенз(а)пирен
II	Бор, кобальт, никель, молибден, медь, сурьма, хром
III	Барий, ванадий, вольфрам, марганец, стронций, ацетофенон

Токсичность тяжелых металлов зависит от форм нахождения их в окружающей среде. Особенно опасны металлоорганические соединения (тетраэтилсвинец и др.). Летучие элементы (мышьяк и др.) легко проникают в

организм человека через органы дыхания. Особую опасность представляют тонкодисперсные твердые аэрозоли тяжелых металлов, которые широко распространены и задерживаются в легких человека, вызывая онкологические и другие заболевания (Трофимов и др., 2002).

Для более полного и всестороннего исследования состояния окружающей среды важно проследить дальнейшую судьбу тяжелых металлов после таяния снежного покрова, так как значительная их часть попадает в почвы, поверхностные и подземные воды и в живые организмы.

Общеизвестно, что почва – самостоятельное природное тело, комплексная система, обладающая особыми свойствами, развивающимися в результате действия факторов почвообразования: материнской породы, климата, растительного, животного мира и микроорганизмов, рельефа, возраста почв, действия почвенных и грунтовых вод, хозяйственной деятельности человека. Почва возникла и развивается на стыке взаимодействующих литосферы, гидросферы, атмосферы, биосферы и находится с ними в непрерывном обмене веществом, энергией и информацией. В почве происходит перераспределение химических элементов и их соединений. По сути, почва играет роль буфера, регулируя процессы миграции веществ в ландшафтах. Так, кислые почвы могут нейтрализовать щелочные соединения, карбонатные – кислотные выпадения из атмосферы и др. (Орлов и др., 2000).

Антропогенные загрязнения приводят к изменению качественного состава и свойств почв, в первую очередь биологических: уменьшается общая численность микроорганизмов, сужается их видовой состав, изменяется структура микробиоценозов, снижается интенсивность основных микробиологических процессов и активность почвенных ферментов. Изменяются и более консервативные свойства почв: содержание гумуса, структура, кислотность и др. В итоге это приводит к частичной, а в некоторых случаях и к полной утрате плодородия [2].

Попадание поллютантов в почву происходит следующими путями: с атмосферными осадками; в результате осаждения в виде пыли и аэрозолей; за счет поверхностных сбросов твердых бытовых отходов; за счет промышленных, оросительных, канализационных стоков, стока с дорог, сельскохозяйственных полей и др.; за счет просачивания из подземных хранилищ нефтепродуктов, токсичных отходов и т.п.; при непосредственном поглощении почвой газообразных соединений; с растительным опадом.

В зависимости от почвенно-геохимических условий токсиканты, поступающие в почвенные горизонты с техногенными потоками, задерживаются в верхнем гумусовом горизонте; мигрируя, достигают материнских пород; попадают в подземные воды, влияя на их химический состав; вызывают вторичное загрязнение атмосферы; проникают в трофические цепи и организм человека. Загрязняющие вещества накапливаются в почве сравнительно быстро, а выводятся крайне медленно: период полуудаления цинка из почвы достигает 500 лет, меди – 1500 лет, свинца – нескольких тысяч лет. Можно говорить о том, что почва относится к наиболее стабильным накопительным компонентам среды в биогеохимическом круговороте веществ, поэтому мо-

мониторинг изменения состава почвы позволяет рассматривать ее как наиболее точный индикатор состояния всего природного ландшафта [8].

Многочисленными были проведены исследования образцов почвы, взятых с трех различных территорий города. Проверке была подвергнута гипотеза о подвижности микроэлементов в различных почвах в зависимости от pH почвенного раствора, которая проводилась двумя способами: с помощью уксуса и по методу Клычникова. Результат показан в таблице 2 с последующим сравнением таблицы 3 [5].

Таблица 2

Результат исследования		
	Почвы кислые pH<5,5	Почвы слабокислые и нейтральные pH 5,5-7,5
1-я точка. Школьный двор		реакция
2-я точка. Станция Муром-2	реакция	
3-я точка. Улица Куликова		реакция

Таблица 3

Подвижность микроэлементов в различных почвах в зависимости от pH почвенного раствора

pH почвы	Степень подвижности элементов		
	Практически неподвижен	Слабоподвижен	Подвижен
Почвы кислые pH<5,5	Mo	Pb, Cr, Ni, V, As, Se, Co.	Sr, Ba, Cu, Cd, S, Ni, Zn, Hg
Почвы слабокислые и нейтральные pH 5,5-7,5	Pb	Sr, Ba, Cr, Ni	Zn, V, As, S

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. Геохимический анализ почвы прошел двумя способами, результаты которого полностью совпадают

2. На основе результатов и данных таблицы 3, делаем предположение, что 2-я точка «Станция Муром-2» будет наиболее загрязнена поллютантами, в отличие от двух других точек. Наиболее подвижными тяжелыми металлами являются Sr, Ba, Cu, Cd, S, Ni, Zn, Hg. Таким образом, железнодорожный транспорт является достаточно активным поставщиком тяжелых металлов в почвенно-растительный покров полосы отвода железных дорог, причем способы их поступления в почвы разнообразны. Среди тяжелых металлов в выхлопных газах двигателей тепловозов наиболее приоритетными по объему выбросов являются свинец, а также, медь, никель, хром. Все они содержатся в продуктах переработки нефти, таких как бензин и дизельное топливо. При истирании ходовой части в окружающую среду поступает пыль, содержащая тонкодисперсные частицы, в которой наиболее токсичным элементом являются соединения цинка.

3. На основе результатов и данных таблицы 3, делаем предположение, что 1-я точка «Школьный двор» будет наименее загрязнена, но в почве наиболее подвижными металлами по результатам pH будут Zn, V, As, S. Не-

подвижным элементом является Pb. Накопление в школьном дворе этих металлов связано с растительностью: гипераккумулирующие растения – растения, развивающее большую биомассу и способное к аккумуляции Pb, Cr, Cd, Cu, Ni, Zn.

4. На основе результатов и данных таблицы 3, делаем предположение, что 3-я точка «Улица Куликова» будет наименее загрязнена, но концентрация таких тяжелых металлов, как Zn, V, As, S, Sr, Ba, Cr, Ni будет наибольшей, по сравнению, с точкой «Школьный двор». Главная причина образования в почве тяжелых металлов этого исследуемого участка – близость к закрытому рудобероидному заводу.

5. Результаты исследования показывают, что территория города Муром загрязнена различными тяжелыми металлами, но разных частях города состав и концентрация этих металлов отличаются. Поэтому, необходимо продолжить работу и выполнить геоэкологический анализ в других оболочках – гидросфере и атмосфере, чтобы получить наглядную картину очень сложной экологической обстановки на территории города Мурома.

Геоэкологический анализ является эффективным методом изучения сложных систем, в том числе экологического состояния городской территории, учитывающий ее природные и антропогенные особенности. С его использованием, на основе подбора приоритетных критериев и показателей, основных методов исследования можно дать комплексную оценку экологическому состоянию города, который рассматривается как сложная, целостная урбогеосистема [6].

Список литературы

1. Авессаломова И.А. Анализ природной ландшафтно-геохимической ситуации при изучении городов // Эколого-геохимическая оценка городов различных регионов страны: Сб. науч. ст. М.: ИМГРЭ, 1991. – С. 4-11.
2. Александровский А.Л., Александровская Е.И. Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука, 2005. – 222 с.
3. Битюкова В.Р. Экологические проблемы малых городов России // Вестник МГУ. Серия 5, География и экология. 2007. – № 1. – С. 13-21.
4. Добровольский Г.В., Никитин Е.Д. Экологические функции почв. – М.: Изд-во МГУ, 1986. 137 с.
5. Заиканов В.Г., Минакова Т.Б., Смирнова Е.Б. и др. Геоэкологические исследования и оценка урбанизированных территорий // Геоэкология. – 2000. – №5.-С. 410-421.
6. Калманова В.Б. Город как урбогеосистема // Региональные проблемы. – 2009. – № 12-С. 26-28.
7. Касимов Н.С. и др. Эколого-геохимические оценки городов // Вестник. МГУ. Серия 5, География. 1990. – № 3. – С. 16-21.
8. Карлович И.А. Геоэкология. Учебник для высшей школы. – М.: Академический Проект: Альма-Матер, 2005. – 512 с.
9. Карлович И.А., Маркин Б.А. Геоэкология и качество жизни населения России.//Геоэкологические проблемы современности: Доклады VI Международной конференции. Владимир, 8 октября 2014 г. / Под ред. профессора И.А. Карловича – Владимир: ООО "Аркам", 2014. – 238 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛЯРИЗАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБЛАКОВ ВЕРХНЕГО ЯРУСА, СОДЕРЖАЩИХ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ КРИСТАЛЛИЧЕСКИЕ ЧАСТИЦЫ

Самохвалов И.В.

зав. каф. оптико-электронных систем и дистанционного зондирования
Национального исследовательского Томского государственного университета,
д-р ф.-м. наук, профессор,
Россия, г. Томск

Насонов С.В.

младший научный сотрудник лаборатории развития поисковых исследований
Национального исследовательского Томского государственного университета,
Россия, г. Томск

В статье приводятся результаты экспериментальных исследований облаков верхнего яруса, содержащих ансамбли преимущественно ориентированных частиц, с помощью поляризационного лидара Томского государственного университета. Помимо этого, анализируются метеорологические условия в атмосфере на высотах формирования кристаллических облаков.

Ключевые слова: поляризационный лидар, облака верхнего яруса, матрица обратного рассеяния света, ориентация кристаллов.

Облака верхнего яруса (ОВЯ) или наиболее общая их форма перистые облака, представляют собой тонкие полупрозрачные облака в виде перьев, волн или вуали, которые располагаются на высотах 5-12км в средних широтах и состоят преимущественно из частиц льда с геометрическими размерами, изменяющимися в большом диапазоне от нескольких десятков микрометров до нескольких миллиметров. Изучению радиационных свойств ОВЯ в последнее время уделяется большее внимание в связи с их важной ролью в процессах формировании климата и теплового бюджета нашей планеты [1,2]. В свою очередь оптические характеристики таких облаков зависят от фазового состава, спектра размеров и форм, а также положения частиц в пространстве.

Сотрудниками Томского государственного университета и Института оптики атмосферы СО РАН (г. Томск) был разработан метод лазерного поляризационного зондирования [5], благодаря чему стало возможным определить, как ориентированы кристаллы в облаках, по соотношению элементов матрицы обратного рассеяния света (МОРС). Данный метод реализован на высотном поляризационном лидаре Томского государственного университета, где в настоящее время ведутся исследования оптических характеристик ОВЯ [3]. Лазерное поляризационное зондирование кристаллических облаков является практически единственным инструментом для получения информации о состоянии ориентации кристаллов в облаках.

В настоящей работе приведён пример наблюдения ОВЯ на высоте 4-6км 4 февраля 2015 года. На рисунке 1 изображены высотные профили интенсивно-

сти обратного рассеяния излучения, полученные в серии измерений №2. По оси x обозначена высота в километрах, по оси y – суммарное количество одноэлектронных импульсов, приходящих с соответствующей высоты и накопленных системой регистрации. Справа на рисунке в форме таблицы приведено пояснение к каждому профилю: S_i – состояние поляризации зондирующего излучения характеризуется нормированным вектором Стокса, G_j – приборный вектор приёмной системы лидара, характеризующий совокупное действие поляризационных приборов в приёмном канале. На высотах 4,5 и 5,5-6 км наблюдаются всплески интенсивности сигнала, обусловленные наличием облачных слоёв.

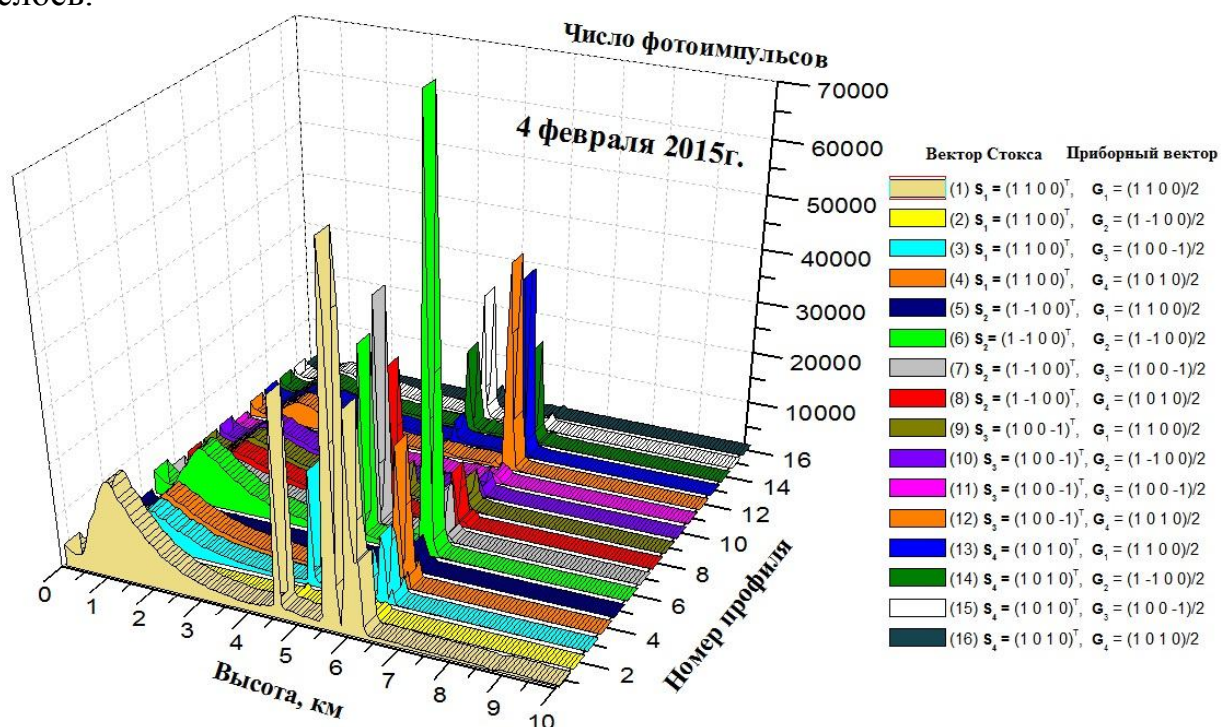

Рис. Вертикальные профили интенсивности обратно рассеянного излучения

Нижняя часть облака на высоте 4,5км характеризуется отношением рассеяния $R(4,575\text{км})=21$ и оптической толщей $\tau_1=0,11$. Верхняя часть на высоте 5,5-6км отношением рассеяния $R(5,625\text{км})=48$ и оптической толщей $\tau_2=0,28$. Степень поляризации по всему облаку близка к единице $p=0,97-0,99$.

МОРС имеет диагональный вид с элементами главной диагонали по модулю близкими к значению 1, а не диагональные элементы в пределах погрешности измерений близки к 0:

$$M(5,7\text{км}) = \begin{bmatrix} 1 & 0.00 & -0.04 & 0.05 \\ 0.00 & 0.99 & 0.06 & -0.06 \\ 0.04 & 0.06 & -0.96 & -0.02 \\ 0.05 & 0.01 & 0.04 & -0.94 \end{bmatrix}.$$

Элемент m_{44} является параметром, характеризующим полярную ориентацию, независимо от наличия или отсутствия азимутальной ориентации [6]. По мере группирования больших диаметров частиц возле плоскости перпендикулярной направлению зондирования, m_{44} принимает всё большие отрицательные значения, стремясь к асимптотическому значению (-1) . В эксперименте 4 февраля 2015г. значение элемента m_{44} составляло $-0,94$, что относит-

ся к случаям с сильной ориентацией кристаллов в горизонтальной плоскости, когда до 90% больших диаметров частиц отклонены от горизонтального положения на угол не более 10° [7].

Высокие значения степени поляризации, а также диагональный вид полученной МОРС позволяют предположить, что облако содержит сильно ориентированные в горизонтальной плоскости частицы, имеющие плоские геометрические грани.

Для анализа метеорологической ситуации на высоте наблюдаемой облачности привлечена информация об изменении с высотой давления, температуры, направления и модуля скорости ветра. С этой целью использовались данные, представленные на сайте Вайомингского университета США [4], откуда были выбраны наиболее близко расположенные к Томску станции измерений, находящиеся в г. Колпашево и г. Новосибирске.

По данным измерений в Колпашево 4 февраля 2015г. метеорологическая обстановка на высотах 4-6км была благоприятна для образования кристаллических частиц. Относительная влажность составляла 63-71%, разница между температурой и точкой росы около $2-5^\circ$, при западном направлении ветра. В случае с Новосибирском ситуация по температуре и влажности далека от насыщения по отношению ко льду. Относительная влажность была 22-28%, разница между температурой и точкой росы была $14-15^\circ$, преобладающее направление ветра – западное. Предположительно наблюдаемая в эксперименте облачность могла быть перенесена с запада. К моменту эксперимента по лазерному зондированию, в атмосфере на высотах 4-6км над Томском сложилась ситуация, благоприятная для наблюдения облаков, содержащих преимущественно ориентированные кристаллические частицы.

Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ и при финансовой поддержке стипендии Президента Российской Федерации для молодых ученых и аспирантов, осуществляющих перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики.

Список литературы

1. Baker B.M. Cloud microphysics and climate // Science. – 1997. – V.276. – P.1072–1078.
2. Ramanathan V., Collins W. Thermodynamic regulation of ocean warming by cirrus clouds deduced from observations of the 1987 El Nino // Nature. – 1991. – V.351. P27–32.
3. Samokhvalov I.V., Bryukhanov I.D., Nasonov S.V., Zhivotenyuk I.V., Stykon A.P. Investigation of the optical characteristics of cirrus clouds with anomalous backscattering // Russian Physics Journal. – 2013. – Vol. 55, № 8. – P.925-929.
4. University of Wyoming. URL: <http://weather.uwyo.edu/upperair/sounding.html> (дата обращения: 10.02.2015).
5. Кауль Б.В., Волков С.Н., Самохвалов И.В. Результаты исследований кристаллических облаков посредством лидарных измерений матриц обратного рассеяния света // Оптика атмосферы и океана. – 2003. – Т. 16. № 4. – С. 354-361.
6. Кауль Б.В. Симметрия матриц обратного рассеяния света в связи с ориентацией несферических аэрозольных частиц // Оптика атмосферы и океана. – 2000. – Т.13. №10. – С. 895-900.
7. Кауль Б.В. Оптико-локационный метод поляризационных исследований анизотропных аэрозольных сред [Текст]: дис. на соискание ученой степени д-ра физ.-мат. наук / Б.В. Кауль. – Томск, 2004. – 219 с.

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ОСНОВНЫХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Айрапетова Э.Г.

доцент кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования Пятигорского государственного лингвистического университета,
канд. филол. наук, доцент,
Россия, г. Пятигорск

В статье рассматриваются сочинительные союзы русского языка в их интегративно-объединительных и присоединительных значениях. Данное разделение опирается на принцип семантической однородности и семантической разнородности компонентов высказывания, связанных сочинительными союзами.

Ключевые слова: сочинительный союз, паратаксис, интегративно-объединительные функции, присоединительные функции.

Теория паратаксиса в русском языке разработана достаточно полно. Однако всегда существуют проблемы, которые не получили еще должного концептуального осмысления. Речь идет о типологии синтаксических связей, которые конституируют паратаксические отношения. Мы имеем в виду прежде всего дискуссионный вопрос о разграничении и противопоставлении в структуре паратаксиса присоединительных связей и неприсоединительных связей, которые мы называем интегративно-объединительными [1, с. 3].

Сочинительные союзы связывают однородные члены предложения, части предложения или отдельные предложения в условиях связного текста. По нашим данным, самыми частотными в употреблении являются союзы «И» (2852 раза в тексте из 75000 слов), «А» (1097 раз в тексте из 75000 слов и «НО» (784 раза в тексте из 75000 слов). (Сравните с данными, которые приводит В.В. Виноградов: союз «И» употребляется 1963 раза в тексте из 54000 слов, союз «А» – 740 раз [2, с. 204].) На этом основании мы ограничили исследование функций сочинительных союзов до названных трех.

Основные сочинительные союзы русского языка «И», «А», «НО», в отличие от своих составных дериватов, могут по-разному интерпретироваться в зависимости от семантико-синтаксических и прагматических контекстов своего функционирования. В одних контекстах они реализуют центроостремительные функции и употребляются как маркеры интегративно-объединительных семантико-синтаксических значений, в других контекстах эти же союзы актуализируют свои присоединительные лексико-семантические значения и становятся маркерами присоединительных, или разъединительных, связей. В последнем случае они проявляют свои центробежные свойства.

К интегративно-объединительным лексико-семантическим функциям

мы относим соединительные, разделительные, противительные, причинно-следственные и условно-следственные. Реализуя указанные функции, эти союзы связывают два или более компонентов высказывания (лексемы, синтагмы, простые и сложные предложения) таким образом, что первый компонент с той или иной степенью однозначности позволяет прогнозировать появление второго, коррелятивного компонента. Эта способность прогнозируемости является информационным параметром рассматриваемых интегративно-объединительных лексико-семантических связей и отношений.

Информационные параметры могут характеризовать лексико-семантические отношения, как дедуктивные, так и индуктивные, а также семасиологические отношения, в частности отношения синонимии, антонимии, так как знание, например, одного антонима в пресуппозиции содержит знание его коррелятивного элемента. Поэтому мы считаем, что сочинительные отношения как интегративное целое конституируются на основе соединительных, разделительных, условно-следственных и причинно-следственных связей. Что касается противительных связей, маркируемых союзом «НО», то они, как правило, имеют в своей основе условно-следственные отношения, которые нарушаются.

Интегративно-объединительные семантико-синтаксические связи рассматриваемых союзов формируются в обобщенном смысле с опорой на интенциональную, или признаковую, фреймовую семантику, под которой мы понимаем область логико-семантических и семасиологических отношений. Логико-семантические отношения маркируют отношения между компонентами, связываемыми сочинительными союзами, в которых антицедент прогнозирует появление консеквента, а высокая степень прогнозируемости, как известно, является основным признаком сочинительных связей. Наряду с логико-семантическими отношениями существуют и семасиологические отношения (синонимия, антонимия и т.д.), которые содержат основание для сравнения, позволяющее прогнозировать на основе пресуппозиции синонимические или антонимические ряды. Мы хотели бы здесь отметить, что данный тип фреймовой семантики определяется семантически понимаемыми однородными членами предложения в противоположность формальным однородным членам предложения. Семантически однородные члены предложения отождествляются на основе объединяющего их интегрального признака логико-семантической и семасиологической природы. Хотелось бы обратить также внимание и на конструкционную семантику, в структуре которой элементы связаны высокой степенью прогнозируемости, например «не только ... но и», «не так ... как», «не столько ... сколько», «как ... так и» и т.п.

Присоединительные лексико-семантические функции рассматриваемых сочинительных союзов образуют оппозицию их интегративно-объединительным функциям. В структуре высказывания они приобретают относительную самостоятельность по отношению к базисной части высказывания, т.е. из семантических становятся автосемантическими и из маркеров

семантико-синтаксических связей трансформируются в маркеры семантико-синтаксического разрыва между базисной и присоединительной частями высказывания. Отсюда следует, что рассматриваемые сочинительные союзы в данной функции можно назвать также дезинтегративными. Признак дезинтегративности подчеркивает семантико-синтаксический аспект взаимосвязи базиса и присоединения, в то время как термин «присоединение» маркирует факт временной отложенности добавления информации к базисной части высказывания.

Что касается содержательной интерпретации присоединения, то нам представляется, что присоединение не коррелирует с причинно-следственными отношениями, но формально оно коррелирует прежде всего и преимущественно с соединительными отношениями, а также с отношениями разделительности и противительности, но переосмысленными в терминах ситуативно-фреймовой семантики. Ситуативно-фреймовые связи рассматриваемых союзов так или иначе могут формироваться на основе фреймовой семантики или на основе семантики скриптов, сценариев и т.д. Под ситуативными фреймами принято понимать такое объединение лексических номинаций, которое характеризует социально закрепленные локусы, имеющие достаточно фиксируемый набор своих референтов. Знание фреймового локуса предопределяет знание его референтов, которые так или иначе ситуативно обозначены и с различной степенью вероятности прогнозируемы. Между элементами фреймового локуса не существует ни логико-семантических отношений, ни семасиологических связей. Поэтому мы можем рассматривать присоединение как результат сравнительно высокого или же максимального ослабления логико-семантических и семасиологических, соединительных, разделительных и противительных связей, которое компенсируется ситуативно-фреймовыми связями.

Таким образом, паратаксис может быть подразделен на два типа синтаксиса: 1) интегративно-объединительный синтаксис, основанный на логико-семантических и семасиологических связях, и 2) присоединительный синтаксис, закономерности которого определяются ситуативно-фреймовым контекстом. Это позволяет наряду с термином «присоединительный синтаксис» употреблять термин «ситуативно-фреймовый синтаксис».

Список литературы

1. Айрапетова, Э.Г. Структурно-семантические и функциональные свойства сочинительных союзов русского и английского языков (сопоставительный подход) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.Г. Айрапетова. – Пятигорск, 2002. – 22 с.
2. Виноградов, В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.

ГРАФИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Васильева В.П.

ассистент кафедры иностранных языков Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы,
Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются графические и фонетические особенности английских и русских рекламных текстов. Вербальный аспект рекламного текста представляет особую важность, поэтому рассмотренные в данном тексте фонетические и графические особенности рекламных текстов оказывают большое влияние на их коммуникативную эффективность.

Ключевые слова: рекламный текст, графические выделения, фоносемантика, созвучие, рифма, ритм.

Несмотря на то, что рекламный текст сложен и объединяет в себе много аспектов, особую важность имеет его вербальный аспект. В рамках данной статьи мы обратимся к более подробному его рассмотрению, т.е. рассмотрим графические и фонетические особенности рекламы.

Графические искажения достаточно часто используются авторами рекламных текстов для привлечения внимания зрителя или читателя. Можно выделить два основных типа графических искажений: графические выделения и преднамеренные грамматические ошибки.

Графические выделения очень часто встречаются в заголовках, либо в слоганах и применяются с целью «выделить или по-особому обыграть название товара или фирмы» [2]. Например: «So lush so irresistible...it's sensational. Colour Sensational», «Take your COLOUR to the MAX» (краска для волос под названием Colour), «You have to love a razor SENSITIVE to your needs» (бритвенный станок Venus ProSkin sensitive), «Feel like a VIP with Vodafone at London Fashion week» (реклама тарифа Vodafone VIP и London fashion week-недели моды в Лондоне), «ИДЕАЛЬНАЯ КОЖА БЕЗ ПЯТЕН» (крем Idealia Pro), «ГЕНИАЛЬНАЯ премьера восхитительных ресниц» (тушь для ресниц Premiere Geniale). Также графические выделения могут использоваться для обозначения двух сообщений в тексте. Так, при первом взгляде на него в глаза бросается графически выделенное более короткое – так называемый «двойной текст», который содержит в себе уже два послания, отношения между которыми могут быть самыми разными. Можно привести следующие примеры: «ПодкреПИЦЦА вовеРМИА» (Кафе Пицца Миа), «3 steps **to super-smooth hair**» (шампунь Keratin Smooth), «New SUPERTOUGH lenses free in our kids' glasses» (линзы для очков Supertough)

В качестве приема также могут быть использованы орфографические ошибки, при этом у них в рекламе могут две основные функции. Зачастую она добавляет определенные коннотации: «Вкус, знакомый с детства. Жувачка», «Береги жубы ш дештва!» – в этих рекламах ошибки создают эффект

неправильного выговаривания, имитируют особенности произношения беззубого человека и детей.

Вторая важная функция ошибки заключается в том, чтобы сделать рекламу более благозвучной или запоминающейся: «Knorr – вкусен и скорр!» (Реклама бульонных кубиков.); «Beanz meanz Heinz». (Искаженное Beans means Heinz – «Бобы означают Хайнц». Реклама фирмы Heinz.).

Важно помнить, что только мотивированная орфографическая ошибка вызывает интерес у адресата, в противном же случае, эффект будет скорее негативным.

Что касается фонетической стороны рекламы, давно известно, что «звуки также обладают определенным смыслом и с их помощью возможно оказывать целенаправленное воздействие на человека и его эмоции» [1, с. 190].

Фоносемантика – некий смысловой потенциал определенных звуков, который образуется путем ассоциаций звуков и передающих их букв. Эти ассоциации весьма смутны, однако являются общими для большинства носителей языка – таковы, например, звуко-изобразительные ассоциации (рокот – Р, плавность и тягучесть – Л, нудность – Н, пронзительность – И, мрачность – У и т.д.).

Для адекватной фонетики рекламной фразы большую роль играет благозвучность и ассоциативное соответствие. Этого можно достичь, используя слова, в которых преобладают звуки с семантикой, сходной с общим смыслом рекламного сообщения.

В целом рекомендуется использовать в рекламе простые слова: они возникли первыми и наиболее ярко передают соответствие звукового состава изображаемому предмету или явлению. Например, в слове «легкий» звонкий [л] и пронзительный [и] передают идею невесомости, воздушности, тонкости; в слове «толстый» тяжелое глухое [г] и округлое сытое [о] создают впечатление пухлой, объемной формы предмета.

С помощью удачного звукового решения слоган может передать не только общую идею, но и дать подсознательную ориентировку на товарную категорию, способ и ситуацию использования товара. Например:

We've been a creamy blend of sweet and tangy since 1933. (реклама соуса для сэндвичей и салатов, звуки /w/, /i:/, /l/ производят впечатление чего-то тягучего, приятного и мягкого).

Seductive. Design and versatility. (автомобиль Хонда, обилие гласных и звук /s/ создают эффект обтекаемости).

Fresh and flawless (серия средств по уходу за кожей, звуки /f/, /l/ указывают на свежесть и чистоту).

Сила аргинина. Волосы растут более сильными (звук /p/ указывает на силу).

Освежающая сенсация (реклама средств для ухода за кожей со свежим запахом, звуки /ж/, /ш'/, /с/ создают эффект свежести).

Созвучие и рифма – один из эффективных способов облегчить потребителю восприятие рекламного текста, в первую очередь – слогана. Наличие

в слогане двух и более созвучных слов значительно увеличивает его запоминаемость. Объектом созвучия должна быть значимая информация: имя бренда, товарная категория. Созвучие имеет смысл только тогда, когда оно служит запоминанию нужной информации. Например:

Яркое утро. Юбилейное утреннее.

Ощути изысканный микс вкусов и тонкое послевкусие KENT iMIX

You have to own a razor sensitive to your skin's needs. Introducing PROSKIN SENSITIVE.

Созвучие особенно эффективно для облегчения запоминания имени бренда, особенно если это иноязычное или специально созданное слово. «Включая в слоган созвучные имени бренда слова, мы создаем «узелки на память», потянув за которые, потребитель легко воспроизведет малопонятное, трудное или иноязычное название продукта» [1, с.191]. Например:

«Момент настал – прими Гастал»,

«Mr Proper веселей, в доме чисто в два раза быстреей»,

«Чистота – чисто Tide».

Рифма должна быть функциональна: во-первых, рифмоваться должны значимые слова, а во-вторых, рифма должна быть стилистически и семантически связана с общим смыслом рекламного сообщения, например:

«Жиллет – лучше для мужнины нет», «Tomas. Обрати внимание – сделано в Германии!», «M&Ms в любом месте – веселее вместе», «Амбробене, Амбробене – средство из Германии, Амбробене, Амбробене – жить без кашля правильно».

Рифма может функционировать не только отдельно в слогане, но и вплетаться в рекламный текст наряду с нерифмованными предложениями, например:

«Всё тип-топ, каблучки-макияж,

Всё тип-топ, и этот день наш.

Каждый день только твой,

Если Always с тобой»;

«Если ты еще не знаешь, то узнаешь прямо здесь-

Бесплатные звонки и смс-бонус от МТС»;

«Take a hike plaque and don't hurry back. Crest Pro-Health».

Эти приемы делают рекламу более запоминающейся, ведь при многократном повторении она откладывается у покупателя в памяти, хочет он того или нет и при возникновении потребности в подобном продукте он создает у себя в голове ассоциативную цепочку и покупает тот продукт, который приходит в голову.

Рекламные стихи «не должны претендовать на шедевр современной литературы, однако должны соответствовать правилам языка и создавать положительные ассоциации с товаром» [1, с.193]. Некачественные, абы как зарифмованные рекламные тексты вызывают у потребителя отторжение. Например:

«Я – хрю-хрю, от свинки МЯСО,

Мне желудки ваши снятся!»

Здесь нарушена логика и возникают нелепые картины, которые мешают восприятию рекламного сообщения.

Использование ритма в рекламном слогане «позволяет структурировать его, что помогает увеличить запоминаемость примерно в полтора раза» [6, с.195]. Без рифмы и характерного разбиения на строки наличие ритма не считается большинством потребителей, но на уровне подсознания ритмизация фразы помогает запомнить слоган. Особенно эффективен ритм в длинном слогане. Например:

«Стояла перед выбором. Не устояла. Новые коллекции в Меге». (Ямб)

Итак, создатели рекламных текстов активно используют графическую и фонетическую сторону языка. Так, частыми графическими приемами являются выделения, а фонетическими – использование семантического потенциала звуков, созвучий, рифмы и ритма.

Список литературы

1. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе [Текст] / Ю.С. Бернадская. – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 288 с.
2. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста [Текст] / М.Ю.Казак // Современный дискурс-анализ, 2013.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНЫХ СТАТЕЙ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Долгополова А.А.

переводчик английского языка,

Карагандинский Государственный Технический Университет,
Казахстан, г. Караганда

В статье рассматриваются особенности перевода научных текстов с английского на русский язык на примере аутентичных статей американских, британских и австралийских авторов. Даются рекомендации по переводу структурных составляющих статьи – аннотации, введения, основной части, а также некоторых конструкций.

Ключевые слова: научная статья, перевод, лексико-грамматический оборот.

Научный перевод составляет большую часть работы переводчика английского языка, работающего в вузе технического профиля. Переводчик часто сталкивается с необходимостью переводить научные статьи на английский язык для публикации их в международных изданиях. В этой связи, в данной статье мы рассмотрим некоторые особенности перевода научных статей с русского на английский язык. Данная работа ориентирована на переводчиков, а также исследователей, самостоятельно переводящих свои статьи. В качестве источника мы будем использовать статьи американских, британских и австралийских авторов, опубликованные в международных научных журналах.

Итак, любая научная статья содержит аннотацию (abstract). Аннотация русскоязычной статьи обычно содержит следующие пассивные конструкции: в статье приводятся результаты исследований по..., в статье рассматривается..., проведено исследование..., рассчитано..., проведен анализ... На наш взгляд, данные конструкции уместно переводить следующими вариантами, избегая нагромождения пассивных форм: the work presents research results on..., the article considers/discusses/deals with/calculates/assesses... (рисунок).

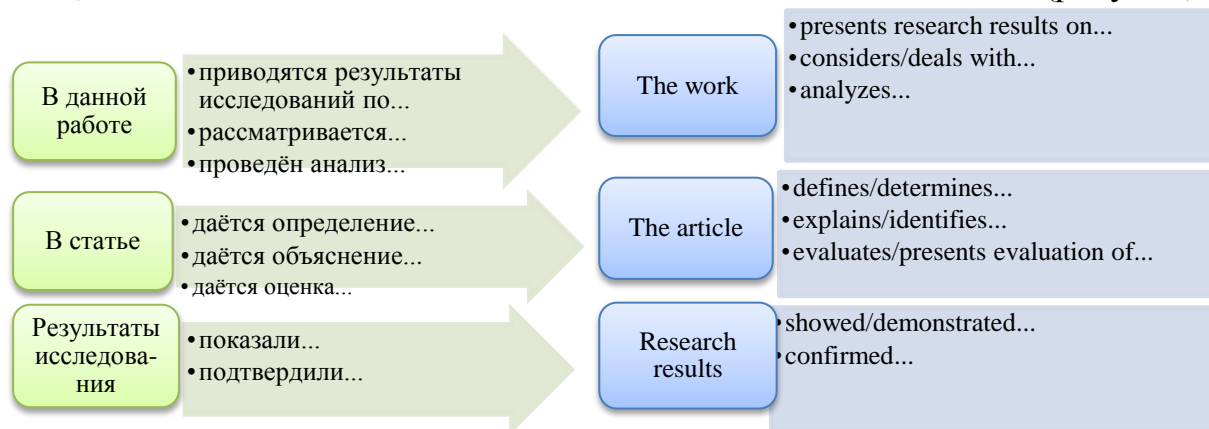

Рис. Рекомендации по переводу аннотаций к научным статьям

Если для русскоязычного научного стиля характерны конструкции типа «в статье делается вывод/рассматривается/выдвигается предположение о том, что...», то на английский следует взять слово «статья» как подлежащее: «статья предполагает/определяет/рассматривает...». Приведём пример из аутентичного текста: «Textbooks sometimes assume that ferroelectric wall dynamics is analogous to that of magnetic walls» [4, с.8].

Анализируя русскоязычные и англоязычные статьи, мы пришли к интересному выводу. Как известно, на постсоветском научном пространстве принято использовать местоимение «мы» для описания исследования одним автором (конструкции типа «мы пришли к выводу») – с целью выражения своего мнения как бы от имени всего научного сообщества, проявления научной солидарности. Однако для англоязычных статей характерен другой стиль: повествование от первого лица (In this article/work, I will look at/I will explain/I present review of ...), употребление местоимения “we” лишь при наличии нескольких авторов (а не одного). Приведём примеры: «...I will briefly explain the role of independent reading plays in my reading courses» [2, с.7] (один автор), «We describe some unsolved problems of current interest...» [4, с.4].

Во введении (introduction) автор обычно делает обзор литературы (literature review) на тему исследования. В русскоязычной статье это выглядит так: «По мнению учёного А, ...», «Согласно исследованию, проведённого Б, ...», «В приходит к выводу, что.../критикует/положительно отзывается о.../сообщает/подчёркивает/утверждает». Дословный перевод данных вводных конструкций недопустим, и в англоязычных статьях нам чаще встречались следующие конструкции: «Research by A and B highlights/emphasizes...», «A and B criticize/found/point out/claim that», «A praises the role of...», «B conclud-

ed that.../identifies/reports»; также возможно использовать пассивную конструкцию «It was shown/concluded/calculated by A that...». Приведём примеры: «A recent review article by Krug ... evaluated the efficacy and consistency of published nano-safety research papers...» [6, с.2], «And recent work has shown that Potts models with $n > 5$ are required to generate hexatic Kosterlitz–Thouless melting in two dimensions» [4, с.6], «Chiva and Alegre claim that due to increasing competition, innovations are rapidly becoming a key factor for the success and survival of businesses» [3, с.27]. При упоминании книги с несколькими авторами (к примеру, на русском: Иванов, Марченко и др.) в переводе на английский необходимо использовать выражение *et al*: Himmelstein et al.

В основной части статьи, как правило, приводятся данные о расчётах, вычислениях, экспериментах, ходе исследования. К примеру, такие выражения как «был проведён анализ экспериментальных данных/была рассчитана оптимальная схема...» можно переводить с сохранением пассивного залога: «There had been analyzed experimental data/ there had been calculated an optimal scheme...». Также допускается описание от первого лица: «We analyzed experimental data/we calculated an optimal scheme...». Приведём примеры из аутентичных текстов: «Next, we describe the results from current biokinetic and toxicity studies for nanoscale and pigment-grade TiO₂ following oral administration of fine and/or nanoscale test particles» [6, с.2], «We demonstrate its use in OPV devices with a direct comparison to standard ITO-based solar cells» [5, с.2], [4, с.3].

Также практически в каждой отечественно научной статье встречаются пассивные конструкции типа «отмечается, что», «делается вывод», «было рассмотрено» для выражения автором своего мнения либо хода исследования. Есть два допустимых варианта перевода: сохранение пассивного залога («it is suggested/recognized», «it was concluded», «there will be considered...») или употребление местоимения («we believe/assume/propose/think/considered/concluded that...»). Рекомендации использовать местоимения первого лица и отказываться от безличного перевода также содержатся в современной литературе по практическому научно-техническому переводу [1, с.154].

Таким образом, мы вкратце рассмотрели некоторые особенности перевода научных статей на английский язык, взяв за основу аутентичные статьи британских, австралийских и американских авторов. Данная тема обширна, мало изучена и, безусловно, требует разработки в рамках более крупного исследования.

Список литературы

1. Климзо, Б.Н. Ремесло технического переводчика: Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. 2-е изд., переработанное и дополненное. –М: Р.Валент, 2006. – 508 с.
2. Bray, E. Using task journals with independent readers.//Forum. – 2002. № 40. – p.7.
3. Koren, R.A, Palčič, I.B. The impact of technical and organisational innovation concepts on product characteristics. //Advances in Production Engineering & Management. – 2015. – № 1. – p. 27–39.

4. Scott, J.F., Schilling A., Rowley, S.E., Gregg, M.J. Some current problems in perovskite nanoferroelectrics and multiferroics: kinetically-limited systems of finite lateral size. //Science and Technology of Advanced Materials. – 2015. № 16. – 9 pp.

5. Stapleton, A.J., Yambem, S.D., Johns, A.H., Afre, R.A., Ellis, A. V., Shapter, J.G., Andersson G.G., Quinton J.S., Burn, P.L., Meredith, P., Lewis, D.A. Planar silver nanowire, carbon nanotube and PEDOT:PSS nanocomposite transparent electrodes. //Science and Technology of Advanced Materials. – 2005. № 16. – 7 pp.

6. Warheit, D.B., Donner, E.M. How meaningful are risk determinations in the absence of a complete dataset? Making the case for publishing standardized test guideline and ‘no effect’ studies for evaluating the safety of nanoparticulates versus spurious ‘high effect’ results from single investigative studies.//Science and Technology of Advanced Materials. – 2015. № 16. – 5 pp.

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ-ИНСТРУКЦИЯХ

Ефимова О.В.

доцент кафедры европейских языков

Института международных отношений, канд. филолог. наук, доцент,
Россия, г. Пятигорск

В статье аббревиация и словосокращения рассматриваются в качестве одного из наиболее продуктивных в языкознании способов создания номинативных единиц. В научно-технических текстах, и в частности, в различного рода инструкциях, которые стали неотъемлемой частью повседневной жизнедеятельности современного индивида, используется значительное количество сокращенных слов. Более детальное изучение структуры такого рода лексических единиц может способствовать их лучшему пониманию.

Ключевые слова: аббревиация, сокращения, инициальные буквенные аббревиатуры, графические сокращения, акронимы, сложносокращенные слова, научно-технические тексты, тексты-инструкции.

На современном этапе развития языка аббревиация является одним из самых распространенных способов создания номинативных единиц. Тенденция к сокращению слов появляется под влиянием многих экстралингвистических и внутриязыковых факторов. Такое явление можно заметить практически во всех странах и языках разных наций. За последние десятилетия почти во всех сферах деятельности растет число аббревиатур. Также можно констатировать, что частота употребления аббревиаций возрастает. Таким образом, аббревиация становится одним из наиболее продуктивных способов словообразования.

Сокращения и аббревиатуры являются обязательной составной частью любой лексики специального назначения (в частности в научно-технической сфере) и базовым источником ее обновления и пополнения. Большое количество сокращенных лексических единиц различного рода определяет одну из черт современной английской бизнес лексики.[1] Сокращения также очень распространены как в устной коммуникации деловых людей, так и в различ-

ных письменных формах документов. Аббревиации объективно существуют в языке, а любой объективный процесс должен иметь свои закономерности. Данная статья посвящена непосредственному выявлению закономерностей образования и развития сокращений, определению их места в системе научно-технических текстов.

Проблематика, связанная с сокращениями, очень широка и многоаспектна. Сложность в изучении сокращений, и в частности аббревиатур, усугубляется тем, что они имеют весьма разнообразный характер, а также тем, что некоторые из них связаны с символами, стенографической записью, условными обозначениями и т. п.

Даже не являясь специалистом в области лингвистики, практически каждый современный человек в процессе своей жизнедеятельности сталкивается с необходимостью понимания и применения различных бытовых приборов и гаджетов. В подавляющем большинстве случаев данные девайсы снабжены инструкциями на русском языке, однако иногда качество перевода оставляет желать лучшего, а зачастую некоторые слова так и остаются в своем оригинальном виде на английском языке. Это, как правило, различные аббревиатуры и сокращенные слова, которые представляются наиболее сложными для восприятия и перевода лексическими единицами в текстах специального назначения.

Таким образом, становится очевидной актуальность данной статьи, целью которой является уточнение основных закономерностей и принципов создания современных научно-технических сокращений и аббревиатур, что, возможно, в дальнейшем облегчит понимание и использование многочисленных инструкций.

Анализ структуры научно-технических аббревиатур и сокращений проводился нами на основании классификации, предложенной Е.А. Дюжиковой [2]. В процессе исследования выяснилось, что наиболее характерными для научно-технических текстов являются следующие структурные модели:

- инициальные аббревиатуры – слова, образованные из названий первых букв или из начальных звуков слов, входящих в базовое сочетание слов. Данный тип подразделяется на подтипы:

аббревиатура буквенная, составленная из алфавитных названий инициальных букв лексических единиц, образующих исходное словосочетание *e.m.f.* – *electromotive force* (электродвижущая сила). Буквенные сокращения номинативных словосочетаний могут принимать в английском языке окончания множественного числа – букву *-s* (иногда отделяемую от сокращения апострофом чтобы не допустить слияния и нарушения принятых грамматических норм): *C.R.T.'s* – *cathode-ray tubes* (электронно-лучевые трубки). Если буквенное сокращение представлено одним словом, то оно произносится полностью как исходное слово: *p.* – *page* (страница). При этом выделяются такие подтипы данного типа, как сочетание букв и слогов: *Abs E* – *absolute error* (абсолютная ошибка), *Bur(of)Stnds* – *Bureau of Standards* (бюро стандартов), а также сочетание букв и цифр: *A 1* – *A one* (первосортный), однако в ходе практического исследования мы не использовали такое детальное дробле-

ние этого типа на подтипы, рассматривая все примеры как инициальные буквенные аббревиатуры.

- Аббревиатура звуковая (акроним), образованная из инициальных звуков слов первоначального словосочетания, произносимая как единое слово: *Laser – Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation* (лазер, квантовый усилитель).

- Графические сокращения, обозначенные на письме, при этом в реальной речи они, как правило, заменяются полнозначными словами: лигатура «&» в сокращениях всегда заменяет союз «and» – *P. & L. Profit and Loss* (прибыль и убытки), «& Co» – *and company* (и компания).

- Усеченные слова, при образовании которых может исчезать:

- а) инициальная часть слова – эфери́зис, при этом сохранившаяся часть читается как новое слово: *chute – parachute* (парашют), однако следует отметить, что усечения такого рода немногочисленны;

- б) финальная часть слова – апоко́пы: *min – minute* (минута), *fig. – figure* (рисунок, чертеж). Как показывает практический анализ научно-технических текстов, данный тип усечения является основным;

- в) медиальная часть исходной единицы – синко́пы: *ft – foot* (фут);

- г) отдельные элементы слова, главным образом гласные буквы: *opnl – operational* (эксплуатационный).

При практическом анализе текстов-инструкций мы не использовали такое детальное дробление этого типа на подтипы, рассматривая все примеры как усечения.

- Сложносокращенные слова, образованные из начальных частей двух или более слов: *milcon – military construction*, или же представляющие собою слияние первой части одного слова с другой лексической единицей словосочетания: *compole – commutating pole* (вспомогательный или дополнительный полюс), *preampr – preamplifier* (предварительный усилитель).

- Смешанные сокращения, представляющие собой смешение нескольких различных типов: *E.P. additive – extreme-pressure additive* (противозадирная приставка), *e-mail, ePower, eAudio, eNet, eSettings*.

Материалом для экспериментального исследования послужили online-словарь английских аббревиатур и сокращений: <http://acronymfinder.com/> [3], а также тексты инструкций по эксплуатации различной бытовой и компьютерной техники и электроники – ЖК телевизоров, компьютеров, холодильников, стиральных, посудомоечных, кофемашин, другой оргтехники и электроники.

Статистический анализ текстов инструкций показал, что более половины всех употребляющихся в них сокращенных слов представлено инициальными буквенными аббревиатурами, что составило 58% от всех экспериментальных образцов, например:

- E – electric field strength* (напряженность электрического поля)

- PP – peripheral processor* (периферийный процессор)

- DOS/VS – disc operating system/virtual storage* (дисковая операционная система, реализующая виртуальную память)

PC – *personal computer* (ПК, персональный компьютер)

LCD TV – *liquid crystal display television* (ЖК ТВ, телевизор с жидкокристаллическим дисплеем)

USB – *universal serial bus* («ю-эс-би», универсальная шина последовательной передачи данных)

AC – *altering current* (переменный ток)

http – *hypertext transfer protocol* (протокол передачи гипертекста)

HTML – *hypertext markup language* (язык гипертекстовой разметки, язык HTML).

LED TV – *light emitting diode television set* (светодиодный телевизор)

Необходимо также отметить, что в нашем материале значительное количество аббревиатур данного типа было представлено комбинацией букв и цифр (*mp 3*, *IEEE 1394* – интерфейс), однако в рамках нашей работы данные примеры не представляют интереса, так как не вызывают особых затруднений понимания такого рода информации.

Вторая по частоте употребления структура сокращенных слов представлена усечениями различных типов, преимущественно конечной части слова – апокопами или усечением гласных букв, их объем составил 19%. Например:

Hz – *hertz* (герц)

rect – *rectifier* (усилитель)

app – *apparatus* (аппарат, прибор)

apps – *applications* (приложения)

Sync – *synchronize* (синхронизировать)

Alt – *alteration* (изменить)

Esp – *especially* (особенно)

dwg – *drawing* (рисунок, чертеж)

tmtr/tr – *transmitter* (передатчик)

ctrl – *control* (контролировать).

Следующими по частоте употребления являются графические сокращения, на их долю приходится 12% образцов. Среди наиболее употребительных следует отметить:

& Co – *and company* (и компания)

i.e. – *id est, that is* (то есть)

a.m. – *ante meridiem, before noon* (до полудня)

p.m. – *past meridiem, after noon* (после полудня)

m – *meter* (м, метр)

mm – *millimeter* (мм, миллиметр)

cm – *centimeter* (см, сантиметр)

Nº – *number* (номер)

NB – *nota bene – pay attention* (обрати внимание)

GB – *gigabyte* (ГБ, гигабайт)

MB – *megabyte* (МБ, мегабайт)

W – *watt* (Вт, ватт).

Далее в текстах-инструкциях было зафиксировано небольшое и примерно равное количество смешанных сокращений – 6%:

ePower – *electronic power* (электронная мощность)

eAudio – *electronic audio* (электронное аудио)

eNet – *electronic net* (электронная сеть)

eSettings – *electronic settings* (электронные установки)

ePresentation – *electronic presentation* (электронная презентация)

eRecovery – *electronic recovery* (электронное восстановление)

eDataSecurity – *electronic data security* (электронная безопасность данных)

FingerNav – *finger navigation* (сенсорное управление);

и сложносокращенных слов – 4%: *compole* – *commutating pole* (вспомогательный или дополнительный полюс). В нашем экспериментальном материале были также обнаружены единичные случаи употребления звуковых аббревиатур – акронимов: *Wi-Fi* – *Wireless Fidelity* – («вай-фай», беспроводной доступ в Интернет).

Итак, исследование показало, что наиболее предпочтительной структурой сокращенных слов, используемых в текстах-инструкциях, являются инициальные буквенные аббревиатуры, а меньше всего обнаружено звуковых аббревиатур – акронимов. Результаты проведенного нами практического исследования представлены на следующей диаграмме:

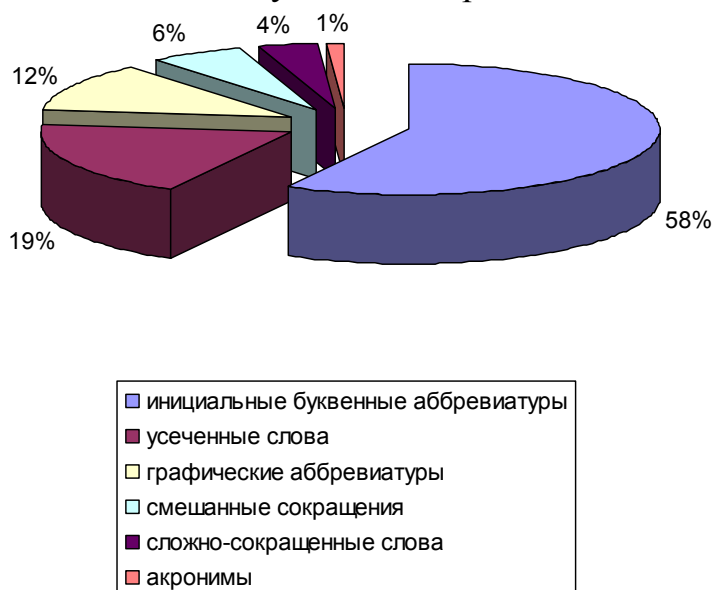

Рис. Структура сокращенных слов в текстах-инструкциях

Список литературы

1. Алексеев Д.И., Борисов В.В. Аббревиация в условиях научно-технической революции [Текст] / Д.И. Алексеев, В.В. Борисов // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М.: Наука, 1977. – с.213-217.
2. Дюжикова Е.А. Аббревиация сравнительно со словосложением (на материале современного английского языка) [Текст] / Е.А. Дюжикова. : Автореф. дис. на соиск. науч. степени д-ра филол. наук. М., 1997. – 32с.
3. Online-словарь английских аббревиатур и сокращений: учебное пособие [Электронный ресурс] – 2009. – Режим доступа: <http://acronymfinder.com/>

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Кульшарипова З.Г.

аспирантка БГПУ им. М. Акмуллы,
Россия, г. Уфа

В статье рассматривается интернет-коммуникация как новое явление в современной лингвистике. Данное явление представляет собой особый вид общения людей, характеризующийся своими особенностями и подразделяющийся на подвиды или жанры, одним из которых являются интернет-комментарии.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, дискурс, интернет-комментарий.

Современный мир не мыслим без использования информационных технологий и компьютерной техники. Учебники, книги, фильмы – все это можно посмотреть в режиме онлайн. То же касается и телевидения, радио и печатной прессы. Человеческое общение переходит в интернет общение.

Авторы выделяют разные жанры интернет-коммуникации. Так, например, Дэвид Кристал в своей работе «Language and the Internet» рассматривает 4 интернет жанра: электронные сообщения (electronic mail/e-mail), чаты (chatgroups), виртуальные миры (virtual worlds) и всемирную сеть (world wide web) [1, с. 10]. Кроме того, Кристал говорит о развитии своего языка интернет общения, который он назвал Netspeak (существуют различные термины, определяющие язык интернет общения, такие как «Netlish», «Weblish», «Internet language», «cyberspeak», «electronic discourse», «electronic language», «interactive written discourse», «computer-mediated communication» или «СМС») [1, с. 17]. Netspeak, как и любой язык, имеет свои орфографические, лексические, грамматические особенности. Так, Кристалл выделяет следующие особенности, присущие языку интернет-коммуникации. Во-первых, он говорит об уникальности языка интернет-общения, так как он совмещает в себе черты устной речи и литературного языка, но при этом его нельзя отнести ни к тому, ни к другому. Особым средством экспрессии языка интернет-коммуникации являются так называемые смайлы или эмотиконы, представляющие собой эмоциональное выражение лица.

«Е.Н.Галичкина рассматривает интернет-коммуникацию как комбинацию дискурсов, которая «содержит в себе признаки всех видов дискурса, принадлежа ни к одному из них полностью»: передача личной почты (бытовой дискурс), официальный обмен и запрос информации (деловой дискурс), обсуждение научных вопросов в группах новостей или конференций (научный дискурс), рекламные баннеры и сайты (рекламный дискурс) и т.д.» [2, с. 3].

«Основные признаки компьютерного дискурса впервые были выделены в диссертационной работе Е.Н.Галичкиной:

- 1) Электронный сигнал становится каналом общения,
- 2) Виртуальность,
- 3) Дистантность в пространстве и во времени,
- 4) Опосредованность,
- 5) Высокая степень проницаемости,
- 6) Наличие гипертекста,
- 7) Компьютерных текстов в целом, включающая в себя буквенные, образно-зрительные и образно-слуховые компоненты,
- 8) Статусное равноправие участников,
- 9) Передача эмоций, мимики и чувств с помощью «смайликов»,
- 10) Объединение различных типов дискурса,
- 11) Специфическая компьютерная этика» [2, с. 3].

Кроме того, Серебrenникова Е.Ф. в своей статье говорит о возникновении особого интернет пространства как «обитаемой семиотической «среде» обитания, порождающей своеобразные коммуникативные дискурсивные практики и ценностные координаты» [3, с. 2]. Что по ее мнению приведет в скором времени к «отграничению специальной области знания с объектом междисциплинарного плана, которую можно будет назвать «Интернет-медиа-лингвистикой»» [3, с. 3].

Можно заметить, что интернет-коммуникация вызывает огромный интерес исследователей. Этому способствует тот факт, что общение в интернете является относительно новым и мало изученным явлением, находящемся в прогрессирующем состоянии. Кроме того интернет-коммуникация характеризуется такой чертой как свобода выражения. Именно в интернете практически каждый человек, имеющий к нему доступ, может выразить свое мнение, изложить свои взгляды по любому вопросу. Следовательно, интернет представляет собой средство выражения общественного мнения, а также наиболее удобное, доступное и всеобъемлющее средство социальных опросов.

Наиболее очевидно интернет-коммуникация проявляется, на наш взгляд, в интернет-комментариях. Это и использование как литературного, так и разговорного языка. Например, «He needs to have been brown-nosing key figures in his local political party» или «Родители безденежные, и не думай соватса в институт», – где широко используются просторечья. Другим проявлением интернет-коммуникации является использование неологизмов – «селфи», окказионализмов – «обществу потреБЛЯТЕЛЕЙ», капитализации – «ЗАТО ДЕТИ НА КНОПОЧКИ КЛАВИАТУРЫ НАЖИМАТЬ УМЕЮТ!)), а также ошибок или опечаток (как их называют компьютерные пользователи) – «Это что варастет из них?»

Таким образом, интернет-комментарии как один из видов интернет-коммуникации представляют собой благодатную почву для исследователей и нуждаются в тщательном изучении не только в плане лексики, грамматики, орфографии, но и их семантики и прагматики.

Список литературы

1. Crystal, D. Language and the Internet. – NY, 2004. – 284 с.
2. Кочетова, Н.В. Компьютерный дискурс и формы интернет-коммуникации [Электронный ресурс] / Н.В.Кочетова – Режим доступа: http://esp-centr.sfedu.ru/documents_cent/Statii/Kochetova_stat'ya_.pdf.
3. Серебренникова, Е.Ф. Интернет-дискурс: к проблеме семиотрии значимых параметров лингвистического анализа [Электронный ресурс] / Е.Ф. Серебренникова – Режим доступа: <http://www.islu.ru/files/rar/2011/Professores/serebrennikova/internet-diskurs.pdf>.

СРЕДСТВА РЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ»

Нелькенбаум В.М.

учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ №118,
Россия, г. Уфа

Важность изучения языковых средств и приемов как элементов художественного текста и проявления «образа автора» подчеркивается ряде исследовательских работ. В последнее время возрастает интерес к изучению образа автора с помощью средств речевой выразительности в творчестве поэтов и писателей первой половины XX века. В данной статье рассматриваются средства речевой выразительности в произведении Б.Л. Пастернака.

Ключевые слова: средства речевой выразительности, тропы, образ автора, авторская позиция, эпитет, метафора, перифраз, сравнение, реминисценция.

Одной из современных тенденций в развитии языкознания является переход от рассмотрения языка «в самом себе и для себя» к изучению языка с точки зрения антропологической, то есть нацеленной на изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-творческой деятельностью, исследование проблем человеческого фактора в речевой практике [2, с. 38].

Важность изучения языковых средств и приемов как элементов художественного текста и проявления «образа автора» подчеркивается в трудах Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, В.М. Жирмунского и др.

В последнее время возрастает интерес к изучению образа автора с помощью средств речевой выразительности в творчестве поэтов и писателей первой половины XX века. Нас с этой точки зрения привлекает творчество Б.Л. Пастернака, а именно: средства речевой выразительности в поэме «Высокая болезнь».

Борис Пастернак был внимательным свидетелем и наблюдателем событий своего бурного века. Его произведения совмещают вечные темы и художественное исследование своего времени.

Поэма «Высокая болезнь», которая была определена современным исследователем как эскиз лирического эпоса, явилась попыткой Пастернака откликнуться на события общественной жизни. В центре произведения про-

блема места интеллигенции в революции, судьбу которой поэт связывает со своей судьбой и раскрывает с предельным драматизмом. Пастернак рисует картину эпохи, разрушившей привычный уклад жизни.

Февральскую революцию Пастернак приветствовал словами: «Как замечательно, что это море грязи начинает излучать свет» [3, с. 112]. Собственно, поэтический язык поэта внешне всегда оставался одинаковым. То есть мы можем говорить о том, что стиль Пастернака узнаваем во все периоды творчества.

Перемены у Пастернака мы обнаружили и в другом – в использовании средств художественной выразительности. Когда поэт только начинал писать стихи, воспитанная поэтами-символистами публика общалась, как тогда говорили, на «лиловом» языке. После революции на смену «лилово»-говорящим людям, окружавшим Пастернака, приходят новые люди, которым специфический язык символистов был чужд.

Л.Б. Пастернак хотел, чтобы его произведения читала широкая аудитория, и поэтому ему пришлось менять поэтический язык. Поэт свои мысли старался выразить как можно проще, доступнее, но при этом не менее ярко и эмоционально. В его произведениях появляются простые, бытовые выражения, понятные всем: «все это режет слух тишины», «зима ночами не уставала вшами пряхать», «шептать теплушкам на ушко про то да се», «в ковшах оттаявших калош припутанную к правде ложь глотает платяная вошь», «и полз голодную глистой» и т.д.

Характерной чертой поэтического языка Пастернака в поэме является скупость на эпитеты, которые, казалось бы, так часты и эффектны в любом поэтическом произведении. Среди наиболее интересных, «сложносочиненных» эпитетов можно назвать следующие: «сумерничающая смерть», «консерваторская пустота», «взыскательные уши», «огнедышащие горы», «кошунственная телеграмма» и др. Автор словно хочет сказать: сложному времени – сложные эпитеты, отражающие противоречивую политическую обстановку выражающее авторское отношение к интеллигенции.

Не менее интересны представленные в поэме метафоры, которые также содержат в себе выражение авторской позиции к происходящему в стране: «в кольце поддержек и преград», «кровью былей», «история орёт» и т.д. Пастернак никогда не интересовался политикой, его всегда волновали судьбы людей в сложное противоречивое историческое время.

Просты, но от этого не менее яркие и звучны в поэме сравнения, которые словно чеканит автор: «он был как выпад на рапире», «раздался гул оваций, как облегчение, как разряд ядра, не властного не рваться», «там, как орган, во льдах зеркал вокзал загадкой сверкал», «между сосен, как насос, качался и качал занос» и т.д. Для сопоставления поэт также использует специфическую «революционную» лексику, насыщенную глаголами, отглагольными существительными, лексемами, обозначающими цвет или звук.

Немногочисленными, но глубокими являются перифразы, выявленные в тексте поэмы: «орел двуглавый», «дитя предательства и каверз», «вопрос карельский» и др. Особенно интересным нам представляется второй пример,

под которым подразумевается, конечно же, интеллигент. Его же, главного героя поэмы, Пастернак называет «дураком, героем», «идеалистом» одновременно, как бы выстраивая линию его судьбы в то смутное время.

Очень явной, даже очевидной оказывается реминисценция с творчеством А.С. Пушкина, а именно со стихотворением «Пророк»: «Проснись, поэт, и суй свой пропуск» [1, с. 280]. Сходство также проявляется в использовании высокой, книжной лексики, во многом напоминающей известное стихотворение: «из лож по креслам скачут в пропасть», «опахало арктических петровых вьюг», «бряцанье шпор», «слушал с содроганьем», «на тишину кладбищ» и т.д.

Таким образом, можно заключить, что Б.Л. Пастернак мастерски работает со словом, умело используя средства художественной выразительности. Его произведения богаты самыми разнообразными тропами, которые в полной мере отражают авторскую позицию по отношению к описываемым событиям.

Список литературы

1. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. [Текст] В 2-х т. Т. 1. / Б.Л. Пастернак. – Л., 1990. – 583 с.
2. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / Пер. с французского А. М. Сухотина, под редакцией и с примечаниями Р. И. Шор. [Текст] / Фердинанд де Соссюр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Фатеева Н. А. Поэт и проза. Книга о Пастернаке. [Текст] / Н. А. Фатеева. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 400 с.

РАССУЖДЕНИЕ О ЦВЕТОЧКАХ КАНТЕМИРА

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник Отдела классических литератур запада и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН, д-р филологических наук,
Россия, г. Москва

Статья посвящена символике растений в поэзии А.Кантемира. Девять растений, упоминающихся в стихотворениях Кантемира, виноград, дуб, лавр, ландыш, мирт, олива, роза/шипок, трилистник, фиалка, со времен античности играют большую роль в европейской культуре. У Кантемира они впервые встречаются в контекстах, которые позже станут «общими местами» русской поэзии 19 века.

Ключевые слова: русская поэзия 18-19 вв., барочная эмблематика, символика растений, язык цветов, Антиох Кантемир.

В стихотворениях Кантемира упоминается девять растений: виноград, дуб, лавр, ландыш, мирт, олива, роза/шипок, трилистник, фиалка, при этом одно и то же растение – роза – появляется под двумя названиями: шипок и роза. Большинство этих растений пустило крепкие корни в русской поэзии, войдя в так называемый «язык цветов», культурное явление, о котором можно говорить, начиная с эпохи сентиментализма, то есть со 2-ой половины

18 века. В начале 18 века о «языке цветов», то есть о способе выражать свои чувства при помощи растений, еще не слыхали, а растения, тем не менее, уже приобрели значения, которые позже вошли в систему «языка цветов». Почти все растения, которые упоминает Кантемир, играют важную роль в европейской культуре еще со времен античности, например, роза и мирт, посвященные Венере/Афродите, лавр, посвященный Аполлону, олива – Минерве/Афине, виноград – Вакху/Бахусу. Позже, в эпоху Средневековья, в христианской культуре растения приобретают аллегорические значения, начинают символизировать чувства, добродетели, например, роза – любовь, не только человеческая, но и Божественная, лилия – чистота, невинность, фиалка – скромность, олива – мир, лавр – слава. Эти аллегорические значения сохраняются и в культуре Возрождения, и в эмблематике барокко, и доживают до начала 18 века.

Поэзию Кантемира, как кажется, можно сравнить с призмой или увеличительным стеклом; солнечный луч традиции, проходя через его творчество, и остается самим собой, и меняется, и эти изменения влияют на все последующее восприятие света. Примером может послужить использование символики растений в стихах и переводах Кантемира и ее развитие в творчестве поэтов более позднего времени.

Большая часть растений появляется в кантемировых переводах из Анакреонта, то есть с древнегреческого языка. Можно сказать, что первоначальные, античные, значения растений в этих переводах дополняются всей историей своего развития.

Роза оказалась самым востребованным цветком европейской, в том числе и русской, поэзии, не говоря уже о том, что и в восточной, например, персидской, поэзии она встречается часто. Кантемир употребляет два названия этого цветка: «шипок», более архаический и более частый в его стихах, и «роза». Оба названия в русском языке его времени были вполне употребимы, хотя «роза» встречалась и в форме «рожа», например, в «Любовной элегии» Иоганна Вернера Пауса, немца, писавшего по-русски, современника Кантемира. Поэт обращается к некой Доринде, явно играющей его чувствами: «Почасте ты рожам подобна, / Почасте и кропивам ровна» [11, 162].

В XVII веке «роза-рожа» встречалась и в прозе, например, в описаниях дворцовых садов: «ящик красной и белой рожицы» [21, 159], «3 куста рож алых» [21, 161]. Противопоставление «шипка» и «розы» можно объяснить степенью окультуривания растения: «Шипок», цветок, и, соответственно, «шиповник», куст с «шипками», согласно словарю В.И.Даля, «дикая, немахровая роза» [13, 633], тогда как «роза» означает «куст и цветок *Rosa*» вообще, с прилагательным «садовая» – «центифолия, махровая [роза]». «Дикая роза» является синонимом «шипка», «шиповника» [13, 101]. Произношение «рожа» Даль считает либо южным, либо западным («Будь пригожа, як рожа» [13, 101]), то есть здесь вполне можно усматривать западно-славянское, польское культурное и языковое влияние.

Если обратиться к традиции, существовавшей до Кантемира и явно ему знакомой, то везде подчеркивается, что роза посвящена Венере/Афродите и

ее главное аллегорическое значение – любовь. Так, в сборнике Николая Тауреллия «Физико-этические эмблемы» есть девиз «Цветок узнаешь по аромату» с объяснением: «И цвет, и запах душистые розы/ Среди прочих цветов красой отличают./ Все в мире вещей блеснит многоцветьем,/ Но благоухают только лишь розы./ Два дара союзы сердец хранят нерушимо:/ Любовь и в любви всегда постоянная верность./ Без запаха роза не может считаться розой./ Любовь и неверность не могут ужиться в сердце» (Пер. с лат. М.Р.Ненароковой) [24, 53]. А вот пример из «Любовных эмблем» П.С.Хоофта. На вопрос «Почему ты предпочла мне другого?» дается следующий ответ: «Видишь, две розы цветут: ту сорвут, а вот эту оставят./ Розы равны красотой, выбор приходит извне» (Пер. с лат. М.Р.Ненароковой) [25, 28].

У Кантемира роза-шипок и любовь связаны естественно. В стихотворении «О шипке. Из Анакреонта» находим такие строки: «Любовей и Афродиты/Приятнейшая забава» [7, 314].

Контексты, в которых встречается роза-шипок у Кантемира, стали «общими местами» русской поэзии, и их происхождение связано не только с переводами из Анакреонта, но и со всей барочной традицией. Эти «общие места» позже будут восприняты и многократно обыграны в произведениях русских поэтов 19 века.

1. «Шипковый венец» – «веночек из роз».

Epodos consolatoria. Ad oden pastoris pimini sortem gregis sub tempestatem deplorantis. (ответ на элегию Феофана Прокоповича [7, 477])

...И славна в горах наших Диана
Благодатна,
Весны дарами, – цветы венчанна,
Всем приятна. <...>
Ты бо ей главу **шипковым венцом**
Венчал красно,
Да в лике богинь России солнцем
Светит ясно... [7, 263]
Диана здесь – императрица Анна Иоанновна.

О беспечном житии. Из Анакреонта.

... Меня лучше, пока жив я,
Мажь [...благовонным миром...] [7, 297], и, **шипками венчав** мя,
Приведи мне красну девку,
Любовь! [7, 297]

Венок из роз или из роз и других растений в сборниках эмблем часто упоминается как атрибут различных античных богов и богинь, например, волосы Венеры «украшает венок сплетенный из мирта и розы» [15, 42], «Увеселение представляется в образе крылатого юноши, коего вид изъясняет радость. На голове у него венец сплетенный из мирт, роз и прочих благоуханных цветов» [15, 303-304], «Спокойствие [в мирные времена]» – женщина «в розовом венце» [15, 286-287], «Эрато, собственное имя музы Лирической Поэзии ... в венце, сделанном из мирт и роз» [15, 318]. Роза также посвящалась одной из граций, Ефросине [15, 94-95].

В русской поэзии начала 19 в. мы также встречаем «венки из роз», например, в одной из идиллий В.Панаева, «Аминт и Хлоя». Хлоя говорит Аминту: «...Прекрасен ты глазам моим в тот [миг] казался,/ Когда **в венке из роз**, при плеске пастухов,/ Славнейших победил певцов [9, 277] ...»

2. **Розы и весна.**

О стакане серебряном. Из Анакреонта.

Искусный художниче,
Выточи приятный мне
Весенний глубок стакан,
Вначале вырежь на нем

Шипконосную весну... [7, 301]

О весне. Из Анакреонта.

Смотри, как **с весны возрастом**

Обилуют благодати

Шипками... [7, 309]

В барочных сборниках эмблем розы и весна напрямую не связаны. Весна изображается как «девушка в платье, полном цветов [veste floribus plena], и ими же увенчана, ...в правой руке несет перед собой цветы» [27, 210], однако связь весны и розы прослеживается по крайней мере со Средних веков. Так, в эклоге Седулия Скотта «Словопрение Розы и Лилии» (середина 9 в.) спор двух цветов происходит весной [18, 365-367]. Для русской поэзии начала 19 в. роза становится одним из символов весны: «Я, восхищен природой красной,/ Сказал Эмили: «Ты видишь, как она, / Расторгнув зимний мрак, **с весною** оживает, / С ручьем шумит в лугах и с **розой** расцветает;/ Что б было без весны?...» (К.Батюшков. *Воспоминание*) [8, 179]; «Но **роза** нежная расцвеств еще не смеет/ Среди обтаявших снегов,/ И утренний мороз на мураве белеет,, И в роще слышен шум ветров» (А.А.Крылов. **Весна**) [20, 245].

3. **Бело-розовая внешность красавицы.**

О своей любовнице. [портрет возлюбленной] Из Анакреонта.

Шипки с молоком смешавши,

Тем напиши нос и щеки... [7, 305]

Единственным контекстом 19 века, в котором, как и у Кантемира, соединяются молоко и розы, оказывается отрывок из стихотворения А.Мерзлякова «К Лидии. (Подражание оде Горация)» [5, 4]: «Когда ты, Лидия, Телефа/ Очи умильные, волосы черные, / Когда ты млечные Телефа/ Хвалишь ланиты мне, розой напитанны...» Мерзляков действительно создал «подражание», а не перевод, поскольку в Горациевом оригинале находим: *Cum tu, Lydia, Telephi/ cervicem roseam, cerea Telephi/ laudas brachia...* – «Когда ты, Лидия, Телефа/ розовую шею, белые как воск, Телефа/ восхваляешь руки...» [26, 16]. Таким образом, образ «розы и молоко» как характеристика внешности, хотя и не получил широкого распространения, не исчез окончательно из русской поэзии.

Смесь роз и молока, вероятно, воспринималась в русской поэзии как не слишком естественная. В русском языке существует выражение «кровь с мо-

локом» а «общим местом» в портрете красавицы стали «розы и лилии», не только в поэзии, но и в прозе: «Румяных щек твоих свежей алеют **розы**/ И лилия свежей белеет на челе...» (П.А.Вяземский. *Первый снег*. <В 1817-м году>) [12, 131]; «Уже свой **роза** блеск сливает/ С твоею бледностью лилейною ланит...» (Д.П.Ознобишин. *Елеоноре. (Из Парни)*) [16, 17]; «Румянец скромности разлился по лилейным щекам ее» (*Любезная девушка*) [3, 60].

4. Уже упоминавшиеся **розы и весна**.

С венценосною **весною**

Вместе пою летний **шипок** [7, 314]

О **шипке**. Из Анакреонта

5. **Розы и радость**.

...Он увеселенье смертных... [7, 314]

О **шипке**. Из Анакреонта

Розы как символ радости находим, например, у К.Батюшкова: «А он забыл любовь и слезы/ Своей пастушки дорогой/ И рвал в чужбине **счастья розы**/ С красавицей другой» (*Разлука*) [8, 43]; у П.А.Вяземского: «...Иль, может быть, мудрец угрюмый,/ На светлое свое чело/ Ты, **розам радостей** назло,/ Навел бразды спесивой думы...» (*Д.В.Давыдову. (1816 года)*) [12, 57].

6. **Розы и Музы. Розы и поэзия**.

...музам цветов любимый... [7, 314] (О **шипке**. Из Анакреонта)

Роза как цветок Муз также привилась в русской поэзии: «...Когда ж весна до вечных льдов/ Прогонит вьюги и морозы —/ На ваш алтарь, красу цветов,/ Положит первые он [поэт — М.Н.] **розы**/ При пенье радостных стихов» (А.А.Дельвиг. *Музам*) [1, 36]; «Твои песнопенья прелестны, как **розы**...» (А.А.Крылов. *Могила персидского поэта*) [20, 246].

7. Уже упоминавшиеся **Бело-розовая внешность красавицы. Розы и заря**.

...Ибо заря **шипкоперстна**,

Шипколокотные нимфы,

И **шипконожна Венера**

Зовутся от стихотворцев... [7, 314]

О **шипке**. Из Анакреонта

Розы были атрибутом богини утренней зари Авроры: «Аврора представляется в образе молодой Нимфы венчанной цветами, сидящей в алой колеснице, везомой Пегазом, для того что Аврора приятельница стихотворцам. В левой руке держит она факел, а правую сыплет розы для показания, что цветы, коими украшена земля, возобновляются росой, которая, по мнению стихотворцев, рождаясь от Авроры, на подобие окатистого жемчуга из глаз ее падает» [15, 2]. Из барочной эмблематики они перешли в поэзию, появившись сначала у А.Кантемира, а потом и у более поздних поэтов: «Рано **утренние розы**/ Запылали в небесах...» (К.Н.Батюшков. *Ложный страх*) [8, 107]; «По зыбким, белым облакам/ Горят пылающие **розы**...» (П.А.Вяземский. *Весеннее утро*) [12, 78].

8. **Розы и пиры**.

...В пирах, на столах и в праздник

Бахусов он же приличен... [7, 314]

О шипке. Из Анакреонта

Связь роз и пиров уходила во времена античности. Ее отражение сохранилось и в барочной эмблематике: «Комус, у древних язычников почитался Богом Веселия, Пиршества и Праздников... всегда изображается в розовом венке» [15, 145]. У А.Дельвига читаем: «Не забудь края златые/ Плющем, *розами* увить!» (*К мальчику*) [1, 88].

Вторая часть стихотворения «*О шипке.* Из Анакреонта» представляет собой историю происхождения розы [7, 315], которая, как кажется, не повторяется никем из поэтов более позднего времени: в то же время, когда море породило Венеру, а Минерва вышла из головы Юпитера, «Тогда и красивый шипок,/ Цвет земля произвела новый» [7, 315]. Боги Олимпа наделили новое растение удивительным ароматом, «Нектаром помазав оный» [7, 315], и так произошел «великолепный/ И пахучий цвет из терний» [7, 315].

В 19 веке на первый план выходит «роза», но это не значит, что «шипок» совершенно исчезает из поэтического языка. Вот пример из стихотворения В.Г.Теплякова «*Седьмая фракийская элегия. Возвращение*»: «Но кто же ты, о дева-*роза*,/ Ужель и твой молодой *шипок*/ Едва блеснул – и изнемог/ В когтях у раннего мороза?» [20, 646].

Другим растением, упомянутым у Кантемира лишь однажды, но чрезвычайно распространившимся в русской поэзии, является дуб. При всем богатстве аллегорических значений этого дерева в *Epodos consolatoria. Ad oden pastoris pimini sortem gregis sub tempestatem deplorantis* дуб в сочетании с кленом означает рощу как место действия в пасторальной поэзии. Как кажется, здесь ясна аллюзия на Первую эклогу Вергилия.

Тогда, богатый Пимене, сидя,

Безопасный,

Под дубом или под кленом, видя

Стада красны,

Висящи от гор и овец кущи

Исполнены,

Вымена млекомя тяжки имущи

И раздмненны,

Не забудь и нам, пастушкам малым,

помогати [7, 264].

В русской поэзии начала 19 в. «дубрава» является, пожалуй, самым распространенным местом действия, например: а) место печали, скорби: «Овечки, ягнята, рассеясь, бродили;/ Уж многих волк хищный в лесу растерзал;/ Их пастыря мрачны дубравы таили,/ Где с юного утра он горесть питал» (С.Ст-ч. *Меналк. Идиллия. (Подражание Клейсту)*) [10, 44]; б) место любовных свиданий: «С тех пор, Алина, как с тобою/ Сидел наедине под тению дубов;/ Когда ты подала лилейною рукою/ Букет мне из цветов; / <...>/ С тех пор...с тех пор лишен покою!» (П.Г-н. *К Алине*) [2, 69]; в) место романтических приключений, причем «дубрава» теряет, как кажется свое значение «лес, состоящий из дубов», становится просто глухим, непроходимым лесом.

В стихотворении В.К.Кюхельбекера «Лес» юноша и девушка заезжают в заколдованный лес, где «нет волков, ни лис,/ Ходит, бродит леший» [1, 313] : «в черной той дубраве/ .../ Молодец глядит,/ Видит клен да ветлы...» [1, 313].

Клены в русской поэзии очень и очень нечасты, и сами по себе, и в сочетании с дубами. До знаменитого стихотворения С.Есенина «Клен ты мой опавший...» удалось встретить клен у В.К.Кюхельбекера [1, 313, 342, 345], у П.А.Словцова в стихотворении «Древность» [19, 219], у Иванова в «Послании к Алексею Федоровичу Мерзлякову» [4, 99], в то время как дубы и дубравы в 19 веке встречаются повсеместно.

Необычно у Кантемира употребление ландыша. Находим два отрывка: «Посмотри, хотя в венцах,/ Сколь красивы, с *белыми/ Ландышами* смешанны,/ *Розы* нам являются» (*К девице*. Из Анакреонта) [7, 308]. А вот как описывается плывущая в море Венера: «...И так, как *ландыш* в виолках,/ Блещет бела плоть сквозь воду» (*О блюде, на котором вырезана была Венера*. Из Анакреонта) [7, 308].

Кантемир был первым, но не единственным переводчиком Анакреонта в России. Если обратиться к другим переводам, оказывается, что вместо кантемировых ландышей везде стоят лилии. Например, у Н.А.Львова: «Приятно розы вьются/ С *лилеями* в венке» [28]. При этом Львов еще и комментирует свой перевод таким образом: «В греческом подлиннике сказано: «Посмотри в венках, как приятно белые лилеи с розами сплетены!» [28].

Другой переводчик, А.С.Норов, также переводит греческий цветок, как лилию: «Посмотри, как блещет ярче/ Роза в *белизне лилей/* На венке твоих кудрей!» [20, 236].

Тот же Н.А.Львов и в другом стихотворении, где Кантемир переводит греческое слово, как «ландыш», также употребляет «лилию»: «...В разны стороны, она/ Разделяет тихи воды/ Грудью белой и плечом/ И, блестя, меж них сияет,/ Как *лилея* меж цветов» (*На Венеру, изображенную на диске*) [31].

Возникает естественный вопрос, откуда в переводах Кантемира берется ландыш и о чем может сказать такое словоупотребление. Поэт очень хорошо знал Свящ. Писание. Для просвещенной среды, к которой он принадлежал, такое знание было обычным. Тут стоит вспомнить составленную Кантемиром «Симфонию на Псалтирь», изданную в 1727 г., и общение с Феофаном Прокоповичем.

В Свящ. Писании, точнее, в Песни Песней (2:1), находим следующую цитату: «Я нарцисс Саронский, лилия долин!», а по-церковнославянски: «азъ цвѣтъ польный и кринъ юдольный». «Крин» по-церковнославянски означает «лилия». Что касается названия «ландыша» на греческом языке, то сейчас существует два названия, одно из них, как кажется, более древнее, переводится на русский язык, как «лилия долин». По-латыни в той же Песни песней «лилия долин» звучит, как «*lilium convallium*». Собственно говоря, «крин юдольный», «*lilium convallium*», можно воспринимать как сочетание двух слов, одно из которых – название растения, а другое указывает на место его распространения: «лилия, которая растет в долинах». Однако то же сочетание слов могло восприниматься как единое целое, как название растения. В 1737

г., в Лейдене вышло первое издание книги Карла Линнея «Роды растений» [22, 146, 534, XXVI] (*Genera plantarum*), в котором находим растение *Convallaria*, дефиниция которого представляет собой словосочетание «*lilium convallium*». Вслед за Линнеем, книгу которого Кантемир явно знал, поэт начинает воспринимать сочетание слов как название, откуда в переводе и появляется «ландыш». Остальные переводчики к Линнею не обращались и переводили «лилии» «лилиями». Можно сказать, что и кантемировы переводы Анакреонта появились, по крайней мере, после 1737 г., когда впервые было опубликовано научное название ландыша, придуманное Линнеем. Что касается, русской поэзии 19 века, то ландыш жил в ней со своим собственным значением «возвращение счастья» [23, 149]. Например, в идиллии В.Панаева «Аминт и Хлоя» Хлоя, как примерная дочь, в день рождения матери ранним утром идет «за ландышами в лес» [9, 276], чтобы ее поздравить, и значение этих цветов очень подходит семейному празднику.

Растение, которое всего один раз встретилось в переводах Кантемира и, как кажется, не прижилось в русской поэзии 19 века, носит загадочное название «трилистник».

На мягких молодых *миртах*,
На *трилистнике* зеленом
Протянувся, хочу пити [7, 297].

<...>

О беспечном житии. Из Анакреонта.

Кантемир, как переводчик, видимо, стоял на распутье: либо ввести нечто новое, о чем его читатель не имеет представления, и сохранить близость к оригиналу, либо постараться передать настроение стихотворения при помощи реалии, хорошо известной тому же читателю, причем известной даже по запаху. Об этом говорит комментарий Кантемира к стихотворению: «В греческом стоит *на лотных травах*. Лотос у греков называлась трава некая пахучая, гораздо подобна нашему трилистнику» [7, 485]. В конце 18 века другой переводчик Анакреонта, Н.А.Львов, пошел по первому пути: «Я на лотовых листьях/ И на ветвях мирты лежа,/ На здоровье пить хочу....» (*На самого себя*) [30]. Кантемир же выбрал второй путь и заменил незнакомые «лотовы листья» неким приятно пахнущим «трилистником», который должен легко опознать русский читатель начала 18 века. Названия растений представляют собой довольно устойчивую группу слов, поэтому тут можно понадеяться на «Ботанический словарь» Н.Анненкова, вышедший в 1878 г. Несколько растений, отличительной чертой которых являются три листка, так и называются – «трилистник» [6, 199, 215, 237, 357-360]. Одно из них имеет латинское название *Lotus corniculatus*, лядвенец [6, 199]. Это медонос, однако о его запахе нигде не говорится. Еще одно растение, имеющее три листка, растущее в воде. Это вахта, или трифоль [6, 215]. Она не пахнет, да и лежать на ней, «протянувшись», не имеет смысла, слишком мокро. «Трилистник кислый» [6, 237] является синонимом щавеля, растения, не имеющего особого запаха. Остается только один «трилистник» [6, 357-360], а именно: клевер луговой, *Trifolium pratense*, чаще всего красный клевер, известный своим при-

ятным запахом и использующийся в медицине в травяных составах для ароматических ванн. Возможно, он не приобрел стойкого символического значения потому, что в России конца 18 века, когда складывался «язык цветов», красный клевер был обычной сельскохозяйственной кормовой культурой, о которой писали, например, в неромантических «Трудах Императорского Вольного Экономического Общества», в первом научном экономическом журнале. Вряд ли это было увлекательное чтение для чувствительных сердец.

Вместе с трилистником в упоминавшемся выше стихотворении «*О беспечном житии. Из Анакреонта*» находим еще одно растение – мирт: «На мягких молодых *миртах*,/ На трилистнике зеленом/ Протянувся, хочу пити» [7, 297]. Как и роза, мирт со времен античности был посвящен Венере/Афродите [15, 42], поэтому голову этой богини часто украшал миртовый венок [15, 65-66], а алтари, посвященные ей, украшались ветвями мирта [15, 110]. Однако с течением времени символика мирта чрезвычайно развилась. В барочной эмблематике это растение стало атрибутом одной из трех Граций, Аглаи, олицетворения красоты, которая «признаком себе имела... Миртовый Пучок» [15, 94-95]. Носилки богини здоровья, которая была «поспешнее Геббеи, и пригожее Венеры» [15, 124], также украшены миртом. Мирт является одним из символов «живности, нежности и важности слога» [15, 273-274], и муза Эрато, муза лирической поэзии, изображалась «в венце, сделанном из мирт и роз» [15, 318]. Такой же венец украшал голову «крылатого юноши» [15, 303-304], аллегорически изображавшего «Увеселение» [15, 303-304]. Сочетание мирта и трилистника у Кантемира вполне значимо: мирт символизировал любовь, веселье, красоту, а трилистник своим приятным запахом создавал атмосферу, располагавшую к радости и изъятию нежных чувств. В русской поэзии конца XVIII – 1-ой половины XIX в. мирт сохранил свое основное значение «любовь», которое первым приходит на мысль при чтении кантемирова перевода из Анакреонта. Это растение всегда встречается в описаниях пейзажа, на фоне которого происходят встречи влюбленных, будь то во сне или наяву. Так, например, в идиллии В.Панаева «Дамет» (1819) один из героев пересказывает другому свой сон, в котором он видел прекрасную пастушку, свою возлюбленную: «В каком-то обширном, прекрасном саду,/ Под тению *мирта* густого/ Лежал я на мягкой душистой траве;/ В кустах соловьи распевали;/ Зефиры ж, скрываясь в цветах, мураве,/ Прохладой в лицо мне дышали; А шум водопада в соседнем лесу,/ Сквозь чащу дерев проникая,/ Все больше и больше склонял от часу/ К дремоте...» [20, 188]. Как видим, мирт здесь упоминается в самом начале описания «прекрасного сада», что сразу позволяет читателю представить, о чем будет рассказ.

Виноград встречается у Кантемира дважды, причем оба раза оказывается, что в стихотворениях изображается весна.

Искусный художниче,
Выточи приятный мне
Весенний глубокий стакан,

...
Вырежь и Любви бессбруйны
И веселы Благодати
Под высоким виноградом,
Полным кистями сладких ягод... [7, 301]
О стакане серебряном. Из Анакреонта.

Смотри, как с весны возрастом
Обилуют благодати
Шипками...
<...>
Бакха лоза уже зрится,
Венцом листов своих тяжка:
По ветвям и по листьям всем
Простираясь, цветет овощ. [7, 309]
О весне. Из Анакреонта.

Если обратиться к барочной эмблематике, то на первый взгляд кажется, что символика винограда у Кантемира расходится с нею весьма ощутимо. Виноград является обычным атрибутом Вакха/Бахуса: «Древние давали для признаку Бахусу и Баханкам венок зделанной из листья и ягод виноградных» [27, 49]. Гроздь созревшего винограда встречаются в аллегорическом описании осени: «Осень держит в руках виноградные грозды... Осень походит на Баханку, на голове у ней венок из виноградного листу: одною рукою выжимает виноградный грозд в стопу, которую держит в другой руке; одеяние ее пурпуровое» [27, 211; 15, 60-61]. Единственным символом осеннего равноденствия также является виноград: «осеннее равноденствие [изображается] как муж с виноградом в левой руке» [27, 210]. Таково же и аллегорическое изображение сентября: «Сентябрь...собирает виноградные грозды...» [15, 262].

Однако у винограда есть группа значений, возникших как развитие вышеприведенных значений. Это «пьянство, и бешенство, излишним употреблением вина причиняемое» [32, XLVII], но также и «изобилие» [32, XLVII], «веселие» [32, XLVII]. Два последних значения реализовались в русской литературе XVII в. Так, в «Вертограде Многоцветном» Симеона Полоцкого (1629-1680) в 3-ем стихотворении мини-цикла «Юноша» говорится: «Новая лоза грозди обилнее родит,/ но старая лучшая в сладости изводит./ Тако юнии болше словес изпускают,/ но яже полезнейша – старии вещают» [17, 158]. Поэт обыгрывает значение «изобилие» – изобилие слов, с одной стороны, изобилие мудрости, с другой. Значение «веселье» можно увидеть в поэтическом переложении «Песни песней», выполненном Мардарием Хониковым (1670-1680-ые гг.): «Невесту жених к обществу взывает/ И в виноград ю свой внити глашает» [17, 202]. Здесь имеется в виду брачный пир, и виноград или, скорее, виноградник становится местом праздника супружеской любви, что заставляет вспомнить кантемировы строки, приведенные выше:

«...*Любви бессбруйны*/ И веселы Благодати/ Под высоким *виноградом*,/ Полным кистями сладких ягод...» [7, 301]. Поскольку обычно в поэзии любовь связана с весной, Кантемир включает в картину весны и виноград, как элемент радостной, праздничной атмосферы. Поэты 19 в. продолжали соединять в одном контексте виноград, любовь, праздник, но время года уже не определялось с такой точностью, как у Кантемира. У А.А.Дельвига читаем: «Други, пусть года несутся,/ О годах не нам судить!/ Не всегда и грозди выются!/ Так скорей и пить и жить!» [1, 86] («Дифирамб»). Так же и у А.Г.Родзянки: «В честь Вакха лик составим/ И, вспомня старину,/ Его, его прославим!/ Хвала, хвала вину!/ Лишь в грозде винограда/ Прямая нам отрада,/ Друг в жизни сей дана...» [20, 155] («Призвание на вечер»). Оба стихотворения представляют собой род застольных песен, естественным образом связанных с праздником. Действие стихотворения В.Н.Олина происходит ночью, но нельзя сказать, что это именно весенняя ночь: «Посмотри, как, прелесть сада,/ Спелы кисти винограда,/ На покате сих холмов/ Светят в зелени листов» [20, 124] («Аркадская ночь»). Виноград и радость соединяются у Н.М.Коншина в стихотворении «Три времени»: «Но с Вакхом румяным обрел я бывшее:/ Он прежнюю радость певцу возвратил./ Златой виноградник я сам насадил./ Любимцу Зевеса, Эвану – Эвое!» [20, 356].

В картине весенней природы, сколь бы аллегоричной она ни была, обнаруживаем цветущую оливу: «Олива цветы приносит» [7, 309] («*О весне*. Из Анакреонта»). Это необыкновенный образ, как кажется, не повторяется в русской поэзии последующего времени. Так, в переводе Н.А.Львова эта же строка передана, как «...оливна ветвь растет» [29]. Олива является одним из немногих растений, имеющих только одно значение, а именно: «мир», – и в эмблематике эпохи барокко, и в языке цветов XIX в. Как кажется, цветущая олива у Кантемира символизирует мирное течение жизни, результатом которого станут и любовь, и поэзия, и расцвет искусств, так же как цветы оливы предвещают в будущем богатый урожай.

Последним растением, появляющимся в переводной поэзии Кантемира, является фиалка, но используется она не для того, чтобы создать аллгорию, а для того, чтобы передать цвет морской воды и подчеркнуть по контрасту с ним белизну кожи плывущей в море Венеры: «И так, как ландыш в виолках,/ Блещет бела плоть сквозь воду» [7, 313] («*О блюде, на котором вырезана была Венера*. Из Анакреонта»). Цвет «виолки», то есть фиалки, «фиолетовый», определяется в словаре В.Даля, как «синебагровый, густой синеалый» [14, 535], цвет моря ранним утром, когда в синей воде отражается заря. В переводе Н.А.Львова «виолки» заменены на несколько безличных «цветы» [31]. У более поздних поэтов сравнение морской воды с фиалками не встречается.

Лавр оказывается единственным растением, не встречающимся в переводной поэзии Кантемира. Находим его в двух произведениях, причем его символика в них отсылает нас к наиболее распространенным эмблемам эпохи барокко. В стихотворении «*Песнь IV. В похвалу наук*» лавр символизирует военную победу: «...в войну идем стройны;/ Храбростью ищем, искусством, советы/ Венцы с Победы рук принять достойны...» [7, 202]. Для читателя

Кантемира «венцы с Победы рук» не требовали эпитета «лавровый», поскольку «корона Победы, Corona Triumphalis, делывалась из лавровых ветвей» [15, 150]; венец «с Победы рук» был атрибутом этой античной богини: «Победа всегда представляется в виде молодой девицы с крыльями, в одной руке держит пальмовую ветвь, а в другой лавровый венец» [15, 228]. В русской поэзии и до времен Кантемира, и после него лавр постоянно встречается в значении «военная победа», например, Симеон Полоцкий описывает вступление в город военачальника-победителя следующим образом: «...сам вождь, сидя в колеснице,/ в порфире, в злате явствова си лице,/ Запястиями златыми блистая,/ **Венец дафниев** на главе ношая;/ Такожде и **ветвь** в деснице держаше,/ чрез украшенна в град врата вхождаше...» [17, 142-144]. В одном из кантов петровской эпохи так прославляется победитель: «Кто идет с войском, лаврами венчаный,/ С знаменми побед гость к нам чрезвычайный?» [17, 335]. В этом же значении лавр часто встречается в поэзии 1-ой половины XIX в. Так, в стихотворении З.А.Буринского «Поэзия» находим такие строки: «Спешат – и враг упал, отечество спасено,/ Герой бессмертие и лавры заслужил» [19, 311], а Ф.Ф.Иванов пишет: «Украсься лавром и честями;/ Отечество зовет, простись с друзьями» [19, 333] («На отъезд К.Н.Батюшкова в армию»).

Другое значение лавра – «лавр и слава в наиболее общем смысле», также довольно распространенное, реализуется в незаконченной поэме «Петрида. или Описание стихотворное смерти Петра Великого, императора Всероссийского»: «Петра когда глаголю – что не заключаю/ В той самой речи? Мудрость, мужество к случаю/ Злу и благополучну, осторожность сильну,/ Любовь, попечение, приятность умильну,/ Правдивого судию, царя домостройна,/ Друга верна, воина, **всех лавров достойна**, – / Словом, все, что либо звать совершенным можно» [7, 241].

Согласно традиции барочной эмблематики, лаврами люди награждаются за самые разные заслуги, например, «Лавровая ветвь в руке Императора, значит Победы его и Завоевания. Цесари обыкновенно представлялись в Лавровом венце. Аполлон и боги, значащие свободные Науки, имеют Лавровые венцы. Такие же венцы давались славным Стихотворцам и Ораторам, для показания, что сочинения сих остроумных людей посвящены бессмертию, коего Лавр есть знаменование, ибо он зелень свою не теряет и зимою» [15, 157], а также «Лавровый венец на главе поставляется наградою за храбрость, мужественные подвиги, добродетель и бессмертие. Аполлон, Государи, ученые люди, прославившиеся своими трудами, представляются в лавровых венцах» [32, XL]. Петр Великий прославился в столь разных областях, что читатель сам может вспомнить, за какие подвиги и свершения император удостоен «всех лавров».

Растения, как неотъемлемая часть барочных эмблем, у Кантемира обретают новое качество. Сохраняя традиционные значения, они словно бы освобождаются из застывших контекстов, оживают и становятся способны к новому, подчас неожиданному цветению. Заслуга Кантемира, как кажется, в том и состоит, что, приняв от предшественников несколько неупорядоченную охапку цветов, он сохранил их и даже создал основу букета, которая не

менялась на протяжении почти двух столетий. К букету, связанному Кантемиром, прибавлялись новые растения, их символика – язык цветов – развивалась поэтами более поздних времен, но все они вольно или невольно ориентировались на первоначальную композицию из цветов, которую составил Кантемир.

Список литературы

1. А.А.Дельвиг. В.К. Кюхельбекер. Избранное. М., 1987.
2. Аглая 1810 кн.9 часть 2.
3. Аглая, 1810. Ч.Х. Кн.III.
4. Амфион. Ежемесячное издание. Июнь. Москва, в Университетской типографии, 1815.
5. Амфион. Ежемесячное издание. Август. Москва, в Университетской типографии, 1815
6. Анненков Н. Ботанический словарь. СПб, 1878.
7. Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Ленинград, Советский писатель, 1956.
8. Батюшков К.Н. Избранные сочинения. М,1986.
9. Благонамеренный. 1819, июнь, №11.
10. Благонамеренный. 1820, июль № 13.
11. Вирши. Силлабическая поэзия XVII-XVIII веков. Ленинград, Советский писатель, 1935. с.162.
12. Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1986.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб-Москва, т.3. 1882 (репринт)
14. Даль. В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах. т.4. М, 1991.
15. Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. с описанием, взятым из разных древних и новых Стихотворцев. С французского переведен Академии Наук Переводчиком Иваном Акимовым. СПб, при Императорской Академии Наук, 1786.
16. Ознобишин Д.П. Стихотворения. М., 1992
17. Памятники литературы Древней Руси.XVII век. Книга третья. Москва: Художественная Литература, 1994.
18. Памятники средневековой латинской литературы. VIII-IX века / Отв.ред. М.Л.Гаспаров. – М., 2006.
19. Поэты 1790-1810-х годов. Библиотека поэта Большая серия. сост. Ю.Лотман, М.Альтшуллер, Л.: Советский писатель, 1971.
20. Поэты 1820-1830-х годов. т.1. Л., 1972.
21. Черный В.Д. Русские средневековые сады. Опыт классификации. Москва, Рукописные памятники Древней Руси, 2010.
22. Caroli Linnaei, medic. & botanic. in Acad.Upsaliensi Profess,Reg & Ord. Genera Plantarum Eorumque Characteres Naturales secundum Numerum, Figuram, Situm & Proportionem omnium fructificationis partium. Lugduni Batavorum, 1742. pp.146, 534, XXVI.
23. De La Tour, Ch. Le Langage des Fleurs. Paris, 1882
24. Emblemata Physico-ethica, hoc est Naturae morum moderatricis picta praecepta, a Nicolao Taurello Montbelgardensi, Physices et Medic. in Altdorfens.Noric. Academia Professore observata, et vario conscripta carmine. Editio secunda. Noribergae, Typis Christophori Lochneri, 1602.
25. Hooft P.S. Emblemata Amatoria. Amsterdam, 1611. ed.C.G.Plemp, R.J. de Nerée, K Potemann, A.Welkenhuysen. Leiden, Martinus Nijhoff, 1983.
26. Horatius.Opera. ed. D.R.Shackleton Bailey, Berolini et Novi Eboraci, 2008.

27. Masenius, Jacobus. Speculum imaginum veritatis occultae, exhibens symbola, emblemata, hieroglyphica, aenigmata, omni tam materiae, quam formae varietate; exemplis simul, ac praeceptis illustratum. Editio tertia. Coloniae Ubiorum, Viduae & Haeredum Joannis Antonii Kinchii, 1681.

28. <http://lvov.lit-info.ru/lvov/stihi/anakreon-tijskij/oda-xxxiv-k-lyubovnice.htm>

29. <http://lvov.lit-info.ru/lvov/stihi/anakreon-tijskij/oda-xxxvii-vesna.htm>

30. <http://lvov.lit-info.ru/lvov/stihi/anakreon-tijskij/oda-iv-na-samogo-sebya.htm>

31. <http://lvov.lit-info.ru/lvov/stihi/anakreon-tijskij/oda-li-na-veneru.htm>

32. Maksimovič-Ambodik N.M. Emvlemy i Simvoly (1788). The First Russian Emblem Book. ed., tr., intr. A.Hippisley. Leiden, Brill, 1989.

ДИСКУРС И ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Саяхова Д.К., Саяхова Д.К.

студентки факультета романо-германской филологии
Башкирского государственного университета,
Россия, г. Уфа

В статье рассматривается понятие языковой личности в аспекте дискурсивной деятельности. Особое внимание уделяется анализу современных классификаций типов языковой личности, и подтверждается тезис о том, что любая языковая личность реализуется, прежде всего, в процессе коммуникации, в создании речевых произведений, в текстовой деятельности. Делается вывод о том, что особенности языковой личности проявляются в совокупности производимых ею текстов (дискурсов).

Ключевые слова: дискурс, языковая личность, коммуникация, антропоцентризм, профессиональная сфера, уровни языковой личности.

Антропоцентрическая парадигма современной отечественной лингвистики диктует исследование языковых процессов в неразрывной связи с коммуникативными потребностями индивида, что приводит к тому, что объектом изучения многих лингвистических исследований становится «человек говорящий». Анализируются не отдельные фрагменты языка, а человек в языке и язык в человеке.

Языковая личность (и языковая личность специалиста как частный случай) реализуется, прежде всего, в процессе коммуникации, в создании речевых произведений, в текстовой деятельности. Особенности языковой личности проявляются в совокупности производимых ею текстов (дискурсов).

Дискурсивная деятельность предполагает, по мнению Ф.Г. Фаткуллиной и А.К. Сулеймановой, «присутствие в акте коммуникации создателя речи и ее продуцента, понимание дискурса как сложного коммуникативного явления предполагает участие в процессе общения как минимум двух личностей: личности, передающей информацию средствами языка, и личности, воспринимающей вербализованную информацию» [4, с. 68].

Решению проблем человеческого фактора в языке посвящены исследования И.А. Бодуэна де Куртене, В.В. Виноградова, Г.В. Колшанского, А.А. Леонтьева, А.М. Пешковского, А.А. Потебни, А.А. Шахматова и других

лингвистов, обративших особое внимание на речь конкретного индивида и его способность совершать речевые поступки. Природная потребность человека в языке актуализирует его потребность стать личностью. Индивид познает окружающий его мир и отражает познанную действительность и самого себя в ней с помощью языка.

Современная лингвистика рассматривает «личность не только как носителя языка, но и как этнолингвистический, национально обусловленный культурный феномен» [5, с. 227]. Языковая личность является объектом изучения не только многочисленных сфер науки о языке, которые составляют различные области антропоцентрического направления в языкознании (психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, онтолингвистика, лингвистика речи и другие). По прогнозам некоторых исследователей, XXI век станет веком междисциплинарной науки о человеке, поскольку «в личности сходятся интересы всех наук» [2, с. 39].

Термин *языковая личность* был введен в метаязык лингвистики Ю.Н. Карауловым, который определил это понятие как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [3, с. 3]. Представленная в рамках когнитивного аспекта, языковая личность, по Ю.Н. Караулову, имеет трехуровневую структуру. Вербально-семантический уровень отражает степень грамматически правильного владения личностью – носителем языка – языковыми единицами и их взаимодействием в рамках обиходного языка [2, с. 53]. Тезаурусный уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса и представлен концептами и обобщенными понятиями; по мнению Ю.Н. Караулова, именно здесь и начинается собственно языковая личность, поскольку «только начиная с этого уровня оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение... одного понятия другому» (там же), личность «фиксирует наивно-языковую картину мира» [3, с. 89], демонстрирует интеллектуальную сферу. Прагматический уровень включает выявление и характеристику мотивов и целей языковой личности; этот уровень отвечает «за понимание позиции, места человека (говорящего) в мире» [там же, с. 155] и определяется коммуникативно-деятельностными потребностями языковой личности.

Изучая языковую личность как целостный феномен, исследователи пришли к выводу, что «под языковой личностью можно понимать говорящего как конкретную личность, отличающуюся от других представителей этноязыкового сообщества языковым сознанием, объемом долговременной памяти и лексиконом, так и «коллективную языковую личность», или социально-профессиональный тип говорящего, обладающего общими с другими представителями языкового сообщества знаниями, представлениями, ценностными ориентирами и средствами их знаковой репрезентации» [4, с. 71]. Каждый из выделяемых социально-профессиональных типов имеет сходные признаки дискурсивной деятельности, речевого мышления и речевого поведения. По-

добный вывод основывается на актуальной для лингвистики оппозиции индивидуального / общего и восходит к идеям В. Гумбольдта о возникновении индивидуальности: «...поскольку человек есть животное общественное – в этом специфика его характера, – поскольку другой ему нужен не для защиты, оказания помощи, воспроизведения, сохранения жизненных привычек (как некоторым видам животных), а потому, что он возвышается до осознания Я, а Я без Ты представляется его рассудку и чувству бессмыслицей, – то в его индивидуальности (в его Я) одновременно освобождается индивидуальность его общества (его Ты). Следовательно, нация также является индивидом, а отдельный человек – индивидом индивида» [1, с. 283]. Языковое сознание индивида предстает как детерминированное явление. Как указывает Ф.Г. Фаткуллина, «Закономерно выделение различных типов коллективной личности: в соответствии с социальным статусом – языковая личность рабочего, инженера, ученого; с учетом географического показателя – языковая личность деревенского, городского жителя, эмигранта; с учетом профессии – языковая личность учителя, филолога, медика, нефтяника, журналиста; с учетом возраста – языковая личность школьника определенного возраста (дошкольника, младшего школьника, старшеклассника, подростка и т. п.)» [4, с. 69]. Уникальность языковой личности определяется неповторимостью ее социопсихологических характеристик.

Одним из важных направлений изучения языковой личности является коммуникативно-деятельностный. Деятельность индивида связана, прежде всего, с реализацией личности в профессиональной сфере. Язык определенной науки является фрагментом языковой картины мира специалиста. В этом фрагменте ЯКМ обобщается и отражается креативная деятельность индивида. Исследователи единодушны в том, что «характер профессиональной деятельности человека активно влияет на особенности языковой личности, а сфера профессиональной деятельности становится важным слагаемым языковой картины мира специалиста» [4, с.70]. Специальные дисциплины «диктуют» специфические способы осмысления действительности, формирование специальной картины мира, являющейся неотъемлемой частью языковой картины мира специалиста. Безусловно, разные профессии требуют от специалиста уверенного владения языком определенной науки (филолога – языком лингвистики, физика – языком физической науки, нефтяника – языком нефтяного дела и т. п.).

В структуре языковой личности специалиста одним из важных компонентов является тезаурусный, или лексико-семантический, уровень.

Список литературы

1. Гумбольдт В. Избранные труды по русскому языку. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность, Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.
3. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования. – М., 2009. – 336 с.
4. Фаткуллина Ф.Г, Сулейманова А.К. Термин в терминсистеме: теоретические основы и принципы анализа. Монография [Текст]/– Уфа: РИЦ БашГУ. 2014.– 168 с.
5. Фаткуллина Ф.Г Интернет-коммуникация: прагматический и национально-культурный аспект (на материале интернет-мемов) // Материалы Международной научно-

СОБСТВЕННО ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Энэбиш Т.

преподаватель китайского языка Ховдского государственного университета,
Монголия, г. Ховд

В статье рассмотрена лексическая выразительность слов Китайского языка с эмоционально-оценочным значением.

Ключевые слова: китайский язык, слова, эмоция, аффективная лексика, образованные суффиксами, китайское словою.

В китайском языке одним из важнейших средств лексической выразительности служат слова с эмоционально-оценочным значением. Эти слова, в отличие от изобразительно-выразительных средств не связаны с переносным значением.

Китайское слово готово для занятия любой позиции и содержит в себе спектр таких потенций. Грубо говоря, китайское слово «склоняется по частям речи», попадая в «именной», «глагольный» и другие «падежи»; при этом, безусловно, не может идти речи о прямом тождестве с европейскими словоизменительными парадигмами (позиционная морфология). Если стилистическая норма запрещает тот или иной переход и при этом говорящий полагает возможным все-таки его произвести, то переход следует считать окказиональным, то есть «случайным». Результирующая единица будет стилистически окрашенной, рассчитанной на комический эффект [8, с.429].

Слова в китайском языке способны изменять свою принадлежность к той или иной части речи. Для того, чтобы изменить принадлежность любого слова к той или иной части речи, достаточно поместить его в другую синтаксическую позицию.

Употребляясь в прямом значении, они, однако, экспрессивно насыщены, эмоционально окрашены, содержат субъективную оценку. Такие слова относятся к аффективной лексике и создают общий эмоциональный тон высказывания, передают чувственные, субъективно-оценочные отношения говорящего к предмету мысли, фактам окружающей действительности.

Аффективную лексику следует отличать от слов, обозначающих различные виды эмоций. Первые являются средством выражения эмоций, вторые же служат средством обозначения эмоций, как логические понятия называют эмоции.

Поскольку аффективной лексике присуще добавочное эмоциональное значение, она является средством выражения эмоций. Эмоцией называют относительно кратковременное переживание: одобрение, восторг, радость, восхищение, недоумение, удивление, тоска, ужас и т.п. Что касается

субъективной оценки, то она может быть положительной (позитивной) или отрицательной (негативной).

Одни слова имеют эмоционально-оценочные значения независимо от контекста, в силу своей смысловой природы, другие приобретают его в контексте, в зависимости от конкретного словесного окружения (контекстуальное эмоционально-оценочное значение).

Слова с собственно эмоционально-оценочным значением подразделяются по способу словопроизводства на две группы: слова, образованные сложением корней и слова, образованные суффиксами. Основную массу слов с эмоционально-оценочным значением составляют слова, возникшие в результате сложения корней. Корни сложных китайских слов в своем подавляющем большинстве равны одному слогу. Это создает большие возможности для широкой, почти не ограниченной сочетаемости знаменательных морфем. В китайском языке слова, образованные сложением двух корневых морфем – статистически доминирующая группа слов с эмоционально-оценочным значением.

Семантический анализ словообразовательных средств современного китайского языка свидетельствует о наличии в нем морфем, вносящих в сложное слово добавочное значение отрицательной характеристики.

Некоторые морфемы, будучи использованы в качестве словообразовательного средства, полностью или частично утрачивают прямое предметно-логическое значение, но, сохраняя значение эмоциональное, образуют существительные с негативной субъективно-оценочной характеристикой.

Так, например, морфема *gui* 鬼, которая в самостоятельном употреблении значит *черт, дьявол, привидение*, образует следующие существительные: 酒鬼 алкоголь + черт = пьяница, алкоголик; (пьяный + черт) – пьяница, пропойца; Или положительные характеристики:

Например: *hua* 花 (цветок) – 校花, 警花, 班花 институт + цветок = институтская красавица, милиция + цветок = женщина-милиционер, группа + цветок = самая красивая девочка в группе.

Список литературы

1. 现代汉语修辞学/ 吴礼权著. – 上海: 复旦大学出版社, 2006.
2. 理论文体学/胡壮编著. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2000.
3. 实用语法修辞/李庆荣著. – 北京: 商务印书馆, 2007.
4. 中国辞书论体. 第7辑/中国辞书学会学术委员会编. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2007.
5. 中国修辞学/杨树达. – 上海古籍, 2006.
6. 俄汉语对比研究. 张会森主编. – 上海: 上海外语教育出版社, 2003.
7. Большой академический монгольско-русский словарь \в четырех томах\., Москва <Academia>., 2002
8. Словарь неологизмов современного китайского языка Кан Шиюн – Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2009. – 429 с.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»

САМОУБИЙСТВО КАК АНОМАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX В. В РОССИИ

Абрегова Ж.О.

доцент кафедры истории государства и права Майкопского государственного технологического университета, канд. ист. наук, доцент,
Россия, г. Майкоп

В статье самоубийство как аномальное явление в повседневной жизни сельского населения в начале XX в. в России делается попытка рассмотреть причины этого девиантного поведения человека в экстремальных условиях, а именно начало века, когда происходила коренная ломка всех стереотипов поведения. Время, когда наблюдался повышенный процент суицидальных явлений.

Ключевые слова: суицид, аномалия, девиантное поведение, повседневная жизнь.

Уровень самоубийств как следствие социального неблагополучия служит одним из важнейших индикаторов социального, экономического, политического состояния общества. Как правило, под самоубийством понимаются два разнопорядковых явления: во-первых, индивидуальный поведенческий акт, лишение себя жизни конкретным человеком; во-вторых, относительно массовое, статистически устойчивое социальное явление, заключающееся в том, что некоторое количество людей добровольно уходят из жизни. Самоубийство всегда рассматривалось исключительно как социальный феномен [1, с.25, 26, 53]. Как индивидуальный поступок самоубийство служит предметом разных наук. Так, оно изучается психологией, этикой, медициной. Как социальное явление – предмет социологии, социальной психологии. В данном случае самоубийство представляется как одна из аномальных форм поведения человека в повседневной жизни, учитывая специфику переломного этапа в истории.

Как «продукт состояния общества», самоубийства, точнее уровень и динамика, служат наравне с убийствами одним из важнейших индикаторов социальной, экономической, политической ситуации и её изменений, «барометром» жизнедеятельности общества, его благополучия или неблагополучия [2, с.290].

Здесь выделяется суицидное поведение, которое имеет множество разновидностей, а, следовательно, и их классификаций по разным основаниям, таким как причины, стадии, мотивы. Причин для самоубийства много. Покончить с собой – значить признаться, что жизнь кончена, что она сделалась непонятной. Добровольная смерть предполагает осознание отсутствия какой бы то ни было причины для продолжения жизни, понимание бессмысленности повседневной суеты, бесполезности страдания.

Самоубийство – это согласие с собственными пределами. Всё закончено, человек отдаёт предписанной ему истории. Так, Э. Дюркгейм, автор первого фундаментального социологического труда, посвящённого самоубийствам, различал их по причинам: эгоистические (как результат недостаточной интеграции общества, ослабления связей между индивидом и обществом); альтруистические (ради действительного или мнимого блага других); аномические (в кризисном обществе, находящемся в состоянии аномии, когда старые нормы не действуют, новые отсутствуют или не усвоены населением, существует конфликт норм, «нормативный вакуум») [3, с.53].

Последователь Дюркгейма М. Хальбвакс частично отходит от классификации учителя, предлагая различать самоубийство искупительное (самообвинение), проклинающее (протесное) и дезиллюзионное (результат разочарования, неудовлетворённости своим статусом). Он отрицает альтруистическое самоубийство, считая его самостоятельным феноменом самопожертвования.

Е. Шнайдман выделяет три типа самоубийств: эготические (самопоричающая депрессия), дуалистическое (следствие фрустрации, ненависти, стыда, гнева) и «выламывающаяся» результат «выпадения» из поколенческих, родственных связей, сетей.

По стадиям или по определённости намерений различают суицид жеста или демонстративный, противоречивое покушение на свою жизнь, серьёзное покушение и завершённое самоубийство. Отечественная классификация была предпринята В. Тихоненко, [3, с.59 – 71] который приводит классификацию перечень суицидального поведения, включая хронический суицид лиц, имеющих алкогольные проблемы. Однако динамика количества и уровня самоубийств в зависимости от экономических, политических, социальных изменений свидетельствуют о социальной природе этого явления. В мире животных суицидальное поведение либо не наблюдается вообще, либо ограничивается редкими нетипичными актами, носящими не осознанный, а инстинктивный характер.

Количество и уровень самоубийств, как показал Э. Дюркгейм, находятся в обратной корреляционной зависимости от степени интеграции, сплочённости общества [4, с.442]. Так, во время войн снижался уровень самоубийств (сплочение общества перед лицом общей опасности, общего врага). Повышался же уровень самоубийств в годы экономических кризисов, депрессий и роста безработицы [4, с.223].

Как все виды социальных аномалий, самоубийства чутко реагировали на степень социальной и экономической дифференциации населения и темпы её изменения [5, с.87]. Чем выше степень дифференциации населения, тем выше были показатели суицидального поведения. Особенно «самоубийственно» резкое снижение социального статуса. Поэтому относительно высоким был уровень самоубийств в первые месяцы у солдат срочной службы, среди которых было много демобилизованных офицеров, у лиц, взятых под стражу. Будучи в конечном счёте следствием отсутствия или утраты смысла

жизни, самоубийства росли в годы идеологических кризисов, «смены вех» [6, с.57].

Начало XX в. в России было отмечено кризисом, ростом протестных, революционных акций. Некоторое снижение уровня самоубийств в 1915 – 1917 гг. был результатом вступления страны в мировую войну. Годы политического кризиса отрицательно сказывались на молодом поколении. Доля молодёжи в возрасте до 30 лет среди самоубийц возрастала [7, с. 300]. Относительно быстрее росли самоубийства в столицах. Обращает на себя внимание очень высокий уровень самоубийств молодёжи (возрастные группы 20-24 года, 25-29 лет, 18-19 лет). Также отмечался более высокий уровень суицида горожан по сравнению с сельским населением.

Среди способов добровольного ухода из жизни в 1926 г. первое место занимали повешение 49,7 %, далее следовали с помощью огнестрельного оружия – 23,9 %, отравления – 14,6 %, утопления – 4 %, с помощью холодного оружия и путём попадания под транспорт – 3 %, падение с высоты – 0,5 %, иное – 2 % [8, с.39]. Причём, сельское мужчины и женщины предпочитали повешение. В 20-е гг. подтверждается весенне-летний пик самоубийств (свыше 57 %), максимум их приходится на июнь, минимум – на январь. По дням недели в сельской местности максимум самоубийств приходился на воскресенье и понедельник [9, с. 303].

Таким образом, самоубийство как аномальное явление в повседневной жизни сельского населения занимало весьма распространённое место, являясь следствием социального неблагополучия. Суицид был одним из важнейших показателей здоровья общества, высвечивая изнутри повседневность человеческого бытия. Повышение процента суицидальных явлений наблюдалось, как правило, в годы кризисов, выявляя социальную природу этого девиантного явления.

Список литературы

1. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. – С. 25, 26, 53.
2. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.). СПб., – 2000. – С. 290.
3. Тихоненко В.А. Классификация суицидных проявлений // Актуальные проблемы суицидологии. М., 1978. – С. 59 – 71.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994. – С. 442.
5. Гилинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб., 1993. – С. 87.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. – С. 57.
7. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.). СПб., – 2000 – С. 300.
8. Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 годах. М., 1929. – С. 39.
9. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.). СПб., – 2000 – С. 303.

МЕРОПРИЯТИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДАЛЬНЕЙШЕМУ УКРЕПЛЕНИЮ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН И ОКОЛОЖЕНСКОЙ СФЕРЫ В ГОДЫ ВОВ

Арефьева И.А.

заведующая профессиональным центром профессионального образова-
тельного учреждения № 6, канд. ист. наук, доцент,
Россия, г. Хабаровск

В статье укрепление положения женщин и околоженской сферы в годы ВОВ, а, как следствие, мероприятия, направленные на достижение результатов в этом процессе, рассматриваются как предмет правового регулирования и особой заботы советского государства, что явилось вектором дальнейшего послевоенного развития этой сферы жизни общества и повлияло на восполнение демографической катастрофы, связанной с войной.

Ключевые слова: беременная женщина, многодетная мать, звание «Мать-героиня», орден «Материнская слава», медаль «Медаль материнства».

Проведение мер, предусматривавших дополнительную охрану интересов матери и ребенка и направленных на увеличение народонаселения Советского Союза, стало предвдаться в жизнь уже в самом начале войны.

Огромные потери населения СССР, которые принесла война, потребовали издания ряда законодательных актов, направленных на дальнейшее укрепление института брака, повышение рождаемости и поощрение многодетных семей, решение вопроса об одиноких матерях и облегчение устройства детей-сирот.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [1, с. 515-516] имел глобальное значение для советской семьи, ее материального обеспечения и юридической значимости.

В Указе провозглашалось: «Забота о детях и матерях и об укреплении семьи всегда являлась одной из важнейших задач советского государства. Охраняя интересы матери и ребенка, государство оказывает большую материальную помощь беременным женщинам и матерям на содержание и воспитание детей. Во время войны и после войны, когда для многих семей имеются более значительные материальные затруднения, требуется дальнейшее расширение мероприятий государственной помощи» [1, с. 515].

На основании предписаний Указа следовало поручить Совету Народных Комиссаров СССР: во-первых, утвердить план дополнительной организации по республикам и областям домов матери и ребенка, а также специальных домов отдыха для нуждающихся беременных женщин-одиночек и для ослабленных кормящих матерей, с использованием в них труда отдыхающих на посильных работах; во-вторых, утвердить план расширения сети детских

учреждений по наркоматам и ведомствам с расчетом полного охвата всех детей, нуждавшихся в обслуживании, предусмотрев расширение сети детских консультаций и молочных кухонь, организацию яслей для детей грудного возраста, вечерних групп при детских садах и родовспомогательных учреждений в районах, освобожденных от немецких захватчиков; в третьих, предусмотреть обязательную организацию на предприятиях и в учреждениях с массовым применением женского труда детских яслей, детских садов, комнат для кормления грудных детей и комнат личной гигиены женщин; в четвертых, обязать наркоматы в проектах промышленного строительства предусматривать строительство детских учреждений (ясли, детсады, комнаты матери и ребенка), рассчитанных на полный охват нуждавшихся в обслуживании детей работниц и служащих данного предприятия; и, в завершении утвердить мероприятия по значительному расширению производства детской одежды, обуви, предметов детской гигиены и санитарии и других предметов детского обихода, как для детских учреждений, так и для продажи населению, а также по увеличению сети пошивочных мастерских детской одежды и сети магазинов матери и ребенка [1, с. 515-516].

В следующей части Указа содержалось предписание об учреждении Медали «Медаль материнства» и Ордена «Материнская слава» и об установлении почетного звания «Мать-героиня»: следовало, во-первых, учредить медаль «Медаль материнства» I и II степени для награждения матерей, родивших и воспитавших: пять детей – медалью II степени; шесть детей – медалью I степени. Во-вторых, учредить орден «Материнская слава» I, II и III степени для награждения матерей, родивших и воспитавших: семь детей – орденом III степени; восемь детей – орденом II степени; девять детей – орденом I степени.

В-третьих, установить, что матери, родившей и воспитавшей десять детей, присваивается почетное звание «Мать-героиня» с вручением ордена «Мать-героиня» и грамоты Президиума Верховного Совета СССР. В-четвертых, награждение орденами «Материнская слава» и медалями «Медаль материнства» и присвоение почетного звания «Мать-героиня» производилось по достижении последним ребенком возраста одного года и при наличии в живых остальных детей этой матери. При награждении матери учитывались и дети, погибшие или пропавшие без вести на фронтах Отечественной войны [1, с. 516].

Таким образом, укрепление положения женщин и околоженской сферы в годы ВОВ, а, как следствие, мероприятия, направленные на достижение результатов в этом процессе, стали предметом правового регулирования и особой заботы советского государства, что послужило вектором дальнейшего послевоенного развития этой сферы жизни общества и повлияло, в конечном итоге на восполнение демографической катастрофы, связанной с войной.

Список литературы

1. Социальное обеспечение и страхование в СССР. Сборник официальных документов. – М., 1972. – С. 515 – 516.

ПРОБЛЕМА НИЩЕНСТВА И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

Бутусов А.С.

аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории
ЯрГУ им. П.Г. Демидова,
Россия, г. Ярославль

Данная статья показывает ситуацию вокруг нищенства в Ярославской губернии. Здесь мы можем увидеть законодательные акты по решению вопроса, новые подходы. Также имела место благотворительная деятельность по отношению к неимущим и функционирование приказов Общественного призрения, которые занимались поддержкой и попечением бедствующего населения.

Ключевые слова: нищенство, законодательство, благотворительные заведения, общественное призрение, простое и квалифицированное нищенство, направления попечительской деятельности.

Вопрос по призрению за неимущими и по пресечению распространения нищенства пытались решить как на законодательном уровне, так и посредством благотворительной деятельности, а также основанием соответствующих заведений. Благотворительные заведения должны были соответствовать определенным правилам и постановлениям и открываться с разрешения правительства. В 1820-1850-е гг. служащим такого рода заведений запрещалось считаться на государственной службе и к государственным наградам они не представлялись. Впоследствии с развитием института попечительства ситуация стала меняться. Так, законом 1858 г. должностным лицам ИЧО предоставлялись права государственной службы, а также разрешалось председателям и членам благотворительных советов филантропических заведений, созданных на частные средства.

В силу этих причин частная благотворительность сильно зависела от административной власти и была поставлена в тесные определенные рамки. Но практически требования закона оставались мертвой буквой и во многих частях не исполнялись, иначе частная благотворительность не развивалась бы вообще [5].

В начале XIX в. сфера социального попечения распространялась и на фабрико-заводских рабочих. На некоторых предприятиях сложилась определенная практика осуществления социальных гарантий, которая находила подтверждение и получала дальнейшее развитие в законодательстве. К примеру, в 1825 г. было разработано «Положение для Ярославской Большой мануфактуры гг. Яковлевых» (бывшая мануфактура! купцов Затрапезновых, потом Яковлевых, с 1857 г. московских купцов Карзинкиных, Игумнова).

Руководство мануфактуры бесплатно обеспечивало рабочих мукой; зш малолетних выдавалось 30 коп. в месяц на молоко, а на детей с 2 до 7 лет по пуду ржаной муки бесплатно. В случае временной нетрудоспособности, если болезнь длилась более — недель, мастеровые имели право на получение продуктового и денежного пособия.

Престарелым, увечным, вдовам, сиротам выплачивались пенсии от 1 руб. 50 коп. до 2-3 руб. и больше, а также отпускалось по пуду ржаной муки в месяц бесплатно и сверх того оказывалось пособие хлебом. Пособия на крестины, свадьбы, похороны, являлись необязательными, но в случае выплат возмещение израсходованных средств из заработной рабочих запрещалось. Рабочие бесплатно снабжались дровами, желающие строить свои дома приобретали стройматериал, купленный за счет мануфактуры по той же цене, и получали ссуду; в случае покупки готового дома, предприятие также выделяло деньги, вычитая по 25 коп. с рубля из 9-ти месячной зарплаты только у мужчин.

С целью оказания медицинской помощи при мануфактуре содержался лекарский дом и лекарь с учениками. Но необходимо иметь в виду, что объем помощи рабочим был различным на разных предприятиях. ЯБМ являлась самой мощной мануфактурой в Ярославской губернии и одним из крупных текстильных предприятий в России, поэтому работники были гораздо лучше материально обеспечены, чем на других производствах [2, с. 312-314].

В дополнение к законодательным актам, которые начали издаваться при Александре I 4 августа 1852 г. вышел указ «О мерах к уменьшению нищенства в столицах». Помимо уже существовавших законодательных мер о пресечении нищенства, закон определял потенциальных нищих, которым запрещался въезд в столицы: престарелые и увечные крестьяне, их жены и вдовы без взрослых сыновей; малолетние крестьянские дети; слепые и калеки из податных сословий; солдаты, рекруты и их жены, которые по слабости здоровья и увечью не могли работать или же уличенные в нищенстве, бродяжничестве и развратном поведении [4].

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX в. произошло изменение политики государства к нищим, отношение к ним стало более гуманным, закон настаивал на дифференцированном подходе к ним, а также выявились новые основы общественного призрения. Были созданы административные учреждения – губернские приказы общественного призрения, ведавшие социальным попечением, а также поставлена под контроль правительства частная благотворительность. Существенно расширилась сеть благотворительных заведений и категорий призреваемых. Приказы в первые десятилетия своей деятельности имели прогрессивное значение. Но к середине XIX в. жизнь показала неспособность приказов успешно выполнять поставленные задачи. Практически два человека (главный надзиратель заведений Приказа и неперменный член) решали все вопросы. Бедных в России было очень много, а чиновников, способных вникнуть в их проблемы, очень мало [3].

И, тем не менее, приказам общественного призрения удалось сделать немало для попечения больных и неимущих, сирот и детей из бедных семей, безработных, людей, отличавшихся порочным поведением. К 1864 г. на средства Ярославского Приказа общественного призрения содержались следующие заведения: 1) больница на 250 кроватей – часть больных лечилась платно, часть бесплатно); 2) дом умалишенных на 30 человек (с платным и бесплатным содержанием); 3) богадельня на неопределенное число неспособных;

к службе нижних воинских чинов и увечных кантонистов, на содержание которых выделялись казенные средства и провиант; 4) воспитательный дом на неопределенное число детей-сирот военного ведомства (приблизительно 120 человек), на которых из казны также выдавались жалование и провиант; 5) смиренный дом, помещавший около 20 человек (с платным и бесплатным содержанием); 6) работный дом, рассчитанный примерно на 51 человек (с платным и бесплатным содержанием); 7) инвалидный дом на 20 человек, построенный на пожертвованный капитал Ярославова в 1854 г.; 8) училище для канцелярских детей. В ведении Приказа находились также: а) по одной городской больнице в Ярославле, Данилове, Любиме, Мологе, Мышкине, Пошехонье, Романово-Борисоглебске, Ростове, Угличе и две больницы в Рыбинске – городская и для судорабочих; б) две городские богадельни – Леонтьевская и Тверицкая в Ярославле и по одной городской богадельне в Угличе и Ростове [1, л.21-23].

К 1860-м годам в обществе и правительстве сформировалось мнение о необходимости передать ведение дел приказов общественного призрения земским деятелям и частным добровольцам. Новый этап в развитии благотворительности в земских губерниях начался в 1860-1870-х гг., в эпоху Великих реформ Александра II. Общественное призрение относилось к сфере деятельности земских и городских всеобщие общественные самоуправления, а приказы упразднялись. Начался обратный процесс в развитии организационных основ общественного призрения. К земским, городским учреждениям, общественным организациям, церковно-приходским союзам примыкала частная благотворительность.

Говоря о законодательстве, следует отметить, что оно различало простое и квалифицированное нищенство. Дела о простом нищенстве рассматривали мировые судьи на основе «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (ст. 49-51), определявшего следующие агрессивные меры за прошение милостыни: 1) по лени и привычке к праздности виновные подвергались тюремному заключению сроком от двух недель до трех месяцев; 2) нищие, точенные в грубом поведении или обмане, подвергались заключению от одного до трех месяцев; 3) родители или опекуны, допустившие до нищенства детей, подвергались тюремному заключению сроком не более 15 дней или штрафу до 50 руб.

Квалифицированное нищенство предусматривало наличие у просящего милостыню оружия или поддельных ключей, отмычек и других подобных орудий. Как более тяжкое преступление оно рассматривалось в окружных судах и каралось значительно суровей, чем простое нищенство. Осужденный, лишаясь всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, подвергался тюремному заключению от 4 до 8 месяцев или ссылке в сибирские губернии (ст. 984 Уложения о наказаниях).

Несмотря на запрет, нищенство практически проявлялось не только как прямое нарушение закона, но и с официального разрешения органов местной власти, позволявших некоторым нуждающимся легально обращаться к общественной помощи.

Также, в крестьянских обществах призрение неимущих сводилось к кормлению миром, тогда им позволялось собирать милостыню в своем селении. Неудивительно, что при таких условиях нищенство считалось явлением нормальным, а число профессиональных нищих увеличивалось год от года [6].

Подводя итог развития законодательства в отношении нищих в течение конца XVII – начала XX в., можно сделать вывод, что оно развивалось в двух направлениях: государство брало на себя функции попечения отдельных категорий бедных и неимущих, стимулировало частную инициативу благотворителей, одновременно издавались законы, предписывавшие применять репрессивные меры против трудоспособных нищих. В системе мер по предотвращению нищенства были задействованы разные уровни власти на местах. Каждое сословие обязано было не допускать своих людей до нищенства и в необходимых случаях оказывать им общественную помощь. В целом в дореволюционной России сложилась достаточно развитая система социального попечения, базировавшаяся в основном на частной благотворительности, действовавшей под строгим контролем государства. Но, несмотря на это, борьба с нищенством в основном сводилась к репрессивным мерам. Законодательные запреты оставались мертвой буквой. Указами не затрагивались коренные причины появления нищенства, и в лучшем случае обращалось внимание на их функционирование.

Список литературы

1. ГАЯО. Ф.73. Оп.1. Д.4911. Л.21-23.
2. Грязнов А.Ф. Ярославская Большая мануфактура за время с 1722 по 1856 гг. М., 1910. С. 312-314.
3. ПСЗ II. Т.20. Отд. I. №19283.
4. ПСЗ II. Т.27. Отд. I. №26503.
5. ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи) II. Т.33. №33767.
6. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. СПб., 1913. Т.15.

ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ В СССР 1917-1952 гг.

Гуменюк А.А.

доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии
Института истории и международных отношений СГУ,
кандидат исторических наук,
Россия, г. Саратов

В статье анализируются основные стратегии развития торгового обслуживания, общественного питания, бытового обслуживания и гостиничного дела с 1917 по 1952 гг. Статья базируется на российском законодательстве, а также отчасти на данных публикаций по отдельным аспектам проблематики.

Ключевые слова: баня, дом колхозника, магазин, мастерская, парикмахерская, отдел рабочего снабжения, прачечная, распределитель, ресторан, столовая.

Рыночные реформы, начавшиеся в поздний советский период и продолжавшиеся в постсоветские годы, вызвали кардинальные перемены всех сфер деятельности общества, в том числе и таких направлений сферы обслуживания, как торговля, общественное питание, бытовое обслуживание и гостиничное дело. Работники этих отраслей социального развития российского социума в своей деятельности стали исходить, прежде всего, из потребностей и спроса потребителей услуг, что, несомненно, свидетельствует о приближении сферы обслуживания к обычному человеку. Однако этот компонент социально-экономического развития постепенно стал приобретать такое значение в социальной политике российского государства только во второй половине XX в., когда сама социальная политика превратилась в самостоятельное направление внутренней политики СССР. В этой связи, представляется не безынтересным выяснить, каким образом советское законодательство предлагало улучшать и облегчать быт советских людей в различные периоды отечественной истории первой половины прошлого века. Ответы на эти вопросы позволят современному поколению политиков извлечь необходимые уроки из большевистских экспериментов в сфере быта.

Придя к власти, большевики, нацелились на кардинальные изменения быта, революционализацию повседневной жизни россиян. В годы гражданской войны преобразования бытовой сферы были подчинены стремлению новой власти одержать верх в противостоянии с многочисленными силами контрреволюции. Выражалось это в замене частноторгового аппарата общегосударственным, функции которого с 11 апреля 1918 г. стала выполнять потребительская кооперация [2, с. 76–77, 91–92]. 21 ноября того же года декретом СНК «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» в составе Наркомпрода было создано Главное управление продуктораспределения (Главпродукт), на которое и было возложено непосредственное руководство всем делом снабжения населения промышленной и кустарной продукцией [3, с. 41–46]. Кроме того, распределением хлеба и предметов первой необходимости занимались и другие организации, в частности, комбеды [2, с. 416–419]. В марте 1919 г. законодательно был инициирован процесс объединения всех видов кооперации единый распределительный аппарат в форме единой потребительской коммуны [25, № 17. Ст. 191]. Одновременно новой властью прилагались усилия по созданию системы общественного питания. В августе 1918 г. была запрещена деятельность частных ресторанов, кафе и трактиров. Основная масса горожан стала пользоваться пунктами коммунального питания. Общественные столовые обычно находились внутри каких-либо учреждений, за счет средств которых они и содержались. Получить пищу там было возможно только по специальному пропуску. Абонемент же в большинстве из этих заведений был нищенским [8, с. 247]. Бесплатно пользоваться услугами общественного питания имели право (с весны 1920 г.) только учащиеся и служебный персонал высших учебных заведений, инвалиды. Лица, получающие красноармейский паек, железнодорожники, водники, военно-

служащие, имевшие другие виды усиленного довольствия, наоборот, такой возможности были лишены [4, с. 74–75].

Переход к НЭПу, ожививший частную инициативу, дал возможность определенной части трудящихся самостоятельно обеспечивать себя продовольствием и предметами первой необходимости. Услугами же государственной системы продовольственного обеспечения (выдача трудового продовольственного пайка) продолжали пользоваться лишь солдаты, матросы, рабочие и служащие действующих предприятий, учреждений, водного и железнодорожного транспорта и члены их семей, инвалиды, учащиеся [26, № 62. Ст. 453]. С возрождением в 1922 г. товарно-денежных отношений, Наркомпрод был ликвидирован [27, № 31. Ст. 378] и руководство возникшими государственными и кооперативными торговыми предприятиями [28, № 64. Ст. 645] стало осуществлять созданный 15 мая 1924 г. Народный комиссариат внутренней торговли [28, № 50. Ст. 373]. Благодаря функционированию этих субъектов рынка наряду с возрожденной в марте 1921 г. частной торговлей люди получили возможность лучше питаться самыми необходимыми продуктами: хлебом, картофелем, мясом, сахаром, иногда употреблять в пищу и экзотические товары, например, лимоны. Возрождались обильные застолья, особенно в дни крупных религиозных праздников [1, с. 85].

В условиях возрождавшихся товарно-денежных отношений система коммунального питания стала быстро сворачиваться. К июню 1921 г. количество коммунальных столовых с их жалким ассортиментом сократилось в шесть раз. А в конце 1921 г. Наркомпрод позволил частникам развернуть свою сеть кафе, ресторанов, чайных и столовых. Число их стремительно росло. В 1927 г. в СССР было уже более 28 тыс. заведений общественного питания, принадлежащих частным владельцам. В начале 1923 г. власти решили создать организацию, способную конкурировать с частником в сфере общественного питания – паевое кооперативное товарищество «Народное питание» (Нарпит). Оно задумывалось, как подчеркивалось в уставе, с целью «предоставления городскому и промышленному населению улучшенного и удешевленного питания, на основах безубыточности и самокупаемости, путем создания сети доступных столовых, ресторанов, чайных и т.п. предприятий». В отличие от частных ресторанов и трактиров заведения Нарпита были освобождены от налогов и имели льготы при оплате аренды помещений. К марту 1924 г. существовало 37 нарпитовских столовых в Москве, Ленинграде, Туле, Калуге, Ярославле [8, с. 248–249]. Цены в них были невысокими, но ассортимент блюд, качество их приготовления и система обслуживания оставляли желать лучшего. В начале 1927 г. состоялось Первое Всесоюзное совещание по общественному питанию, на нем обсуждалась задача превращения дела народного питания в самостоятельную отрасль сферы обслуживания. СНК в своем итоговом постановлении по докладу Нарпита, в частности, признал, что паевому обществу за недолгий период своего существования удалось добиться расширения сети столовых общепита, главным образом, в рабочих районах, началось строительство крупных механизированных

предприятий [29, № 87. Ст. 570]. Нарпитовские столовые стали теснить частные рестораны и кафе с городских улиц.

Сразу после завершения гражданской войны большевики предприняли первые шаги по созданию службы быта. В июне 1921 г. появился декрет СНК РСФСР «О ремонтно-починочных и пошивочных мастерских». После этого при ряде фабрик и заводов стали создаваться различные мастерские. Но работа их осложнялась постоянной нехваткой средств. В условиях НЭПа государство решило допустить к бытовому обслуживанию населения частника. Многие в то время стремились получить разрешение на открытие собственной парикмахерской, пошивочного ателье, сапожной мастерской. Наиболее яркими фигурами службы быта 1920-х гг. были люди, предлагавшие свои ремонтные услуги клиенту на дому – лудильщики, точильщики, иногда сапожники. С 1925 г. в сфере бытового обслуживания стала развиваться кооперация [8, с. 128–129]. Со второй половины 1920-х гг. в этой сфере усилились позиции государства. В 1928 г. законодательно был утвержден порядок финансирования строительства бань, прачечных, столовых вблизи рабочих поселков за счет 5% отчислений от жилищного строительства [29, № 129. Ст. 833]. В том же году были облегчены условия содержания сельских и городских парикмахерских, облаживающих трудящихся [29, № 114. Ст. 714].

1920-е гг. стали временем зарождения гостиничного дела. Первыми учреждениями в Советской России подобного типа были дома крестьянина, возникшие в середине десятилетия. Они были призваны заменить ночлежки и трактиры, дававшие приют колхозникам, приехавшим в города торговать своей продукцией. В 1928 г. только в РСФСР насчитывалось около 400 домов крестьянина. Помимо возможности переночевать, приезжавшим предоставлялись услуги недорогого питания, мытья, чтения книг, просмотра кинофильмов. Тем самым, дома колхозников кроме обычного бытового обслуживания выполняли функции досуговых учреждений. Однако стремление превратить эти дома еще в очаги культуры натолкнулось на материальные трудности, поскольку они состояли на местном бюджете [8, с. 132].

Отказ от НЭПа в 1929 г., означавший запрет частного предпринимательства, напрямую сказался на состоянии сферы обслуживания, которая оказалось под жестким контролем государства. Первоначально основным аспектом новой системы торговли было так называемое «закрытое распределение», заменившее собой традиционные магазины. К 1932 г. в стране насчитывалось уже 40 тыс. таких распределителей, составив почти треть часть городских розничных торговых точек. Высшая номенклатура обеспечивалась через Главное объединение розничной торговли (ГОРТ). Отдельные распределители имелись для инженерно-технических работников (более 700), сотрудников ОГПУ. Через систему «Инснаба» снабжались работавшие по контрактам в СССР иностранцы. Товары в этих спецмагазинах были дешевле, чем в отделах рабочего снабжения (ОРСы) и кооперативах [8, с. 304]. Там обеспечивалось подавляющее большинство населения страны.

В условиях нехватки продуктов питания, и прежде всего хлеба, уже в начале 1928 г. многие кооперативные организации полностью отказались от

обслуживания людей со стороны. Торговые точки в тисках товарного кризиса превращались в замкнутые сообщества, через которые государство легко могло осуществлять нормированное распределение «товаров в одни руки». В 1931 г. Наркомат снабжения своим постановлением ввел единую систему снабжения трудящихся по выдаваемым промышленными предприятиями заработным книжкам [8, С. 156–157]. Тем самым большевики обеспечение наиболее социально ценной части населения перекладывали на плечи предприятий, на которых создавалась система ОРСов. Именно на эти организации власти возлагали, согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1930 г., решение ряда вопросов обеспечения промышленных рабочих [5, с. 329.]. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 4 декабря 1932 г. значительно расширило функции заводоуправлений в деле снабжения тружеников промышленного производства. ОРСы должны были обеспечивать реализацию устанавливаемых внутри предприятий пайковых норм [15, № 80. Ст. 489].

Свертывание НЭПа привело к закрытию рынков, значительная часть которых исчезла уже в годы первой пятилетки. Однако в разгар коллективизации сельского хозяйства власти решили вернуться к системе рыночной торговли. Согласно Указу СНК СССР от 20 мая 1932 г. «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян», в СССР появились так называемые колхозные рынки. Они должны были продемонстрировать преимущества колхозного строя, но на самом деле являлись центрами частной торговли. Другим квазирыночным элементом советской торговли являлись, появившиеся в конце 1929 г., «коммерческие» магазины. К 1934 г. они давали почти четверть розничного оборота. Однако товары в системе коммерческой торговли были в 3–4 раза дороже, чем те, которые отпускались по карточкам. Поэтому они были доступны только узкому кругу граждан [8, с. 196–197, 314]. Подавляющее же большинство советских людей к середине 1930-х гг. жили хуже, чем до захвата власти большевиками.

С отменой карточек в 1935 г. закрытое распределение официально упразднили [7, с. 272–273], были ликвидированы коммерческие цены и введены единые. И хотя они оказались значительно ниже прежних, основная масса населения вынуждена была выстаивать длинные очереди за товарами в появившихся с 1934 г. на первых этажах новостроек кооперативных и государственных магазинах [16, № 71. Ст. 428]. Однако таким образом трудящиеся с трудом обеспечивали себе необходимый физиологический уровень питания. Это не касалось правящей элиты и номенклатурных рабочих, которые имели доступ к различным деликатесам через часть продолжавших функционировать коммерческих магазинов [18, № 40. Ст. 332] и ОРСы. Другой вариант «отовариться» представляли колхозные рынки, несмотря на то, что их деятельность государство постоянно контролировало [19, № 7. Ст. 65].

С началом «эры пятилеток» деятельность заведений общественного питания, принадлежащих частным владельцам, стала сворачиваться и уже в начале 1930-х гг. не осталось ни одного частного ресторана, чайной, пивной. Затяжной продовольственный кризис способствовал развитию государственной системы общепита. Многочисленные постановления подчеркивали ее

огромную роль в переустройстве быта [12, № 16. Ст. 135; 13, № 36. Ст. 394]. Весной 1930 г. был проведен смотр столовых, названный в прессе «решительным переходом в наступление на домашние индивидуальные формы питания», в ходе которого только число пивных сократилось в два раза [8, с. 265, 285]. Точка в процессе огосударствления общепита была поставлена заменой Нарпита Главным управлением по народному питанию «Союзнарпит» в сентябре 1931 г. [14, № 58. Ст. 375]. С этого момента возведение помещений для предприятий общепита стало обязательным компонентом поселкового и жилищного строительства. Но в действительности, как и в 1918–1920 гг., общепит являлся механизмом нормированного распределения со строго отлаженной иерархией. В большинстве учреждений существовали закрытые столовые. Ассортимент блюд в них напрямую зависел от норм пайкового снабжения конкретной социальной группы населения. В связи с нехваткой продуктов питания в системе общепита проводились эксперименты по практически насильственному внедрению вегетативной пищи. Одновременно меню в столовых пытались разнообразить путем введения новых блюд из воблы, тюльки, хамсы, сои, дельфиньего и тюленьего мяса. Они подавались и в немногочисленных открытых заведениях общепита, функционировавших в первой половине 1930-х гг. вне территорий предприятий и учреждений. С их помощью могли, например, попробовать решить проблему еды командировочные, имевшие карточки [8, с. 265].

С отменой карточной системы началась перестройка общепита. О полной ликвидации домашней кухни во второй половине 1930-х гг. вопрос уже не поднимался [20, № 32. Ст. 136]. Общественное питание становилось одной из витрин победившего сталинского социализма. Ранее закрытые столовые превращались в общедоступные заведения. Для обычных граждан открыли двери рестораны, имевшие еще до революции блестящую репутацию типа «Национал» в Москве и «Метрополя» в Ленинграде. Были созданы заведения общепита, долгие годы составлявшие гордость советского кулинарного искусства, например, кафе-магазин «Север» в городе на Неве. В конце десятилетия в крупных городах СССР появились первые кафе-автоматы, названные «американками». Но просуществовали они недолго [8, с. 266].

В годы первой пятилетки власть стала настойчиво объединять кустарей и ремесленников под государственным крылом [16, № 72. Ст. 436]. Бытовые секции, создаваемые при местных советах и комитетах по улучшению быта рабочих и крестьянок, занимались организацией прачечных (на общественных началах) [12, № 16. Ст. 135]. Этот процесс сопровождался созданием системы специальных мастерских закрытого типа. Заказы в них принимались по тем ордерам, которые выдавались «закрытыми распределителями» [15, № 27. Ст. 166]. В 1934 г. все кооперативные предприятия – мелкие пошивочные и ремонтные мастерские, парикмахерские и прачечные – были переданы государству [8, с. 129]. Частник был практически вытеснен из службы быта. Бытовым обслуживанием стала заниматься местная промышленность [30, № 41. Ст. 258]. С весны 1931 г. в стране развернулось массовое строительство бань. Для преодоления трудностей «в развитии банно-прачечного хозяйства»

Наркоматом труда РСФСР были привлечены ведущие архитекторы страны. После коллективизации дома крестьянина превратились в дома колхозника. Потребность в них увеличилась, но достаточных средств в середине 1930-х гг. на создание новых дешевых гостиниц для приезжих в города жителей села государство не отводило. И тогда по инициативе местных властей, как это было сделано в Ленинграде в феврале 1935 г., в дома колхозников были административным решением превращены бывшие ночлежки [8, с. 51, 133]. С конца 1934 г. население почувствовало улучшения и в обслуживании на железнодорожных вокзалах [17, № 55. Ст. 419].

В развитии сферы обслуживания в годы Великой Отечественной войны коренных изменений по сравнению с 1930-м гг. не произошло. На предприятиях вводилась закрытая торговля. Она позволяла обеспечивать лучший ассортимент и первоочередность снабжения для тех категорий граждан, которые вносили наибольший вклад в работу советского тыла [10, с. 227, 238; 21, № 6. Ст. 104]. В то же время процесс огосударствления сферы обслуживания в военные годы был несколько приостановлен. Так, на заседании ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. одновременно с введением карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары, обсуждался вопрос об организации коммерческой торговли. Широкое распространение получила торговля по ценам, заметно превышающим так называемые пайковые или карточные. [10, с. 215, 238]. Как и до войны действовали коммерческие рестораны. Ослабление государственного контроля чувствовалось и в сфере быта [8, с. 129, 197]. В то же время материально-техническая база сферы обслуживания к весне 1945 г. существенно сократилась. За годы войны только розничная торговая сеть (магазины, столовые, рестораны) уменьшилась на 216 тыс. единиц [9, с. 202]. Победоносное завершение войны и начавшиеся вслед за этим восстановительные процессы также не внесли качественных изменений в развитие сферы обслуживания, вызвав лишь количественный рост сети магазинов, предприятий общепита, бытового обслуживания, домов колхозников. [22, № 5. Ст. 30; 23, № 9. Ст. 45; 24, № 5. Ст. 15; 11, с. 445, 485, 487; 6, с. 100]. Однако потребности населения этот рост не удовлетворял, несмотря на обращение власти, как в годы НЭПа, к услугам частника [8, с. 129].

Итак, создание нового быта в Советской России и СССР с 1917 г. по начало 1950-х гг. осуществлялось в рамках ряда моделей, каждая из которых была нацелена на решение конкретных задач, стоявших перед советским обществом на определенном этапе отечественной истории. В 1917–1928 гг. социальная политика носила ярко выраженный классовый характер и была сориентирована на поддержку социальной опоры новой власти – рабочего класса и трудящегося крестьянства. Такой по сути она оставалась вплоть до 22 июня 1941 г., хотя власть стремилась истинное ее предназначение замаскировать, придав социальному законодательству видимость всеобщности. И лишь военное лихолетье 1941–1945 гг. и необходимость преодоления его последствий вынудило государство несколько сместить акценты в социально-экономическом развитии страны и начать движение в сторону трансформации социальной политики из отдельного компонента внутреннего развития СССР в

самостоятельное направление этого развития. Однако движение в этом направлении замедлялось низкой социальной ориентированностью экономики, повысить которую было невозможно без хорошо развитой базы предприятий группы «Б». Новый импульс этот процесс получил в марте 1953 г. с приходом к власти нового коллективного руководства, которое поставило перед собой цель превратить провозглашенный конституцией 1936 г. принцип всеобщности социальной политики из миража в реальность. отчасти используя для этого позитивный опыт улучшения качества жизни отдельных категорий населения в 1917–1928 и 1941–1952 гг.

Список литературы

1. Гуменюк А. А. Повседневная жизнь городов Поволжья в годы НЭПа [Текст] / А. А. Гуменюк // Клио. – 2007. – №3 (38). – С. 83-92.
2. Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Госполитиздат, 1959. – 686С.
3. Декреты Советской власти. Т. 4: 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М.: Политиздат, 1968. – XII, 731С.
4. Декреты Советской власти. Т. 8. Апрель-май 1920 г. М.: Политиздат, 1976. – 444С.
5. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 2. 1929–1945. – М.: Советская энциклопедия, 1957. – 888 С.
6. Директивы партии и советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. 1946–1952. – М.: Госполитиздат, 1958. – 704 С.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988): В 15-ти т. / Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС; Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е доп и испр. – М.: Изд-во политической литературы, 1985. – 471 с.
8. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: Контуры, символы, знаки. 2-е изд., испр. – СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2008. – 444С.
9. Павлов П. Д. Стойкость. – М.: Политиздат, 1983. – 366С.
10. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестка дня заседаний. 1919–1952 гг.: Каталог / Т. III. 1940–1952. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1016С.
11. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953: справочное издание. – Москва: РОССПЭН, 2002. – 654, [2] с.
12. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР. М.: Госиздат, 1929. Отдел первый.
13. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. – М.: Госиздат, 1930. Отдел первый.
14. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. – М.: Госиздат, 1931. Отдел первый.
15. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. – М.: Госиздат, 1932. Отдел первый.
16. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. – М.: Госиздат, 1933. Отдел первый.

17. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. – М.: Госиздат, 1934. Отдел первый.
18. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. – М.: Госиздат, 1935. Отдел первый.
19. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. – М.: Госиздат, 1936. Отдел первый.
20. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. – М.: Госиздат, 1937. Отдел первый.
21. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. – М.: Госиздат, 1942.
22. Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. – М.: Госиздат, 1945.
23. Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. – М.: Госиздат, 1946.
24. Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. – М.: Госиздат, 1947.
25. Собрание указонений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – М.: Юрид. книгоиздат, 1919.
26. Собрание указонений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Б.м.: Юридическое книжное изд-во, 1921.
27. Собрание указонений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. – Б.м.: Юрид. книгоиздат, 1922. Отдел первый.
28. Собрание указонений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. – Б.м.: Юрид. книгоиздат, 1924. Отдел первый.
29. Собрание указонений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. – Б.м.: Юрид. книгоиздат, 1928. Отдел первый.
30. Собрание указонений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. – М.: «Сов. законодательство», 1934. Отдел первый.

АНГЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ПАУПЕРИЗМ В XVI – НАЧАЛЕ XVII в.

Марков В.А.

аспирант кафедры всеобщей истории, историографии и археологии
Пензенского государственного университета,
Россия, г. Пенза

В статье рассматривается отношение англиканской церкви и ее священнослужителей к пауперам. Ряд статутах издаваемых английской властью в XVI – начале XVII века содержат в себе положения касаясь данных отношений. Протестантизм тесно связал церковь и английскую власть, тем самым создав почву для совместной политики в отношении пауперов. В статье затрагиваются работы отечественных историков и приводимые ими источники.

Ключевые слова: Англия, англиканская церковь, пауперизм, протестантизм, социальная политика.

Важным направлением социальной политики в Англии XVI – начала XVII века являлись проблемы касаемые пауперов. Для решения стоящих вопросов, властью в лице династии Тюдоров, а позднее Стюардов, принимались различного рода законы, направленные на устранение пауперов как социального слоя. Данные акты и статуты носили двойственный характер и сочетали в себе как элементы «кнута», так и «пряника». Но элементы жестокости, которые нашли свое отражение в законах, порождали собой угрозу как для самой власти, так и для буржуазии. Власть боялась восстания неконтролируемой массы всех тех людей, которые попадали под понятие «паупер». Одной из мер, направленной на смягчение положения пауперов в обществе, явилось активное привлечение церкви, как социального института, для помощи обездоленным.

То, что Англиканская церковь находилась в лоне происходящих событий, и не стремилась закрывать на это глаза, является несомненным. Протестантские проповедники, наблюдая за происходящим, порой затрагивали данную проблему в своих проповедях. Томас Левер, один из протестантских проповедников, так описывает нищенство в своей проповеди: «Боже милосердный, сколько бедных, слабых, хромых, слепых, увечных, больных, к которым примешиваются и праздные бродяги и негодные преступники, лежат и ползают, прося милостыню, на грязных улицах!» [4, с. 212].

Англиканская церковь находилась под властью английской короны и в связи с таким положением получала прямые указания от правящей династии, которые имели место быть в издаваемых статутах и актах. Так в статутах находилась информация касая администрации приходов и их обязанностей в отношении пауперов. В статуте Генриха VIII от 1535/36 года затрагивается проблема оказания помощи беднякам и устраивания их на работу. Как отмечает Семенов, у данного статута «было свое весьма слабое место» [4, с. 218]. Все дело в том, что обязанности в этой помощи возлагались на более обеспеченное местное население. Но для того, что бы придать всему этому наиболее организованный характер, активную роль отводили местным церквям. Так, «в каждом городе и в сельских местностях по приходам производить регулярные сборы милостыни по воскресным и прочим праздничным дням; в каждой церкви должен был быть сделан особый ящик, в который должна была складываться милостыня; церковные старосты вместе с другими представителями прихода должны были производить сборы денежных и прочих средств и распределять их среди бедняков прихода. Местным священникам рекомендовалось в своих проповедях регулярно увещевать прихожан «быть более щедрыми и не жалеть средств на милостыню...» [4, с. 218]. Данный статут также обязывал «монастыри, духовные госпитали и прочие религиозные организации» [4, с. 218] заниматься благотворительностью. К примеру, в 1552г. церковноприходские старосты графства Сомерсетшир расставили «ящики для бедняков», в которые местное население могло жертвовать деньги. Средства, собранные данным образом, церковноприходские старосты за-

тем раздавали местным пауперам [3, с. 71]. Постановления статута 1535/36 еще содержат в себе дух католицизма. В дальнейшем идеи протестантизма активно займут свои позиции в умах английского общества. Штокмар отмечает: «правительство считало, что преступно и непростительно быть бедняком, а тем более претендовать на то, чтобы тебя кто-то кормил» [6, с. 141].

Несмотря на это, отдельные моменты касаясь благотворительности церкви в отношении пауперов все же будут проскальзывать в английском законодательстве.

Так статут Карла I Стюарта, датируемый 1598 г, содержит информацию о том, что «общество должно заботиться о благонадежных и благонамеренных нищих Нью – Солсбери. Эти нищие должны были получать общественное признание «из рук церковного старосты или приходского попечителя», в том случае, если они посещают утреннюю и вечернюю проповедь в приходской церкви в воскресные дни и в дни святых праздников. При этом в церкви им должно быть отведено отдельное место» [1, с. 43]. Из этого следует, что королевская власть была заинтересована в том, что бы представители церкви, как представители социального института, прикладывали свои силы к тому, что бы хоть как то умирять и отвлекать массы бедняков от выступлений. Стоит подчеркнуть и момент касаясь благонадежных и благонамеренных нищих. К таким, как правило, можно отнести сирот, стариков, инвалидов, неизлечимо больных. Гаррисон называет эту группу «бедняки от бессилия». Другая группа – «бедняки, ставшие такими в результате несчастных случаев». В нее входили раненные солдаты, разорившиеся домовладельцы и земледельцы [6, с. 136]. Связывающим звеном у людей этих двух групп должны были стать их благие намерения. К третьей, и последней группе нищих, состоящей из жуликов, воров, бунтовщиков церковь могла относиться как к преступной. Такое отношение было выгодно королевской власти, и в свою очередь люди, которые были вынуждены воровать и нарушать порядок, видя возможность получения хоть каких-то поощрений от церкви, могли при желании перейти из одной группы в другую.

Идеи протестантизма не смогли в одночасье овладеть умами «простого» населения Англии. В начале XVII века среди населения все еще можно было увидеть католические нравы. Этому свидетельствуют судебные дела, которые были записаны Натаниэлем Беконом – мировым судьей по Норфолку. Одно из таких дел повествует о паупере селения Элборо. Митрофанов в своей статье «Из истории социальной политики английской монархии второй половины XVI-первой трети XVII в.» кратко приводит описание данного дела: «Суть его состоит в том, что житель этого селения представил жалобу на очередную сессию суда о том, он, Генри Никкерсон, работал по найму в селении Сесмингем. Там во время работы он получил увечье и стал инвалидом. Это привело к тому, что по возвращению в свое селение он по сути дела из-за невозможности вновь работать превратился в паупера. И теперь его должны были фактически содержать как нищего его же односельчане» [3, с. 68]. Власти селения, в котором проживал Генри Никкерсон, решили просто изгнать его. В таком положении последнему не оставалось ничего другого, как подать на своих обидчиков в суд. В суде же дело дошло до того, что местные

власти, которые изгнали Генри Никкерсона, выдвинули требование, что бы не только смотрители селения Сесмингем выплачивали им деньги на содержание изгнанного паупера, но и что бы в этом участвовали церковноприходские старосты данного селения. В этом требовании отчетливо прослеживается католическая этика поведения.

Хотя статуты издаваемые Английской властью и содержали в себе элементы благотворительной деятельности церкви, не все ее священнослужители стремились их выполнять. Так, «один смотритель за пауперами подал жалобу на другого из-за того, что одного из жителей его селения изгнали каким-то образом из собственного дома» [3, с. 69]. Инициаторами изгнания выступали двое церковноприходских старост. Митрофанов высказывает идею о том, что церковноприходские старосты могли участвовать в изгнании из домов немощных людей, следуя интересам состоятельных лиц своих приходов, так как последние желали присвоить себе их территорию [3, с. 70].

Стоит отметить, что в лоне церкви не только церковноприходские старосты, так или иначе, имели дела с пауперами. Если кто то отказывался платить в пользу бедных, то они докладывали об этом епископам, которые могли сообщить архиепископам. Таким образом, церковные деятели владели информацией как по пауперам, так и по плательщикам. Англиканская церковь была подчинена короне, а это означало что все сведения касаясь пауперов, которыми владели священнослужители, поднимались до государственного уровня. Это давало возможность принимать более весомые меры.

Таким образом, проводимая английской властью политика, в отношении пауперов, напрямую была связана и с англиканской церковью. Служители последней не всегда исходили из благих побуждений, и не всегда оказывали нищим помощь. Порой даже делали обратное. В свою очередь английская власть была заинтересована в благотворительной деятельности церкви, несмотря на распространение протестантских идей.

Список литературы

1. Винокурова М.В. Нищие в малых городах Юго-Западной Англии XVI-XVII вв // Средние века. – 1996. – Вып. 59. – С. 42-48.
2. Митрофанов В.П. Английское общество второй половины XVI в. и проблема пауперизма в представлениях современников // Образы власти в гуманитарных исследованиях. Сборник статей по материалам всероссийской научной конференции XVIII Чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского (11-12 апреля 2013 г.) – Н. Новгород: 2013. – С. 25-29.
3. Митрофанов В.П. Из истории социальной политики английской монархии второй половины XVI-первой трети XVII в. // В поисках нового: Европа и Россия в современной отечественной историографии (к 75-летию профессора Е. В. Кузнецова) – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 68-79.
4. Семенов В.Ф. Пауперизм в Англии XVI века и законодательство Тюдоров по вопросу о пауперах // Средние века. – 1953. – вып. 4. – С. 209-224.
5. История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). – М.: Наука, 1993. – 656 с.
6. Штокмар В.В. История Англии в средние века. 2-е изд. – СПб.: Алетейя, 2005. – 218 с.

САРАТОВСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НА ВЫБОРАХ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Пиреев А.И.

доцент кафедры социально-правовых и гуманитарно-педагогических наук
Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова,
кандидат исторических наук, доцент,
Россия, Саратов

В статье рассматривается влияние аграрного вопроса на политические предпочтения саратовских крестьян на выборах в I Государственную думу 1906 года.

Ключевые слова: Государственная дума, революция, аграрный вопрос, саратовское крестьянство, избирательные собрания.

Российская империя в начале XX в. вступила в полосу глубокого социального и политического кризиса, вырвавшегося наружу революционными событиями 1905 г. Выход из него власть видела в проведении комплекса социально-политических преобразований, призванных вдохнуть новую жизнь в самодержавие, приспособить его к быстро меняющимся условиям. Политическая реформа, дополняющая самодержавие законодательным органом – Думой и аграрные преобразования, направленные на создание в результате приватизации общинных земель слоя крестьян-собственников как новой консервативной социальной опоры самодержавия, и составляли основу спасительных реформ.

В проведении в жизнь всего комплекса задуманных преобразований особая роль отводилась крестьянству. Именно они в союзе с помещиками рассматривались властью в качестве той консервативной, монархической силы, которая должна была провести реформаторские законопроекты через Государственную думу. Выборы в думу, таким образом, становились моментом истины для российской власти.

Уверенность в монархизме крестьян самодержавие черпало из культивировавшегося им же самообмана: «простой» народ, прежде всего крестьяне, за царя и выберет верных «патриотов», стоящих за «царя-батюшку» [10, с. 48] и примет из царских рук дарованные реформы с благодарностью. С целью наводнить думу крестьянами, избирательный закон от 11 декабря 1905 г. давал всем им право участия в выборах. Кроме того, они получали возможность выбирать депутатов не только от общегубернских избирательных собраний, но и дополнительно своего депутата от крестьянской курии. Власть с надеждой ожидала появления «мужицкой думы». Однако тщательно выстроенным планам не суждено было осуществиться. Традиционный монархизм крестьян разбился об аграрный вопрос.

В Саратовской губернии это проявилось особенно ярко. Уже революционные события 1905 г. явились своеобразным голосованием саратовского крестьянства по земельному вопросу. Они показали глубинное расхождение между правительством и крестьянами в понимании целей и способов аграр-

ных преобразований. Крестьянство, находясь в весьма стесненных земельных отношениях, в малоземелье видело главную проблему деревни. Изгоняя помещиков из имений, оно надеялось распределить их земли между собой. В марте 1906 г. из 238 саратовских крестьян, опрошенных по вопросу о земле, 197 главную проблему связывали с недостатком земли, заявив о необходимости расширения площади землепользования. Из них 148 высказались за прирезку земли к уже существовавшему наделу («хотя бы по 4 десятины на душу»), 34 респондента выступили за экспроприацию земли законодательным путем за государственный счет и 14 опрошенных не указали, каким способом следовало увеличить земельные наделы [7, с. 1]. Власть же, напротив, проблему сводила к существованию общинного землевладения. Помещичье землевладение объявлялось незыблемым и с помощью войск всячески охранялось от покушений крестьян.

Здесь лежала причина нарастающего отчуждения крестьян от властных структур, как не способных решить аграрный вопрос по-крестьянски. Всё это предопределило активное участие сельского населения в выборах и их политические предпочтения.

Основная борьба за голоса избирателей проходила между кадетами (партия «Народной свободы») и партией крупной буржуазии и помещиков («Союз 17 октября»). Что касается партий правого («Союз русского народа») и левого (социалисты-революционеры и социал-демократы) направлений, то они по разным причинам призывали к бойкоту думы, хотя и не препятствовали участию своих представителей в предвыборной кампании, используя её как средство пропаганды своих программ.

Партии правее кадетов, как правило, не получали крестьянской поддержки в ходе всей предвыборной кампании, т.к. воспринимались ими в качестве защитников крупного землевладения. Так, например, октябристы, чтобы привлечь избирателей на свои собрания, вынуждены были скрывать название партии. Но и это не помогало. Уже после первых вступительных слов, когда становилось ясным политическое лицо устроителей, находящиеся на собрании крестьяне демонстративно покидали зал, где оставалась лишь подготовленная организаторами клака. Участие монархистов и октябристов в предвыборной кампании не отразилось на итогах выборов. Их патриотическая и монархическая риторика не привлекала избирателей, не давала нужного результата и не могла компенсировать декларативность и расплывчатость аграрной программы. В итоге правым (политическим силам правее кадетов), не удалось провести в думу ни одного представителя.

Отношение же крестьян к партии «Народной свободы» как партии либеральной было двойственным. С одной стороны, либералы имели ореол борцов с самодержавием, что в целом существенно усиливало их позиции по сравнению с правыми партиями, с другой, – выдвижение ими на первый план политической составляющей своей программы (политические свободы, конституционная монархия) ослабляла интерес крестьян к этой партии, несмотря даже на то, что либералы предусматривали отчуждение части помещичьих земель по справедливой цене. Для крестьянства, в отличие от либералов, поли-

тические вопросы не являлись самодостаточной ценностью и имели, скорее, подчиненный характер, первостепенное же значение имел вопрос о земле.

Наиболее предпочтительными для крестьян стали левые партии. Они не только зарекомендовали себя в качестве борцов с существовавшим строем, но и выдвигали созвучную крестьянским чаяниям аграрную программу. И социалисты-революционеры, и социал-демократы обещали конфискацию помещичьей земли с последующей её социализацией (эсеры) или муниципализацией (эсдеки). При этом аграрный вопрос этими партиями выдвигался на первый план.

Ход предвыборной кампании показал, что стремление голосовать за представителей левых партий и близких к ним по настроениям крестьян у сельских избирателей было устойчивым. Эта тенденция проявилась, несмотря на существовавшие многочисленные препоны для пропаганды именно радикальных программ. Правительством, например, предписывалось изымать из выборного процесса революционных агитаторов [1, л. 2]. Этому способствовало существовавшее в Саратовской губернии положение об усиленной охране, расширявшее возможности административного преследования. По распоряжению МВД земские начальники обязаны были «выяснять крестьянам всю неосновательность программ, клонящихся к изменению основ государственного строя...и...удалять тех ораторов, которые обольщали бы крестьян несбыточными надеждами на даровое наделение частновладельческими землями» [2, с. 145-155]. С целью противодействовать стремлению крестьян оказывать влияние на избранных, администрация воспрещала передавать им крестьянские наказы, при попытках же контактов выборщики грубо останавливались полицией. В ряде случаев (Кузнецкий уезд) крестьянских выборщиков запирали в волостных правлениях, снаружи ставили усиленный наряд стражников и десятских, которые никого не впускали и не выпускали в помещения, дабы оградить их от нежелательного влияния [8, с. 3]. Гарантированное прохождение в думу охранительной, монархической части сельского населения должна была обеспечить и четырехступенчатая система выборов от крестьян. В связи с распоряжением губернатора П.А.Столыпина проводить в течение одного дня не более одного предвыборного собрания, крестьяне нередко вообще ничего не знали о ведущейся в губернии предвыборной агитации. Уездная полиция и волостное начальство препятствовали появлению в волостях представителей антиправительственных партий. Часто крестьяне впервые собирались на предварительные избирательные собрания для определения кандидатов, после чего проходили выборы. Познакомиться с партийными программами у них не было реальной возможности. В связи с этим, весьма показательно, что и в этих случаях сельское население, как правило, выдвигало уполномоченными «пострадавших за мир», побывавших в ссылке или в тюрьме, способных отстаивать общественные интересы, т.е. отнюдь не монархистов.

Настроения саратовских крестьян проявились уже на стадии выборов уполномоченных от волостей на уездные съезды, проходивших 28 февраля. К сожалению, мы не располагаем сводными данными о ходе выборов на этом

этапе предвыборной кампании, однако даже отдельные факты могут дать представление о настроениях села.

Выборы уполномоченных от волостей проходили под давление местных властей. В Саратовском уезде, например, уполномоченными от волостей на уездные съезды прошли в основном прогрессивные элементы деревни. При этом кандидаты от старшин, которых власть рассматривала как наиболее консервативную часть деревни, не имели успеха почти повсеместно. Примерно такая же картина наблюдалась и в Царицынском уезде. Здесь прошли все прогрессисты, а все священники были забаллотированы. В Кузнецком уезде от Дубовской волости единогласно выбрали уполномоченным сосланного в Восточную Сибирь эсера Г.К. Ульянова, а в Камышинском – писаря Панчурина, находившегося в тюрьме по постановлению губернатора [9, с. 2]. Даже, в тех случаях, когда выбранными оказывались монархически настроенные крестьяне (Камышинский уезд), по вопросу о земле они все занимали особую позицию, близкую к левым партиям [6, с. 3].

О политических настроениях уполномоченных в целом можно судить по итогам работы уездных съездов уполномоченных (проходили 6 апреля 1906 г.), выбиравших выборщиков в губернское избирательное собрание.

При общей численности выборщиков в 150 человек 64 были выбраны от крестьян. Анализ их политических пристрастий свидетельствует, что подавляющая часть (не менее 60 человек, т.е. более 90%) поддержала политические силы, находившиеся левее партии «Союза 17 октября», т.е. партию «Народной свободы», эсеров и эсдеков. При этом по данным наблюдателей от партии «Народной свободы», большинство выборщиков предпочло политические силы, расположившиеся левее кадетов [4, с. 2]. В итоге выборщиками от левых был создан союз трудящихся (близкий по духу будущей трудовой группе в Думе), координировавший действия крестьян-выборщиков на заключительной стадии выборов. В ряде уездов и на избирательных собраниях от землевладельцев, где в состав последних входили представители от крестьян-собственников, также прошли выборщики от левых партий (Саратовский и Балашовский уезды). А в Саратовском уезде, например, где крестьяне в избирательном собрании составляли большинство, прошли все семь выборщиков, принадлежавшие к левым партиям. Что свидетельствовало о радикальных настроениях и той части крестьян, которые шли по списку мелких землевладельцев.

Политический расклад на стадии выбора выборщиков подтвердился и на губернском избирательном собрании (15 апреля 1906 г.), где выбирали депутатов Думы. Пятеро депутатов из одиннадцати, избранных в думу, были намечены кандидатами от крестьян. Главным мотивом выдвижения того или иного кандидата было его отношение к аграрному вопросу [5, с. 2]. В итоге все они оказались представителями крайне левой части политического спектра: журналист с крайне левыми взглядами И.В. Жилкин (от г. Вольска, при избрании из 150 голосов получил 83), находившийся левее кадетов служащий железной дороги М.И. Литвинов (уполномоченный от Аткарского уезда, из 150 голосов получил 89.), эсер Г.К. Ульянов, этапированный в Восточную

Сибирь (из 150 голосов получил 86.), эсдек С.И. Бондарев (от г. Вольска, из 150 голосов получил 80.) и эсер С.В. Аникин (от Петровского уезда, кандидатура от крестьян, получил из 60 голосов 52) [3, с. 69-70]. Впоследствии они вошли в трудовую группу I Государственной думы, выступавшую за отчуждение помещичьей земли, превышающей «трудовую норму», введение уравнительного землепользования, а С.В. Аникин стал лидером группы.

Учитывая, что из числа крестьянских выборщиков не менее 60 человек являлись сторонниками левых, можно утверждать, что в значительной степени голосами крестьян и горожан (общее число выборщиков от городских избирателей составило 35 человек, из них 32 отдали предпочтение левым) оказались избраны депутатами П.В. Кальянов, привлекавшийся к следствию по обвинению в принадлежности к Крестьянскому союзу (из 150 голосов получил 90) и Я.Е. Дитц, расположившийся левее кадетов (из 150 – 76).

При поддержке блока трудящихся, кадетам удалось также голосами крестьян провести в думу своих кандидатов: Н.Н. Львова (из 150 голосов получил 110), С.А. Котляревского (из 150 – 111) и Н.И. Семенова (из 144 – 74) [3, с. 71].

Итоги выборов по Саратовской губернии показали, что в значительной степени голосами крестьян в думу прошли представители революционных и оппозиционных партий. Здесь особенно ярко проявилась общероссийская тенденция. Сделав ставку на крестьян, власть получила антиправительственную думу. Из 478 депутатов 176 являлись кадетами, 97 – трудовиками, 18 депутатов прошли от социал-демократов. От октябристов прошло лишь 16 депутатов. Остальные депутаты входили в состав регионально-национальных партий и объединений, примыкавших к либеральному крылу.

Таким образом, крестьянство в начале XX века, возлагавшее свои надежды и, прежде всего, на справедливое разрешение аграрного вопроса, на самодержавие, существенно полевело в своих настроениях, стремительно сместилось в сторону леворадикальных и оппозиционных партий. Голосуя за их представителей, крестьянство теперь уже с ними связывало надежды на получение дополнительной земли. Распадалось то традиционное единение, при котором крестьянство в самодержавии видело своего защитника, а самодержавие рассматривало крестьянство как свою традиционную опору.

Список литературы

1. Государственный архив Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6790а. Л. 2.
2. Лаптева, Л.Е. Из истории российского парламентаризма: к 90-летию первой Государственной думы [Текст] /Л.Е. Лаптева, В.С. Нерсисянц, Н.Б. Пахоленко, Е.А. Скрипичев // Государство и право. № 7. 1996. С. 145-155.
3. Пиреев, А.И. Характеристики избранных в I Государственную думу от Саратовской губернии депутатов, подготовленные саратовским губернатором для председателя Совета министров С.Ю. Витте [Текст] /А.И. Пиреев//Всемилоостивейше повелено быть саратовским губернатором...(к 150-летию П.А. Столыпина) /редакционная коллегия: А.В. Воронежцев, А.И. Пиреев, Н.В. Самохвалова, Н.И. Широка – Саратов: Издательский центр «Наука», 2012. – С. 69-71.
4. Саратовский листок. 1906. 12 апреля. С. 2.
5. Саратовский листок. 1906. 13 апреля. С. 2.

6. Саратовский листок. 1906. 14 марта. С. 3
7. Саратовский листок. 1906. 7 марта. С. 1.
8. Саратовский листок. 1906. 8 марта. С. 3.
9. Саратовский листок. 1906. 3 февраля. С. 2.
10. Смирнов, А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк [Текст] /А.Ф. Смирнов – М.: Книга и бизнес, 1998. – С. 48.

ГАРМОНИЧНОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ – ОСНОВА ЗРЕЛОСТИ

Турсунов Б.Б.

ассистент кафедры гуманитарных наук
Андижанского сельскохозяйственного института,
Узбекистан, г. Андижан

Фозилжонов И.С., Эркинбоев М.Р.

студенты Экономического факультета
Андижанского сельскохозяйственного института,
Узбекистан, г. Андижан

Статья направлена на развитие профессионального, нравственного, эстетического воспитания и образования подрастающего поколения. Здесь описаны необычные и уникальные особенности моделей узбекского воспитания. Также приведены примеры изречения таких великих мыслителей, как Абу Наср Фаробий, Беруний, Ибн Сино и Афлотуна.

Ключевые слова: образование, воспитание, зрелость, качество образования, трудолюбие, нравственность.

Восточная философия гласит, что нельзя разделить воспитание от образования, а образование от воспитания.

В пятитомном толковом словаре узбекского языка, напечатанном в 2006-2008 годах, даётся толкование таких слов, как «Образование», «Воспитание» и «Зрелость».

Образование – обучение, наставление, передача знаний, познание.

1. Передача знаний, опыта, навыка в процессе обучения, основное средство подготовки человека к жизни и труду.

Образование и воспитание неразделимые близнецы, познание же их сладкий плод (Р.Усмонов. “Основы воспитания”).

2. Берутся сведения и комплексные навыки для освоения по отраслям науки знаний, профессий и ремесёл (начальное образование, высшее образование, духовное образование).

3. Воспитание, нравственное воспитание. “Не воспитанный мальчик”.

4. Указание инструкция, обучение (3 том, 27 стр).

Воспитание – развивать ухаживать, содержать обучать, давать знания.

Для обучения воспитанного и нравственного человека надо его развивать, совершенствовать и ухаживать за ним.

У человека должны формироваться, развиваться навыки работы ремесла, воспитанность, нравственность, а для существования в обществе ему нужна комплексная квалификация, воспитанность нравственность особенность и положительные качества.

Забота ухаживания на основе способа в определенном порядке, (О растениях о животных 648-стр).

Совершенство – зрелость, завершенность, возвышенность, развитие, (309-стр). Если обратиться к словарю, то мы заметим, как эти слова близки друг другу, как они совмещают друг друга, сущность современности личности в том, что соответственно воспитанию и образованию.

С давних времен мыслители Востока и Запада считали, что подготовка молодого поколения к жизни, это знание и просвещение которые ставили ударения на воспитанность и нравственность не только в семье, но это и основная задача государства. В связи с этим необходимо признать, что эти термины выражают понятия и смысл присущи к себе.

В свое время великий мыслитель Абу Наср Фаробий сказал и написал, что эти понятия имеют такие свойства: «Образование только обучение словами, а воспитание эта практическая работа, достигнутая на опыте.

Кстати если «Образование» даёт понятие знание, наука, учить ремеслу, давать навыки знаниям, то слово, “Воспитание” употребляется в смысле воспитанность, нравственность, совершенствование человека. Древние мыслители доказывали, что главной идеей для совершенствования подрастающего поколения нужны средства, которые усовершенствовали бы умственные, нравственные, физические качества подрастающего поколения. Сейчас эти идеи стали глобальными, образование и воспитание превращаются в основную задачу.

В том, числе Беруний считал, что личность надо воспитывать и уделять внимание на качества как снисходительность и милосердие, а великий целитель, мудрец Ибн Сино писал, что маленьких детей надо воспитывать здоровыми и сильными сразу же после рождения. Мыслитель Замахшарий считает, что необходимо уделять внимание на формирование понятия воспитания у молодежи, правдивости, чистоплотности честности и дружеским отношением к людям, несмотря на нацию, и происхождение, а на знание, образование, ум и сообразительность. На Баховиддин Накшбанди Хазратлари уделяет особое внимание на воспитание молодёжи, пробуждение чувств, как нужно добросовестно заработать кусок хлеба, делать благодеяния. А Румий всю жизнь агитировал молодежь, что все люди одинаковы, несмотря на свой язык, расу, религиозную принадлежность и должны быть воспитаны великодушными, духовно нравственными людьми. В выше сказанных восточных понятиях и идеях говорится об основах системы воспитания. Благодаря нашей независимости проводимая реформа в системе образования и воспитания прошла экзамены, на основе гармоничных, национальных общечеловеческих идей.

Исходя из этого зарубежные специалисты уделяют особое внимание на редкое качество модели узбекского воспитания и образования гармонично развитого поколения.

В самом деле каждая совершенная личность, владеющая высокими знаниями, как мастер своего дела должна быть умным, духовно богатым, быть преданным Родине, родителям, семье, быть честным, великодушным, правдивым, справедливым, не только в отношении своего народа, но и дела всего человечества.

Гармоничное воспитание и образование конечно же приводит к зрелости каждой личности. Итак, как говорил древнегреческий философ Афлатун: «Счастлирое душевное состояние моего здорового тела, я познал в труде».

Список литературы

1. Каримов И. «Высокая духовность – непобедимая сила».
2. Аресту «Поэтика. Великая нравственность» Ташкент, 2007 год.
3. Абдулла Авлоний «Туркестанская прекрасная нравственность или этика» Ташкент 1992.

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА

Шилькин Ю.И.

доцент кафедры социальных дисциплин Южно-Казахстанского
государственного педагогического института, канд. филос. наук,
Казахстан, г. Шымкент

В статье рассматривается возрождение мифологии как особого типа идеологического сознания. Это возрождение связано с мировым кризисом, распространение рационализма, усилением манипуляции общественного сознания СМИ.

Ключевые слова: миф, социальная мифология, реальность, социализм.

В XXI веке все чаще используется социальная мифология как особый тип идеологического сознания. Не случайно, кинорежиссер Карен Шахназаров шествие людей 9 мая в Москве с портретами в руках в полумиллионной колонне «Бессмертного полка», а также в 800 городах России, в 14 странах мира назвал как зарождение нового социального мифа – проявления преемственности между поколениями. Перерождение идеологии в мифологию связано не только с распадом Советского Союза и утратой скрепов социальных отношений и общественного сознания на постсоветском пространстве.

В немалой степени этому способствуют кризисные процессы в целом в мировой системе капитализма: в экономике, политике, утрата нравственных ценностей в семейных отношениях – однополые браки, содомия. Все это способствовало распространению иррационализма, пришедшего на смену рационализму периода зарождения капитализма. Иррационализм предполагает существование областей мировосприятия недоступных разуму, и возможность гносеологии только через интуицию, чувство, инстинкт, откровения, веру и т.п. Следовательно, иррационализм утверждает, прежде всего, иррациональный характер действительности. Иррационалистическое миропонимание в той или иной мере присуще таким философам, как Шопенгауэр, Ницше, Шеллинг, Кьеркегор, Дильтей, Шпенглер, Бергсон. Но, пожалуй, более всего оказали влияние на формирование социальной мифологии З.Фрейд и Э.Эриксон.

С точки зрения познания интуитивизм объявляет недоступными для научного познания (рассудка, логики, разума) такие сферы действительности как жизнь и бессмертие, менталитет и воля, вещь-в-себе, креативность и процесс творчества, бог и другие религиозные проблемы. Утверждает, что их познание возможно только посредством интуиции, инстинкта, чувственного созерцания, переживания, откровения. Согласно либеральной мифологии Гайдара и других «чикагских мальчиков» рынок должен был расставить все по своим местам. Но не расставил.

Другая причина возрождения социальной мифологии связана с усилением пропаганды посредством СМИ, посредством телевидения, интернета,

ставших мощным средством манипуляции, фабрикации и тиражирования социальных мифов и воздействия на умы людей. Западный мир до сих пор склонен верить мифам о нашей стране, следствием чего и является часто неоправданно негативная реакция на любые активные действия со стороны России.

Система сложившихся бытовых, литературных, политических мифов играет существенную роль в восприятии нас Западом. В западном сознании успел сформироваться устойчивый стереотип страны с чуждыми ценностными ориентациями, мало предсказуемой политикой, другими стандартами качества жизни. Конечно, иностранцы, сталкиваясь с нашими реалиями, оценивают их со своей точки зрения, и эта интерпретация не всегда адекватно отражает увиденное и услышанное, что также усугубляется зомбированием общественного мнения при помощи отработанных информационных технологий.

Таким образом, миф есть особый тип мироощущения, специфически чувственное представление о явлениях действительности, возникшее в древнейшие времена. В мифологии отразились чаяния и мечты людей, запечатлелись их представления о мире и самой жизни. Познание сопровождает миф, но не составляет его первичного ядра: сущность мифа – не в объяснении, а в объективировании субъективных впечатлений и переживаний, при котором продукты воображения как результат этого объективирования принимаются за подлинные реальности внешнего мира. Отождествляя воображаемое с реально существующим, идеальное с материальным, субъективное с объективным, миф преодолевает действительность в образах фантазии. Чувство единства (сопричастности) с силами природы и овладение ими в воображении сплачивало первобытный коллектив, активизировало его деятельность [1, с. 312].

Мечту об идеальном обществе одним из первых высказал великий античный философ Платон. Вначале в диалогах «Тимей» (кратко) и «Критий» (более развернуто) он кратко дошедший до него миф истории легендарной «Атлантиды». Пока в атлантах, родившихся от богов сохранялась божественная природа, они пренебрегали богатством, ставя превыше его добродетель. Но когда божественная природа выродилась, смешавшись с человеческой, они погрязли в роскоши, алчности и гордыне. Возмущённый этим зрелищем, Зевс задумал погубить атлантов. На этом диалог обрывается.

Но к концу жизни в диалогах «Государство» и «Законы» Платон решает дать свое представление идеального устройства общества. Маркс по этому поводу отметил, что греческая мифология – это «такая природа и такие общественные формы, которые уже сами бессознательно-художественным образом переработаны народной фантазией» [2, с. 47–48].

По сути дела важнейшей для Платона является идея гармоничности и совершенства общества, как некоторого высшего единства и высшей реальности, при полном подчинении человеческой личности общественному организму. Для Платона личность есть лишь обманчивый призрак, иллюзия, создаваемая ограниченностью познания, не проникающего в глубь вещей, дальше иллюзорной видимости мира. Поэтому требуется полное подчинение личности обществу, превращение личности в простой орган общества, уни-

чтожение всего того, что приводит к столкновениям личности с обществом. Но на это способны лишь немногие избранные, люди высшего разума, между тем как человеческая толпа всегда будет ставить в центр своей деятельности, своей жизни свои собственные интересы. Толпа Платона не интересуется. Особое внимание он уделяет людям высшего разума, философам.

Именно от них правителей Платон требует полного отказа от частной собственности и даже от семьи. У них ничего не должно быть личного, тем более жены, которая непременно толкнет на обогащение. Платон глубоко убежден в естественном и неустранимом физическом неравенстве людей: одни созданы, чтобы повелевать, другие, чтобы подчиняться. Повелевать должны мудрые философы, но они должны вести умеренный образ жизни, без роскоши и излишеств, а менее одаренные разумом подчиняться.

В последние годы появились публикации, в которых утверждается, что социализм порочен и преступен по отношению к человечеству как идея уничтожения собственности и, что именно Платон зародил зерно ненависти к собственности, как основной причине несправедливости. Однако, следует иметь в виду, что социализм у Платона имел моральный, а не экономический характер. Требуя общности имущества, Платон боролся не с бедностью, а с богатством. И, как правило, упускается из виду важнейшее условие – обществом правят мудрые, добровольно отказавшиеся от какой-либо собственности. Современный социализм, исходит из совершенно иной оценки богатства и стремится общностью имущества обеспечить не общую бедность, а общее богатство, но при этом власть имущие также не должны иметь личной собственности и каких-либо мотивов к самообогащению.

На протяжении веков мыслители так и не пришли к единому мнению кто должен быть правителем в социалистическом обществе: у Платона – философы; у Мора – князь; у Кампанеллы – ученые; у Сен-Симона – «палата депутатов» – уполномоченные «индустриалов»; у Фурье – ассоциации; у Оуэна – кооперативы; у Маркса – диктатура пролетариата; у Ленина – партия революционеров. Однако партия революционеров постепенно преобразилась в партию чиновников, которые в целях самообогащения приватизировали государственную собственность второй мировой державы. Либералы утверждают, что марксизм, будучи привлекательным с философской и морально-этической точек зрения, не состоялся из-за своей экономической несостоятельности. Так ли это? Споры нет, идея «построения социализма в одной, отдельно взятой стране» сегодня подвергается проверке, но то, что социализм сумел консолидировать общество и одержать победу в самой кровопролитной войне, а также вырвался вперед в освоении космоса – это неопровержимый факт. Таким образом, важнейшей задачей социалистического общества является выделение слоя правителей – «мудрых философов» бескорыстных, готовых вести образ жизни без излишеств на благо общества.

Список литературы

1. Кессиди Ф. От мифа к логосу. Становление греческой философии. Санкт-Петербург Алтейя. 2003.
2. Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. М., 1956–1970.

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ЭПИЧЕСКАЯ СТРАНА НА КАРТИНЕ СУУРАЛДЬЫМЫ

Иннокентьева В.С.

студентка отделения культурологии

Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
Россия, г. Якутск,

Целью статьи является интерпретация скрытого смысла картины замечательной якутской художницы А.С. Бочкаревой–Иннокентьевой – Сууралдьымы «Олонхо дойдута = Страна олонхо». Эта картина уникальна тем, что несет в себе идею дружной, счастливой и правильной жизни всего человечества, которую необходимо довести до широкого круга потребителей искусства.

Ключевые слова: семиотический, символический анализы текста, интерпретация смысла текста.

Александра Самсоновна Бочкарева-Иннокентьева-Сууралдьыма живописец, член СХ России с 1985г. В 70-е годы писала жанровые картинки, повествующие о красоте спокойной сельской жизни, где главной героиней выступала женщина-мастерица, женщина-мать. Писала натюрморты, изображающие традиционные якутские изделия [1]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. меняется характер творчества художницы, она создает крупноформатные полотна философского содержания, используя метафоры, аллегории. В ее технике не только живопись, но и стенная роспись, и иллюстрации к книгам, и декорации к спектаклям, и портрет. Работы художницы находятся в частных коллекциях в России, Голландии, Канаде, США, Японии, Израиле, Индии.

Воспользовавшись специальным словарем [2], произведем *семиотический и символический анализы* исследуемого текста [3]. На указанной картине слева мы видим *Аан Алахчын Хотун – дух-божество Земли*. Она украшает мир цветами и охраняет Матушку-природу. *Бык* во многих древних культурах есть символ большой настойчивости. Изображение диких быков наряду с дикими лошадьми является важнейшим мотивом пещерных рисунков в культовых гротах эпохи палеолита. Первобытный бык производил впечатления воплощенной жизненной силы и мужской власти, но все же с точки зрения символики толкования его образ остается двойственным. По поверьям якутов, *бык* – дух мороза. Он создает мороз своим дыханием. Когда бык Мороза сердится, то наступает сильный холод. *Горы* символизируют уверенность, устойчивость, неизменность; нерушимый «пуп» Земли; трон богов, путь в небо, в рай, в чистилище, ад. Гора также символ воскресения из мертвых; алтарь какого-либо религиозного культа; цель для пилигримов, для паломничества; символ мистики, одиночества, мудрости, высоких мыслей. *Горы Тибета* – это символ веры. Когда верующие обходили Горы Тибета, они набирались сил и энергии. *Культ коня* – является самым значимым для традицион-

ной культуры якутов. Чаще всего, именно в облике белого жеребца представлялся им главный бог, который впоследствии стал сочетаться с образом солнца. Движение солнца по небу в религиозно-мифологическом сознании представлялось как бег коня. В солярном мифе конь был побежден быком (зима). Вследствие этого зима стала дольше лета. *Лошади (Дьөһөгөй оҕолоро)* – они являются самым главным богатством якутов. *Мамонт* – самое экзотическое животное ледникового периода. С мамонтом связывается образование речных русел, обвалы берегов в половодье, огромный треск льда при переходе и даже землетрясение и пр. *Белый цвет* – символ северного края. *Белый мамонт* – символ плодородия. *Пирамида*. Символы центра: колонна, Космическое Древо, Святая Гора, сердце, огненный алтарь, печь, спираль, лабиринт, пирамида и любое священное место. Соединение вершины с основанием образует треугольные грани пирамиды, символизирующие огонь, божественное откровение и тройственный принцип творения. Поэтому пирамида рассматривается в качестве символа, олицетворяющего весь процесс творения в трех его основных направлениях. *Три пирамиды* говорят о том, что жизнь продолжается. Следующий символический знак – *круговой танец осуохай*, танец, символизирующий жизненный круг. *Круг* ограничивает внутреннее конечное пространство, но круговое движение, образующее это пространство, потенциально бесконечно. Во многих традициях круг как графический образ сферы представляет космос или его определенные варианты – яйцо, черепаха и т.п., окруженные неорганизованным хаосом. Участники кругового танца осуохай, взявшись за руки, чувствуют положительную энергию друг друга. Сходное отношение было у всех древних народов к *Солнцу*, источнику света, тепла, жизни. Круг – солнечный (солярный) знак – часто встречающийся символ в любых орнаментах [2]. *Солнце* как символ, на этой картине имеет консолидирующий характер. Все этносы объединились и вместе танцуют якутский круговой танец осуохай.

Понять – значит усвоить смысл и пережить то духовное состояние, которое испытал автор текста в процессе творческого акта. Для понимания картины мы представили ее части по кругам. *Первый круг* – хаос, из которого пытаются атаковать антикультуры. Нельзя выходить из второго круга. Из хаоса может войти темная сила, которая разрушает жизнь народа. *Второй круг* есть Олонхо Дойдута. Он движется по оси и не должен останавливаться. При вращении Земли жизнь продолжается... *Третий круг* – солнце, как символ счастья, радости дарит свет людям, согревает и объединяет все народы. *Четвертый круг* – это круговой танец осуохай, символизирующий жизненный круг.

Это уникальная картина, которая говорит о том, что, если люди будут охранять матушку-природу (*Аан Алахчыһ Хотун*), понимать и подчиняться силе природы (*Бык мороза – Дьыл оҕуһа*), быть религиозными (*Горы Тибета*), развивать традиционную культуру (*кони-Дьөһөгөй оҕолоро*), всегда крепко понимать, что жизнь продолжается (*пирамида*), почитать культ солнца, уважать культуру другого народа, жить в мире и согласии, то тогда жизненный круг будет вращаться вечно.

Список литературы

1. «Сууралдыма»: альбом рисунков. Якутск, 2000. 182 с.
2. Новейшая энциклопедия символов и знаков. – Ростов н/Д: Изд-й дом "Владис", 2008. – 544 с.
3. Чебанюк Т.А. Методы изучения культуры: Учебное пособие. – СПб.: Наука, 2010. – 350 с.

О СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ

Стариков Н.В.

директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры,
канд. социол. наук,
Россия, г. Белгород

Старикова С.И.

эксперт Белгородского отделения ЦЧБ ОАО «Сбербанк России»,
Россия, г. Белгород

Анализируется социокультурное пространство политической активности гражданского общества Белгородской области, которое авторы представляют в виде четырех областей: физической, институциональной, информационной и когнитивной.

Ключевые слова: социокультурное пространство, регион, гражданское общество, политическая активность.

Исследование понятия гражданского общества, вне зависимости от вариантов трактовки, интерпретации и операционализации, практически всегда опирается на тесную взаимосвязь с анализом гражданской активности населения.

При этом гражданская активность рассматривается и в контексте вражды социальных групп, политической борьбы, и в контексте проявлений социальной самоорганизации – нахождения механизмов и путей достижения общественного консенсуса. Сюда входит участие через гражданскую активность в политических объединениях, неправительственных организациях, в гражданских инициативах, фондах, движениях, соучастие в других полезных для общества объединениях.

Наличие и функционирование органов законодательной власти в идеале является индикатором уровня развития такого вида гражданской активности как политическая активность. При этом политическая активность гражданского общества осуществляется в социальном пространстве, которое, в свою очередь, тоже требует исследовательской операционализации.

Используя методологию политологов Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования [2], представим социокуль-

турное пространство политической активности гражданского общества Белгородской области в виде четырех областей: физической, институциональной, информационной и когнитивной.

Физическая область – традиционная сфера проявления политической активности, которая характеризуется категориями времени и пространства и материально измеряемых политических действий. Физическая область политической активности гражданского общества – это избирательные участки со всей своей инфраструктурой, это площади, собирающие митинги и пикеты, улицы с шествиями, это здания, памятники и объекты культурного наследия, которые также могут быть объектами политических акций.

В информационную эпоху физический аспект стоит рассматривать как предельную форму применения политической активности гражданского общества, основная часть которых сосредоточена в трех других областях социокультурного пространства, проецирующих свой эффект в физическую плоскость.

Институциональная область – формы социального взаимодействия людей, поле общественных институтов, социальных групп любого типа – является контекстом направления интегрирующего потенциала самоорганизующихся социальных групп в свою пользу.

Здесь мы наблюдаем движение к росту числа общественных объединений, повышение качества гражданских инициатив. Но при этом должна быть обязательная вхожесть общественности во властные кабинеты, совместное взаимодействие. Некоммерческие организации, как правило, создаются от какой-то одной инициативы, когда есть очень сильный мотив. Возьмем, к примеру, фонды, занимающиеся решением проблем инвалидности детей. Родители, составляющие основу этих фондов, имеют мотив счастливой полноценной жизни для своего ребёнка. И они работают на совесть, они знают предмет лучше, глубже и шире, чем обычные специалисты, законодатели и чиновники. Они глубоко изучают информацию, перерабатывают ее, формируют предложения и в итоге дают результат, который фонд несёт государству. Аналогичная ситуация и с политической активностью. Но для диалога с властью гражданская общественность должна быть, конечно, консолидирована.

Информационная область – сфера самоорганизации в обработке и распределения информации, имеющей системообразующее значение, поскольку связывает все аспекты политической активности. Информационная область социокультурного пространства политической активности в Белгородской области представлена, с одной стороны, традиционными СМИ (телеканалами, газетами, журналами, интернет-агентствами), рекламными конструкциями, с другой стороны, неофициальными информационными площадками (социальные сети Интернета, блогосфера, отдельные сайты общественных движений, места нелегальной наглядной агитации).

Несомненно, сегменты информационной области неоднородны. Возьмем данные анализа медиапредпочтений белгородцев в сравнении с общероссийскими социологическими показателями. Согласно ВЦИОМу в целом

по России, телевидение – наиболее востребованный источник новостей – 60% ответов. Интернет – второй по популярности источник получения информации о событиях в стране после телевидения (из сетевых источников предпочитают узнавать новости 23% опрошенных). Остальные разновидности СМИ востребованы меньше: из газет узнают новости всего 7% опрошенных, радио предпочитают в качестве основного источника информации лишь 5%. Если рассматривать разговоры с людьми в качестве источника информации, то выясняется, что он наименее востребованный (4%) по сравнению с другими СМИ [1].

В Белгороде на вопрос: «Что для Вас является главным источником новостей о событиях в городе?» большинство респондентов также ответили, что это телевидение (43,17%). Печатная пресса и радио также не являются у белгородцев основным источником получения информации (4% и 4,5% соответственно). Но вот разговоры с людьми, в сравнении с результатами ВЦИОМа, для белгородцев имеют куда более высокую информативность – в городе этот показатель равен 18,75%.

Такое положение дел актуализирует постановку вопроса об усилении значимости неформальных информационных площадок. Именно там сегодня в наибольшей степени проявляется гражданская активность молодёжи, именно там артикулируются политические запросы самоорганизующихся социальных групп. Свободные интернет-дискуссии также выступают одной из таких неформальных площадок.

Удовлетворив в Интернете потребности в развлечении, общении, гражданин находит в Интернете площадки для самовыражения – в блогах, в возможностях комментирования, в т.ч. и политических событий.

Наиболее активны на этих площадках молодые люди и люди среднего возраста. Показательно, что в 2014 году среди всех сайтов и интернет-страниц о Белгороде наибольшую популярность у молодежи областного центра имели белгородские паблики в социальной сети «ВКонтакте». В общей сложности две трети (67,7%) белгородской молодежи тогда посещали эти страницы чаще других. Есть основания полагать, что эта доля, как минимум, не уменьшилась.

Каждый четвертый молодой человек читает белгородских блогеров, и это, по нашему мнению, очень солидная цифра для, в целом, еще несформированного пространства белгородской блогосферы. На вопрос, зачем Вы читаете белгородских блогеров, молодежь отвечает, в основном, в двух вариантах: либо «узнаю о событиях, происходящих в городе» (64,3% читающих блоги), либо «узнаю неофициальную точку зрения на актуальные вопросы» (58,8%).

Блогеры представляются достаточно обособленной социальной группой, мнение которых в силу локальности их субкультуры, ангажированности едва ли отражает массовые тенденции, происходящие в гражданском сознании. Вместе с тем, пассивный – читательский – интерес к блогосфере начинает формироваться. И в этой читательской среде мы отмечаем появление новой, куда более значимой для исследований, чем сами блогеры, массовой

социальной группы – молодых граждан, нуждающихся в актуальной информации об общественно-политической ситуации в городе. У этих людей (а таковых, по нашим оценкам, не менее четверти от городского населения в возрасте от 14 до 35 лет) сформировался устойчивый запрос на субъективную подачу информации и выражен интерес приобрести оригинальную (социальное самовыражение в Интернете проявляется пока только в этом) точку зрения на происходящие в регионе явления и процессы. Удовлетворение этого запроса они находят в рассуждениях белгородских блогеров.

Когнитивная область – здесь происходит борьба за сознание индивидуума, вовлеченного в той или иной степени в политическую жизнь региона. Именно сознание человека является основным объектом формирования гражданского общества, и влияние на него в своих интересах (навязывание своей модели мышления) имеет фундаментальное значение для политической борьбы. Это поле идеологем и стратегем.

В последнее десятилетие на региональном уровне произошло несколько попыток органов власти, в том числе законодательной, закрепления в белгородском обществе идеологических оснований гражданской активности. Эта работа была сопряжена с огромным количеством проблем. В начале десятых годов ослабление ряда имевшихся на тот момент имиджевых характеристик, которые мы характеризуем понятием «имидж-факты» («чистый город», «регион с хорошими дорогами» и т.п.), стимулировало поиск новых «моделей мышления», при этом вольно или невольно были найдены и новые методы их формирования. Начиная с 2010-11 гг. в моду вошёл подход создания образов желаемого (а вернее идеального) будущего. Таким образом, была предпринята попытка идеологизации гражданского общества Белгородской области.

Помимо отказа от ориентации на реальность произошло изменение и в технологии трансляции: идеологемы отныне распространялись не сетевым принципом, а путём административного внедрения. Таким образом, стало возможным контролировать очередность, периодичность и скорость трансляции. Однако эти возможности, как представляется, были использованы в ущерб адаптации нового белгородского имиджа.

Адаптации новых «моделей мышления» активно мешало не только вертикальное внедрение, но и привычка членов общества ассоциировать себя с характеристиками имиджа (как то: «Я живу в самом чистом городе», «В моей области самые лучшие дороги», «Мы впереди всей России», «Я молюсь на земле святого Белогорья»). Аналогичные старым утверждения «Я живу в городе добра и благополучия» или «Наше общество солидарное» с точки зрения идеологов должны были быть переформулированы в массовом сознании с учетом появления перспективы («Мы стремимся к городу добра и благополучия», «Наше общество должно быть солидарным»), однако общество к такому дискомфорту оказалось по большей части неготовым.

Еще одна особенность внедрения идеологем в когнитивную область заключается в районизации идеи солидарного общества. Однако разделяемые большинством населения региона идеологемы носят цивилизационный мас-

штаб (чаще всего это идеологемы цивилизации Запада). Никакие локальные идеологемы (городская община, удобный/умный/добрый город и пр.) не будут способны преодолеть возможные угрозы в силу своей когнитивной узости. Идея солидарного общества не должна иметь территориальной привязки, поскольку не имеет для этого никаких ценностных оснований. Обратимся к успешным практикам идеологизации общества: многие внутренние документы США имеют внешнюю адресную направленность и не замыкаются в границах страны. Такая апелляция, в частности, содержится в «Стратегии национальной безопасности США»: «Все американские стратегические цели достигаются путем расширения числа демократических государств с рыночной экономикой».

Подводя итог проведенному анализу, подчеркнем, что работа по формированию гражданского общества, гражданской активности в каждой из обозначенных областей должна рассматриваться всеми субъектами гражданского общества не с позиций управления, а с позиций регулирования. Органы законодательной власти, сами являясь свидетельством общественной саморегуляции, призваны эту саморегуляцию сохранять. При таком подходе ключевой задачей органов законодательной власти региона становится поиск оптимального соотношения различных форм политической активности, предупреждая общество о вероятности катастрофических последствий одностороннего решения проблем в каждой из областей социокультурного пространства.

Список литературы

1. «Онлайн и офлайн: откуда получают информацию россияне»: Пресс-выпуск №2370 // Всероссийский центр изучения общественного мнения (сайт). URL: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=114345>
2. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: «Научный эксперт», 2013.

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Бабанина А.А.

студентка кафедры социальных технологий
Института управления НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

Самохвалова Е.В.

доцент кафедры социальных технологий
Института управления НИУ «БелГУ», доцент,
Россия, г. Белгород

В статье рассматривается проблема коррупции в сфере образования и способы её решения. Основной целью в борьбе с коррупцией в образовании должно стать искоренение причин и условий, ее порождающих. Коррупционированность системы образования не только снижает качество самого образования, но и формирует отношение к коррупции как к нормальному явлению, причем не только у взрослых, но и у подрастающего поколения. Поэтому противодействие коррупции в сфере образования должно иметь приоритетное значение.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, сфера образования.

Коррупция существует во всех государствах, в том числе и в России. Данная проблема является значимой для нашей страны, что подтверждается подписанным Президентом Российской Федерации 24 ноября 2003 г. Указом №1384 «О Совете при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией». В последние десятилетия коррупция проникла практически во все сферы жизни человека. В том числе не обошла и сферу образования.

Коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [1].

Противодействие коррупции – деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по профилактике и борьбе с коррупцией [1].

Если в системе образования присутствует коррупционированность, то в результате она не только делает образование менее качественным, но и фор-

мирует положительное отношение к данному явлению как у взрослых, так и, что страшнее всего, у подрастающего поколения.

К большому сожалению, коррупция проявляется в сфере образования практически на всех ступенях – от дошкольного до послевузовского. Из основных форм коррупции выделяют: использование бюджетных средств по нецелевому назначению, дача и получение взяток при аккредитации учебных учреждений, незаконное получение официальных документов об образовании, зачисление в учебные заведения вне конкурса, вымогательство со стороны преподавателей в период сессий (выражается в завышенных требованиях при сдаче экзаменов и зачетов), давление со стороны студентов, которые не желают учить предмет, на преподавателей (навязывание взятки), давление на преподавателей со стороны коллег или руководства с целью сдачи студентами экзамена или получения зачета и др.

23 октября 2013 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные о том, что доля коррупционных взаимоотношений в образовательной сфере снизилась с 36% в 2008 году до 21% в 2013 [3].

24 марта 2015 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) было выявлено, что действия руководства страны, направленные на борьбу с коррупцией, с годами становятся все более заметны россиянам: так, если в 2005 г. индекс борьбы с коррупцией составлял – 35 п., то в 2015 г. – 5 п. За последние два года он вырос на 13 п. (с – 8 п. в 2013 г.). Определенные результаты работы властей в этом направлении сегодня отмечает каждый второй россиянин (50%). Треть опрошенных (33%) полагает, что ситуация за последний год никак не изменилась (с 41% в 2013 г.), и 13% – что она даже ухудшилась. В топ-5 рейтинга коррумпированных сфер входят ГАИ (25%) и полиция (22%), судебная система (18%). Другие сетовали, что данный «недуг» постиг медицинскую сферу (14%), крупный бизнес (13%), ЖКХ (12%), образование (9%) [2].

Исходя из данных исследований, даже при снижении на протяжении нескольких лет коррупции в образовании, эта сфера остаётся одной из самых коррумпированных.

Мы видим, что на постоянной основе с экранов телевизоров звучат сообщения об ужесточении мер по борьбе с коррупцией в ВУЗах, школах и других учреждениях. Регулярно используются все новые и новые методы борьбы с этой проблемой. При этом многие меры не являются эффективными и не приносят должного результата, а коррупция в учебных заведениях продолжает процветать.

Какие же существуют действенные способы борьбы с коррупцией в системе образования? Можно выделить три абсолютно разных способа.

Большинство считают, что коррупцию можно победить только при наличии свободного суда, независимой прессы, реального разделения власти и конкурентной политической борьбы. В случае наличия всех вышеуказанных элементов отпадает необходимость для круговой поруки чиновников, заказных дел и прочих явлений, которые в итоге делают борьбу с коррупцией нереальной.

Так же, существует мнение, что для эффективной борьбы с коррупцией в учебных заведениях необходимо обеспечить сотрудникам условия, которые делают честную и безупречную работу более выгодной, чем взятки и поборы. В данном случае первоначально сотрудник учебного заведения получает небольшую оплату своего труда, но на основании показателей бескомпромиссной работы появляется материальное стимулирование. Примером может послужить повышение заработной платы, право на получение беспроцентного кредита на жилье, и в результате достойная пенсия после завершения трудовой деятельности.

В-третьих, не исключается эффективность метода, который основывается на применении жестких карательных мер. При этом, как считают специалисты, санкции за совершение коррупционных действий в России очень мягкие, а отсутствие конфискации имущества, как наказания коррупционера, лишает такой способ какого-либо смысла. Например, работник вуза, который знает, что в худшем случае получит лишение свободы на небольшой срок, видит во взяточничестве привлекательный способ обогащения.

Для повышения эффективности противодействия коррупции в сфере образования необходимо использовать следующие меры:

- 1) ужесточить наказание за коррупционные действия;
- 2) повысить уровень заработной платы сотрудникам образовательных учреждений;
- 3) улучшить финансирование школ;
- 4) производить оплату труда преподавателей за результативность;
- 5) задействовать горячие линии во всех регионах страны для оповещения о фактах дачи взяток;
- 6) повысить эффективность системы норм и правил, определяющих ответственность каждого участника процесса распределения и использования средств;
- 7) повысить квалификацию сотрудников администрации и представителей заинтересованных общественных организаций, включая ассоциации родителей, учителей;
- 8) расширить доступ к информации для усиления общественного контроля.

К сожалению, на сегодняшний день вопрос о том, можно ли победить коррупцию, и главное как это сделать, остается открытым. По мнению министра образования и науки России Ливанова Дмитрия Викторовича: «Единственный способ борьбы с коррупцией это опять же требования к качественной подготовке». Как только молодые люди, студенты, будут понимать, что именно с качеством полученного образования связано их будущее и что именно качество подготовки действительно может обеспечить их успех в будущей жизни, то они все-таки будут требовать знаний. И в то же время, если преподаватель будет поставлен в такие условия, которые напрямую зависят от того, насколько качественно он подготовит студентов, а затем в том числе и вуз будет поставлен в условия, когда в зависимости от того, насколько успешно устраиваются после окончания учебного заведения его выпускники, он будет получать более высокий рейтинг и, как результат, востребован-

ность. И если все мы будем об этом знать и всегда помнить, то и борьба с коррупцией будет гораздо эффективнее.

Список литературы

1. О противодействии коррупции : федеральный закон РФ от 19 декабря 2008 года № 273-ФЗ (в ред. от 21.11.2011) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Информ. банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство».
2. Борьба с коррупцией: миссия выполнима? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2015. – Пресс-выпуск № 2799. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115189>.
3. Коррупция в России: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2013. – Пресс-выпуск № 2437. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114572>.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАБОТНИКОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Бинюкова Ю.О.

студентка НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

Научный руководитель – канд. социол. наук Ткачев А.А.

В статье проводится теоретический анализ понятия профессионально-этическая культура. А также, дается характеристика компонентов, составляющих сущность профессионально-этической культуры.

Ключевые слова: культура, работник муниципального учреждения, профессиональная культура, этика, профессионально-этическая культура.

На работников муниципальных учреждений возлагается миссия реализации социальной политики государства, принципов гуманизации и гармонизации взаимодействия человека с социальной средой. Это позволяет говорить о специфике этической составляющей профессиональной деятельности муниципального работника, в которой решение профессиональных задач полностью реализуется через субъект-субъектное личностно-деловое взаимодействие, и потому в ней предельно значимы вопросы этики взаимоотношений, общения, сотрудничества, диалога. Следовательно, возрастает уровень требований к профессионально-этической культуре специалиста.

Профессионально-этическая культура работника является составным элементом общей культуры. Рассмотрим подробнее профессиональную и этическую составляющую культуры работника муниципального учреждения.

Профессиональная культура трактуется как процесс и результат творческой деятельности социального субъекта во всех сферах сознания и бытия, она свидетельствует о степени освоения субъектом своей профессиональной сущности, овладения искусством поддержания стабильности организации, соединения знаний с практическими делами, становления профессионально подготовленного специалиста [2, с. 18].

Профессиональная культура не дается человеку изначально, посредством изучения определенного предмета вне его практического применения.

Л.Д. Парунина определила сущность профессиональной культуры «как стремление, умение, готовность человека использовать весь комплекс форм деятельности в процессе постоянного высококачественного выполнения профессиональной деятельности» [3, с. 355].

Обратимся к понятию «этическая культура». Д.Д. Смирнов пишет, что под этической культурой необходимо понимать нравственные обычаи и традиции, нравственные качества национального характера и формы их воплощение в культуре личности, это моральные нормы и принципы, мировоззренческие понятия о добре и зле, о долге и совести, справедливости и достоинстве, укоренившиеся в обществе, это, наконец, нравственные идеалы, культивируемые в обществе [4, с. 177]. В свою очередь, А.В. Симзяев определяет этическую культуру личности как гармонию высокоразвитого профессионального мышления, знаний, чувств и творческой деятельности способствующей эффективной организации общения с людьми [5, с. 13].

Таким образом, профессионально-этическая культура работника муниципального учреждения это системное качественное состояние личности, которое характеризует уровень профессионально-этического развития работника, меру и способ реализации его сущностных сил в процессе профессиональной деятельности и ее результатах, а также способность применять этические нормы и принципы морали в повседневной деятельности и поведении.

Рассмотрим основные элементы профессионально-этической культуры работника муниципального учреждения. Н.И. Аргонина и Н.И. Никитина в процессе моделирования профессионально-этической культуры выделили следующие структурные элементы: профессиональные ценности, этические нормы, профессиональные знания, профессиональные навыки, мотивация профессиональной деятельности [1, с. 72]. Проанализируем предложенные элементы структуры профессионально-этической культуры более детально, учитывая специфику деятельности работников муниципальных учреждений.

Внутренний стержень профессионально-этической культуры работников муниципальных учреждений формирует система профессиональных ценностей. Ценности по своей сущности являются свойствами общественных предметов. В качестве компонента социальной системы они наделены особым значением в индивидуальном и общественном сознании, которое тесно связано с существующей системой культуры и социальной структурой общества. В этом случае принято вести речь о моральных, идеологических, национальных, политических, эстетических, религиозных, экономических и других ценностях.

Еще одним структурным компонентом профессионально-этической культуры работников муниципальных учреждений являются этические нормы. Этические нормы содержат требования, ожидания и предписания соответствующего поведения. Специфическими признаками норм выступают рационально осознанные и логически сформулированные правила, реализация которых подчинена целям деятельности. В общественном сознании цели и средства расчленены и находятся в виде цельных образцов – стереотипов и стандартов поведения.

Следующим структурным компонентом профессионально-этической культуры работников муниципальных учреждений выступают профессиональные знания и профессиональные навыки.

Профессиональные знания – это то, что работник получает на основе осмысления собственного опыта и опыта других [1, с. 73]. Речь идет не о всех знаниях, а лишь о тех, которые «свертывают» процесс реальной деятельности и выражают такие ее модели, которые «ответственны» за успешность дела.

Профессиональный навык – умение, ставшее в результате многократного, систематического повторения свободным и наиболее экономным способом выполнения профессиональных действий [1, с. 74]. Профессиональный навык образуется на основе знаний. По мере его совершенствования осуществляется переход к обобщенным рассуждениям про себя, в мысленном плане и во внутренней речи.

Мотивация профессиональной деятельности является следующим структурным элементом профессионально-этической культуры работника муниципального учреждения и представляет собой структуру мотивов, отражающих внутреннюю мотивацию и инструментальное отношение к профессиональной деятельности [1, с. 75].

Рассматривая последний структурный компонент модели профессионально-этической культуры, необходимо отметить, что качества личности работника муниципального учреждения – наиболее устойчивые характеристики, оказывающие влияние на его профессионально-этическую культуру. Так к социально-психологическим качествам относятся формы общения, взаимодействия и поведения, к психологическим качествам – черты характера человека, к социальным – характеристики профессиональной деятельности (профессионализм и компетентность).

Анализ основных составляющих структурных элементов профессионально-этической культуры работников муниципальных учреждений позволяет выстроить взаимосвязи между ними.

Так, графически взаимосвязь элементов культуры работников муниципальных учреждений представлена на рисунке.

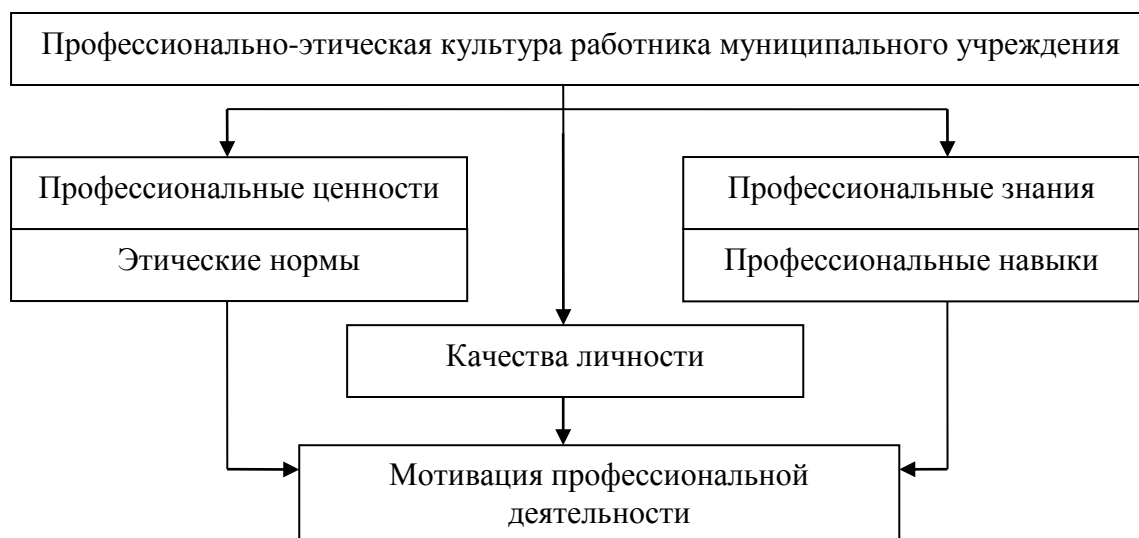

Рис. Структура профессионально-этической культуры работника муниципального учреждения

В заключение необходимо отметить, что от уровня сформированности профессионально-этической культуры работника во многом зависит эффективность деятельности муниципальных структур. Кроме того, высокий уровень профессионально-этической культуры работников муниципальных учреждений способствует формированию качественно новых гуманистических взаимоотношений, диалогического стиля общения, демократической культуры взаимоотношений.

Список литературы

1. Аргонина, Н.И. К вопросу о профессионально-этической культуре социальных работников [Текст] / Н.И. Аргонина, Н.И. Никитина // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2011. – № 4. – С. 72-75.
2. Заслонкина, О.В. Управление развитием профессиональной культуры государственных гражданских служащих : на материалах Орловской области [Текст] : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук / О.В. Заслонкина. – Белгород, 2008. – 23 с.
3. Парунина, Л.Д. Модель профессиональной культуры современных муниципальных служащих [Текст] / Л.Д. Парунина // Вестник Омского университета. – 2012. – № 1 (63). – С. 354-358.
4. Симзяев, А.В. Профессионально-этическая культура сотрудника ОВД [Текст] / А.В. Симзяев // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2009. – № 3. – С. 12-15.
5. Смирнов, Д.Д. Теоретический анализ понятия профессионально-этическая культура сотрудников ОВД [Текст] / Д.Д. Смирнов // Вестник Шадринского государственного педагогического института. – 2011. – № 7(13). – С. 175-179.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПО ВОПРОСАМ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Богданова А.Д.

аспирант каф. Менеджмента и предпринимательской деятельности
Казанского национального технологического университета,
Россия, г. Казань

В статье рассмотрены особенности зарубежного представления об управлении кадровым потенциалом. В частности, автором изучена кадровая политика Германии в вопросах адаптации и трудоустройства эмигрантов. Отдельное место в работе автора занимает анализ данных по результатам исследования организаций Heidrick&Struggles и The Economist Intelligence Unit, в которых затронуты вопросы подготовки квалифицированных кадров организаций.

Ключевые слова: кадровый потенциал, воспроизводство кадрового потенциала, человеческие ресурсы, HR-менеджмент.

На рубеже веков в среде отечественной и зарубежной науки стал отчетливо проявляться интерес к вопросам управления человеческими ресурсами. Конечно, с одной стороны это объясняется перенасыщением рынка труда и повышением автоматизации производственных процессов. С другой – возросший процент наукоёмких предприятий диктует иные, отличные от преды-

дущих требования к системе организации производства, подготовки кадров, и как следствие, новых методов управления процессами воспроизводства кадрового потенциала. Сегодня можно констатировать, что проблема кадрового обеспечения и усовершенствование методологий его развития, а так же практическая проработка вопроса является наиболее востребованной темой, которой посвящено немало научных работ, как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Изучая современные тенденции в зарубежной научной мысли касемо развития кадрового потенциала, следует очертить ряд особенностей, свойственных иностранному восприятию данной проблемы.

Решение вопросов развития, а также эффективного и рационального использования кадрового потенциала предприятий возлагается на кадровый менеджмент, который в зарубежных странах принято называть HR-менеджмент. Иными словами, данное современное направление менеджмента нацелено на всестороннюю работу с кадрами, начиная от принятия их на работу до их последующего профессионального совершенствования. При этом кадры предприятия рассматриваются как активы с определенным потенциалом, которые необходимо наращивать и раскрывать соответственно.

Рассматривая европейскую кадровую политику, можно отметить следующую тенденцию. Так, в частности, в Германии отдельное внимание уделяется проблеме адаптации и дальнейшего трудоустройства большого количества эмигрантов [5, 3]. Данное направление исследований германских учёных ставит проблему управления трудовыми ресурсами в совершенно ином ракурсе, где распределение должностей МОП ставится в прямую зависимость от данного аспекта темы. С другой стороны, представители этнических меньшинств, рождённые на территории Евросоюза, так же способствуют рассмотрению проблемы образования и подготовки кадров, в том числе и перспективной подготовки бакалавров/ магистров, в другой плоскости, где вопросы адаптации и взаимодействия культур выходят на приоритетный уровень.

Не менее интересна проработка зарубежными авторами вопроса о взаимодействии различных культур [2], сотрудничества в сфере образования [9], интеграции экономики, дальнейшего трудоустройства и построения карьеры, в рамках проекта глобализации [1], с позиции бизнеса и управления человеческими ресурсами в частности [7, 6].

Следует отметить, что в ближайшей перспективе схожая проблематика, вероятно, будет представлена и в России. Однако в отличие от Германии, где эмиграция в основном представлена в виде представителей далёких от западноевропейского уклада жизни людей, в России уже накоплен богатейший опыт совместного проживания людей различных национальностей и конфессий, что делает процесс рассмотрения проблемы адаптации менее проблемным. Тогда как в Германии, ранее преимущественно мононациональной стране, вопрос мультикультурализма инициирует острую дискуссию. Так, широкий общественный резонанс вызвала работа бывшего сенатора Германии Тило Саррацина, посвященная этой проблеме [8].

Тем не менее, в схожем с Германией ключе поставлена общеевропейская проработка вопросов управления кадровым потенциалом, где помимо проблем эмиграции, на первые позиции выдвигается вопрос индивидуализации работника и выявлению всех его личностных особенностей, что способствует развитию его талантов и раскрытия потенциальных возможностей в перспективе.

В целом, вопросу развития талантов, посвящено немало зарубежных исследований. Одна из крупнейших организаций мирового масштаба по подбору руководящих кадров Heidrick&Struggles совместно с аналитическим подразделением журнала Economist (TheEconomistIntelligenceUnit) провела очередное исследование имеющегося потенциала в области подготовки квалифицированных кадров, а также отметила необходимые условия для его реализации в 60 странах [4]. В исследовании спрогнозированы основные тенденции, связанные с развитием профессиональных кадров на ближайшие 5 лет (2011-2015гг.). Так, авторы заключили, что развитая экономика, а также демократический режим различных стран благоприятно воздействуют на развитие и проявление таланта квалифицированными кадрами. Согласно их точке зрения лидируют США и страны Западной Европы. Россия же в этом рейтинге повторно (по сравнению с подобным исследованием предыдущих годов) заняла 34 место из 60 имеющихся, набрав 43,1 баллов. Однако, по мнению авторов, в России наблюдается общее улучшение основных показателей (на 2,3 балла), в связи с экономическим ростом страны, которое сдерживает снижение численности населения.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что на сегодняшний день востребованы не просто квалифицированные кадры, а индивиды, обладающие набором определённых талантов, своевременное выявление которых есть основная цель кадрового менеджмента.

Список литературы

1. Blossfeld, Hans-Peter, Erik Klijzing, Melinda Mills and Karin Kurz (eds.) (2005): Globalization, Uncertainty and Youth in Society. London: Routledge.
2. Froese, F.J. & Jöns, I. (2004). Kulturelle Unterschiede bei deutsch-koreanischen Akquisitionen (Cultural differences of German-Korean M&As), Mannheimer Beiträge, 6, 60-65.
3. Gerhards, Jürgen, Silke Hans und Sören Carlson (2014): Die Renditen von transnationalem Humankapital: Das Beispiel "Partizipation an einer transnationalen europäischen Öffentlichkeit". In: dies. (Hg.): Globalisierung, Bildung und grenzüberschreitende Mobilität. Wiesbaden: Springer VS, S. 259-293.
4. Global Talent Index report: the outlook to 2015. URL: <http://www.globaltalentindex.com/Resources/research-report.aspx>
5. Hans Silke. Aus "Gastarbeitern" werden Einwanderer – Folgendes Anwerbestopps. In: Haus der Geschichte der BRD (Hrsg.): Immer Bunter. Einwanderungsland Deutschland. Mainz: Nünnerich-Asmus, S. 71-93.
6. Hildisch A.K. Zur strategischen Integration der Personalabteilung: Eine erweiterte strukturation theoretische Betrachtung. – Wiesbaden: Springer Gabler. 2012
7. Mayer-Ahuja N. Mobilising transnational labour? Patterns of spatial mobility in Indo-German software companies, in: Work, Organisation, Labour, Globalisation, Volume 6 No 2. (Bridges and barriers: globalization and the mobility of work and workers), 24-44.

8. Sarrazin Thilo. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen.– München 2010.465с.

9. Taras, V., Froese, F.J. et al. (in press).A global classroom? Evaluating the effectiveness of global virtual collaboration as a teaching tool in management education. Academy of Management Learning and Education

КОРПОРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ И РАЗВИТИЯ В ПРОЦЕССЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Головкина О.С.

зам. директора по подбору персонала ООО УК «ЭФКО»,
аспирантка кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

Захаров В.М.

директор института управления НИУ «БелГУ», канд. социол. наук,
Россия, г. Белгород

Предлагаемая в статье разработанная и апробированная авторами корпоративная модель подготовки и развития менеджера инновационной деятельности позволяет решить задачу кадрового обеспечения управления инновационной деятельностью на предприятиях пищевой промышленности. Модель функционирует на основе интеграции ранней профориентации в средней школе, целевой подготовки в ВУЗе, корпоративного дополнительного профессионального образования, инновационной активизации персонала за счет мотивации и карьерного роста.

Ключевые слова: управление инновационной деятельностью, кадровое обеспечение, предприятия пищевой промышленности, корпоративная модель подготовки и развития, менеджер инновационной деятельности.

Модель подготовки менеджера инновационной деятельности в России только складывается и нуждается в социально-технологических разработках в данной области. По мнению Е.Н. Сафонова готовить менеджера инновационной деятельности – дело долгое и дорогостоящее. Прежде чем он научится создавать работоспособную компанию, пройдет немало времени, будут совершаться ошибки, среди которых могут оказаться и смертельно опасные для бизнеса [1, с. 164]. Поэтому в рамках корпоративного образования целесообразно объединить образовательную, научно-исследовательскую и производственно-внедренческую функции кадрового обеспечения управления инновационной деятельностью предприятий пищевой промышленности.

На основе анализа документов, мнений экспертов и опроса респондентов предлагается разработанная и апробированная автором корпоративная модель подготовки и развития в процессе кадрового обеспечения управления инновационной деятельностью на предприятиях пищевой промышленности (рисунок):

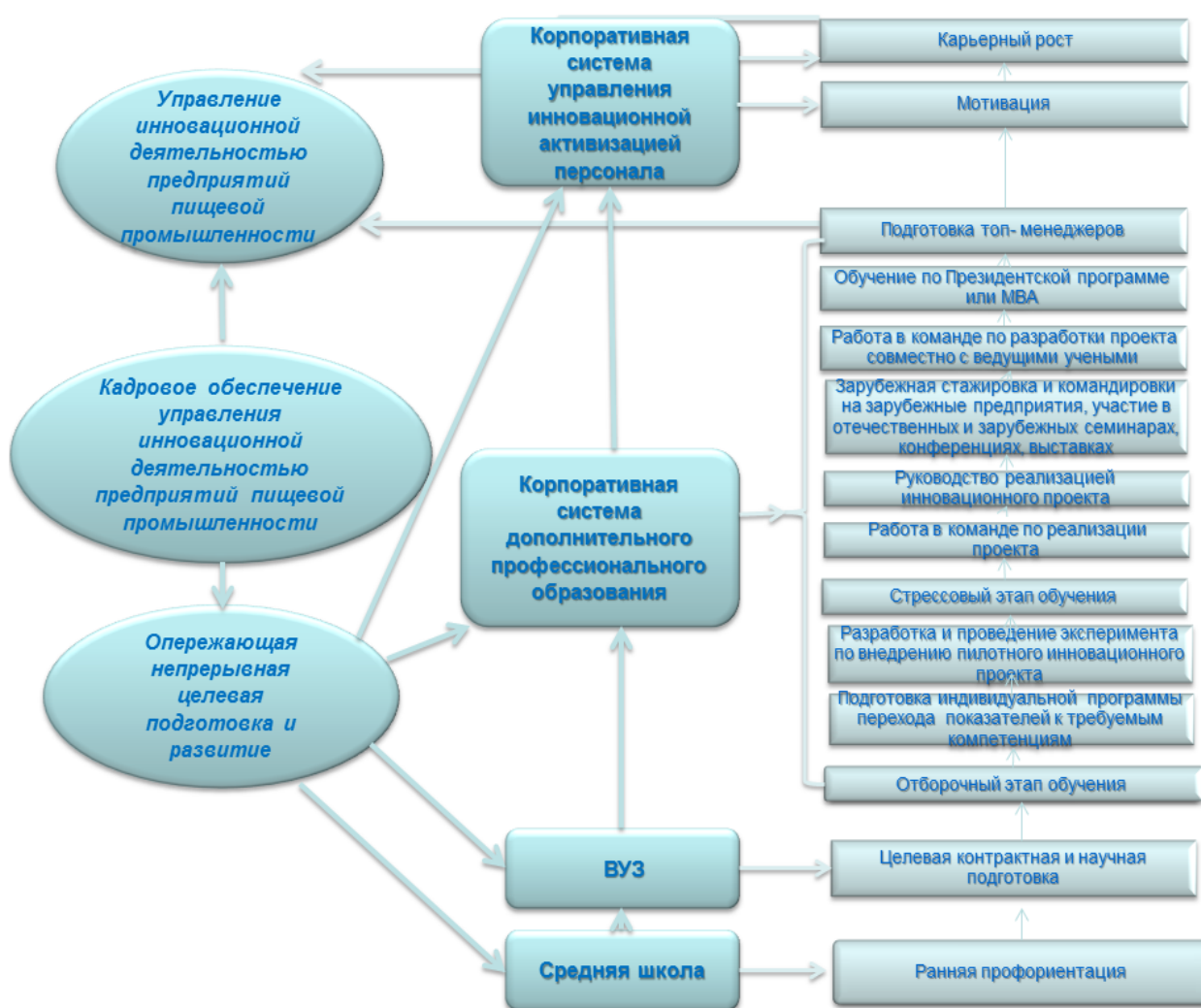

Рис. Корпоративная модель подготовки и развития в процессе кадрового обеспечения управления инновационной деятельностью на предприятиях пищевой промышленности

Предложенная корпоративная модель позволяет использовать несколько уровней подготовки и развития менеджера инновационной деятельности и включает:

1. Раннюю профориентацию в средней школе.
2. Целевую подготовку в ВУЗе.
3. Дополнительную профессиональную подготовку в системе корпоративного образования:
 - отборочный этап обучения;
 - подготовка индивидуальной программы перехода показателей к требуемым качествам и компетенциям;
 - стажировка в различных подразделениях предприятия;
 - работа в команде по реализации проекта;
 - стрессовый этап обучения;
 - разработка и проведение эксперимента по внедрению пилотного инновационного проекта;
 - работа в команде по разработки проекта совместно с ведущими учеными;

- обучение по Президентской программе или MBA: инновационный и проектный менеджмент;
- зарубежные стажировки, командировки на зарубежные предприятия, участие в отечественных и зарубежных семинарах, конференциях, выставках;
- руководство реализацией инновационного проекта;
- подготовка топ-менеджеров;
- руководство инновационной деятельностью.

4. Применение в управлении персоналом на производственном предприятии системы мотивации и карьерного роста на основании личного практически полученного результата эффективной деятельности, инновационной активизации персонала, регламентирование деятельности.

Разработанная и апробированная авторами корпоративная модель подготовки и развития менеджера инновационной деятельности позволяет решить задачу кадрового обеспечения управления инновационной деятельностью на предприятиях пищевой промышленности.

Список литературы

1. Сафонов, Е.Н. Управление инновационной деятельностью на промышленных предприятиях [Текст] / Е.Н. Сафонов, С.Н. Спорыхина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2009. – №3. – С. 164–171.

ФЕНОМЕН МЕДИАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Дукин Р.А.

аспирант кафедры социологии Мордовского государственного университета,
Россия, г. Саранск

В статье производится попытка проанализировать феномен медиатизации с социологической точки зрения. Приведены факты и примеры в пользу подтверждения тезиса, что медиатизация – это глобальный процесс, охватывающий абсолютно все сферы общественной жизни. В статье также представлена оценка изменений в коммуникации и социальной структуре, произошедших вследствие развития медиа.

Ключевые слова: медиатизация, социальные медиа, современные медиа, глобализация, виртуальная реальность, «виртуальная телесность».

Медиа на протяжении тысячелетий играет важнейшую роль в обществе. Выступая в качестве средства передачи информации, медиа сохраняет и приумножает социальное знание, а также является одним из ключевых элементов коммуникации. Безусловно, понятие «медиа» необходимо рассматривать в широком контексте – как любой «агент-посредник», влияющий на коммуникацию и восприятие социального мира. И хотя современное понимание «медиа» опирается на технологии, нельзя сводить медиаразнообразие исключительно к технологическому основанию.

Очевидно и другое: медиа стало так много, что мы можем говорить о современном обществе как о медиасреде. Или о Новой среде, по выражению известного американского исследователя русского происхождения Льва Мановича [3]. Нас окружает огромное количество коммуникативных и информационных возможностей, которые объединены в единое поле. Это поле, сгенерированное процессами медиатизации, представляет огромный интерес для социологов. Масштабы происходящих изменений в структуре коммуникации и общества в целом только предстоит оценить – Новая среда меняется так быстро, что очень трудно зафиксировать ее элементы для изучения в конкретный момент.

Начало глобальной медиатизации логично связывать с появлением «новых медиа», хотя этот термин и считается многими исследователями устаревшим. Так или иначе, развитие компьютерных и интернет-технологий привело к созданию радикально новой парадигмы коммуникации. Традиционные медиа, будь то телевидение, газеты или радио, вынуждены были «потесниться» из-за появления «цифровых» медиа, условно называемых «новыми». Их «новизна» заключается, в первую очередь, именно в «цифровом коде» и абсолютно иной логике существования. «Новые медиа» не только трансформировали процесс коммуникации, но и полностью поменяли социальный мир.

Компьютерные технологии позволили преодолеть многие социальные преграды, существовавшие в обществе. Интернет, видеоигры, мультимедиа создали феномен «активного пользователя» – индивида, самостоятельно конструирующего социальную реальность посредством «новых медиа». В этом смысле субъект еще никогда не обладал подобной «властью», которая, впрочем, весьма относительна. Пользуясь терминологией Жана Бодрийяра, произошла актуализация «фатальной стратегической модели» – субъект осознал всю дьявольскую гениальность объекта и перешел на его сторону, «играя по его правилам». Это уникальный синтез технологий и человека, которого впопру называть «постчеловеком». Но это не ницшеанский «сверхчеловек» – это индивид, обладающий качественно иными, по сравнению с предками, коммуникативными и информационными возможностями.

Современные цифровые медиа породили и такой феномен как «телесная виртуальность», по выражению профессора Кэтрин Хэйлз [4, р. 1-25]. По ее мнению, телесная виртуальность – абсолютно новая форма субъективной реальности, которая рождается как раз благодаря сплаву компьютерных технологий и человеческой телесности. Однако Хэйлз считает, что субъект никогда не будет полностью подконтролен технологиям, поскольку они всегда «останутся внешними по отношению к человеческой телесности» [4, р. 284]. С этим тезисом, однако, можно и поспорить. Такие изобретения как Google Glass или «умные» контактные линзы создают мир дополненной реальности, при этом они уже максимально приближены к «человеческой телесности».

Медиа сгенерировали особую искусственную среду, которая в своей реальности превосходит саму реальность. Медиасреда – это главный феномен современного общества, значение которого оценить пока не представля-

ется возможным. Медиасреда генерирует гиперреальность – «надстройку» над повседневной реальностью. Эта гиперреальность, наполненная симулякрами и символами, стала полем, в которое множество индивидов перенесли значительную часть своей социальной жизни. Поэтому для многих людей медиасреда ничуть не менее реальна, чем их повседневность – «раньше мы заходили в социальные сети, чтобы *рассказать* о том, что нового происходит в нашей жизни; теперь мы заходим в социальные сети, чтобы *узнать*, что нового происходит в нашей жизни».

Несмотря на то, что социальные и прочие медиа стали неотъемлемой частью общества, социум до сих пор не осознает масштабов случившихся изменений, – особенно изменений в контексте коммуникации. Медиа предоставили возможность мгновенно обмениваться информацией людям, находящимся в совершенно разных уголках планеты. Мобильная телефонная связь постепенно уступает место качественно иным технологиям. Мессенджеры и социальные сети всё чаще выступают средством коммуникации, объединив всю планету и актуализируя феномен «тесного мира».

С одной стороны, современные медиа разрушают социальные границы и стирают социальные различия – территориальные, национальные, возрастные фреймы относительно. С другой стороны, современные медиа разрушают реальный мир индивида, и оценить негативные последствия достаточно сложно. Очевидно, что из-за влияния медиа индивид находится в состоянии «множественной идентичности». Социальных ролей и статусов всё больше, а мир принимает хаотический порядок. Индивид зачастую перестает понимать, что реально, что виртуально, – эти категории стали предельно размытыми.

Крайне важной представляется и другая категория, а именно – информация. Е. Л. Головлева считает, что «информация становится основной социальной ценностью общества» [2, с. 40]. Не согласиться с этим тезисом невозможно. Но если еще десяток лет назад фраза «кто владеет информацией, тот владеет» миром была актуальной, то сейчас верным будет тезис «владеет миром тот, кто владеет каналами передачи информации». Иначе говоря, пресловутыми медиа. Повестку дня сегодня определяют те, кто умеет генерировать и распределять информационный трафик. И не важно, соответствует эта информация действительности или нет – ведь определить эту самую действительность сегодня чрезвычайно сложно.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – Москва: Добросвет, 2015. – 392 с.
2. Головлева Е. Л. Массовые коммуникации и медиапланирование [Текст] / Е. Л. Головлева. – Ростов: Феникс, 2008. – 256 с.
3. Принципы Новой среды по Мановичу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gonzo-design.ru/en/education/newmediaprinciples.html#_edn6.
4. Hayles K. How we became posthuman. Virtual Bodies in Cybernetics, Literature and Informatics [Текст] / K. Hayles. – Chicago/London, 1999. – 364 p.

ДОВЕРИЕ – СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ – НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО

Звонкина О.П.

старший преподаватель СОФ НИУ «БелГУ», аспирант кафедры социальных технологий Института управления НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

В статье социальное доверие рассматривается в поле классического социологического подхода, как социетального феномена – основы социального капитала, создающегося не столько индивидом, сколько обществом в целом.

Ключевые слова: доверие, социальное доверие, социальный капитал, межличностное доверие, институциональное доверие.

Классический социологический подход к анализу и изучению социального доверия состоит в исследовании его как социетального феномена, поддающегося эмпирическому измерению, его места в системе социальных связей, функций доверия в межличностных отношениях и качества социальных связей, формирования социального капитала, человеческих ресурсов и социального порядка.

Теории социального доверия Э. Дюркгейма, М. Вебера, Э. Гидденса, Ф. Тенниса, Н. Лумана, А. Селигмена, Т. Парсонса, Р. Мертон и др. представляют природу доверия под различным углом научного видения. Социальный феномен – социальное доверие в современном обществе требует рассмотрения с учетом признанных теорий.

Отношения доверия исследовал Ф. Теннис и его вывод заключается в том, что трансформация доверия в социально – самостоятельный фактор из фактора лично – психологического приводит к тому, что доверие может оказывать существенное воздействие на группы и сообщества людей в определенные периоды развития общества. Ф. Теннис исследовал понятия «общность» и «общество» через определение «овеществленное доверие», которое показывает наличие социальных связей, образующих систему отношений.

Идея Э. Дюркгейма о доверии как условии социального взаимодействия обосновывается предсказуемостью действий и пониманием мотивов действий другого. Общие ценности и нормы, принимаемые отличными друг от друга индивидуумами, солидаризируют общество, стимулируют сотрудничество и доверие. Общество стремится обезопасить себя от рисков саморазрушения. И видит такую возможность в создании общности, основанной на солидарности, единстве целей и интересов, то есть в формировании качественного социального и человеческого капитала. Происходит это благодаря тому, что в процессе функционирования институтов гражданского общества идёт выработка правил и норм, ценностей, разделяемых всеми членами общества или социальной группы, а результатом норм и ценностей становится взаимное доверие.

Э. Гидденс выделил персонифицированное доверие и доверие к абстрактным системам («анонимным другим»). Отметим, что персонифицированное или межличностное доверие следует рассматривать в качестве основы формирования социального доверия. Доверие, формирующееся по мере межличностного взаимодействия и сотрудничества в рамках формальных и неформальных институтов гражданского общества, становится основой для создания не только общенациональной сети его институтов, но и содействует усилению доверия к действующим политическим институтам. Доверие к абстрактным системам, по мнению Э. Гидденса, – это тот тип доверия, который формируется в современную эпоху. Именно доверие к абстрактным системам выполняет важнейшую функцию в обществе «позднего модерна» – обеспечение ощущения надёжности повседневных отношений. Персонифицированное же доверие выступает как «источник чувства честности и аутентичности себя самого». Говоря словами Гидденса, через механизм доверия минимизируется угроза «утраты личностного смысла» [1, с.145-155].

Суть феномена социального доверия заключена в системе ценностей, норм, традиций. Типология доверия определяет межличностное доверие – между близкими, знакомыми и не знакомыми людьми и безличные формы доверия обобщенному, системному, институциональному.

Институциональное доверие – основа обществ, где существуют специальные организации, которые генерируют и поддерживают правила игры. В первую очередь такую роль выполняет государство. В связи с этим главным аспектом институционального доверия следует считать доверие к важнейшим государственным органам – правительству и президенту. На уровне местного сообщества институциональное доверие также проявляется и в доверии к муниципальной власти, к местным общественным организациям.

Т. Парсонс и Р. Мертон разработали методологию изучения доверия по направлениям социальной системы: воспроизводство «образцов системы», интеграция системы, адаптация к условиям окружающей среды, самоорганизация. Т. Парсонс рассматривал социальное доверие как защиту общественных отношений от негативных процессов в сфере экономики и политики, что делает возможным укрепление существующего социального порядка. Личность и общество рассматривал как взаимодополняющие системы.

Уровень социального доверия показывает долю социального капитала в национальной экономике, с приумножением которого социологи и экономисты связывают успех модернизации стран догоняющего развития (включая Россию). Автор концепции социального капитала, экономист-социолог Д. Коулман пояснял в отношении социального капитала, что он создается не отдельным индивидом, а в целом обществом. Эту идею развил Ф. Фукуяма, считавший наличие, формирование социального капитала общества результатом доверия между его членами [2, с. 52].

Сегодня в общественном мнении совершенно справедливо доминируют взгляды, высоко оценивающие роль доверительных отношений в ключевых экономических и социальных процессах. Для поступательного развития общества необходимо наращивание высокотехнологичной – инновационной

экономики, но еще в большей мере необходимо укрепление доверия как основы социального капитала. Социальный капитал является составной частью неосязаемого капитала – человеческих ресурсов (ресурсов, воплощенных в людях). В национальном богатстве развитых стран доля неосязаемого капитала составляет более 70 %. В России по оценке Всемирного банка неосязаемый капитал на рубеже XX-XI веков составлял лишь 6 % [3, с. 22].

Считается, что если и межличностное доверие, и институциональное доверие находятся на уровне выше среднего, общество обладает значительным социальным капиталом, а власть, в свою очередь, способствует его сохранению и укреплению [4, с. 110].

Именно поэтому социологи и экономисты проявляют повышенный интерес к проблеме социального доверия в обществе, нормативным и культурным основам доверия, факторам формирования и упадка, а также причинам трансформации в ходе исторических преобразований.

Список литературы

1. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс. – М.: Издательская консалтинговая группа «Праксис», – 2011.
2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф. Фукуяма // М.: Издательство АСТ. – 2004. – С. 52.
3. Сасаки М. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России [Текст] / М. Сасаки, В.А. Давыденко, Н.В. Латова, Ю.В. Латов, Г.С. Ромашкин // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). – 2009. – № 1. – С. 20-35.
4. Козырева П.М. Доверие и его ресурсы в современной России [Текст] / П.М. Козырева // М.: Институт социологии РАН, 2011. – 172 с.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Корба О.А.

ст. преподаватель кафедры креативно-инновационного управления и права
ФГБОУ ВПО «ПГЛУ»,
Россия, г. Пятигорск

В статье анализируются возможности и основные направления развития отечественного бизнес-образования. На основе анализа сформулированы выводы относительно специфики построения системы бизнес-образования в России.

Ключевые слова: бизнес-образование, руководители, бизнес-школы, бизнес-модели, инновационность.

Роль управления в развитии общества в целом и экономики в частности сложно переоценить. Она определяется тем, что в сложных современных условиях профессионализм руководителя является ключевым звеном при решении многих проблем.

При этом наблюдается острый дефицит квалифицированных управленцев, что обусловило необходимость создания школ бизнеса, многочисленных факультетов не только в структуре государственного высшего образования в области менеджмента, но и в структуре дополнительного профессионального образования, что выдвинуло на первый план вопросы качества бизнес – образования.

Бизнес – образование в нашей стране – это порождение переходной к рынку экономики. Переход к нему от прежде существовавшей системы подготовки управленческих кадров – это смена парадигм, поскольку изменяются очень многие фундаментальные предпосылки деятельности, начиная от теоретического и эмпирического осмысления экономической системы и кончая методами передачи знаний, развития умений и навыков [1, с. 8].

На сегодняшний день существует три точки зрения относительно определения путей становления российского бизнес-образования [2, с. 103].

Первая состоит в том, что России не нужно самостоятельно создавать систему обучения руководителей, а следует быстро внедрять эффективные зарубежные формы и методы образования. Достаточно взять западную модель бизнес-образования в готовом виде и использовать ее, тем более что огромные финансовые и интеллектуальные ресурсы для развития бизнес-образования, сосредоточенные в США, не сравнимы даже с ресурсами развития бизнес-образования в странах Европы.

Кажущийся на первый взгляд элементарным, данный подход все же имеет свои нюансы. Дело не только в том, что успешное воспроизведение лучшей мировой практики является серьезным вызовом, и даже не в том, что за лучшими западными образцами стоят серьезно отличающиеся и трудно совместимые друг с другом бизнес-модели, но и в том, что жизнеспособность бизнес-школы в конечном счете определяется ее инновационностью – систематическим поиском происходящих вокруг перемен и внесением тех нововведений, которые эти перемены делают возможными и необходимыми.

Вторая, более амбициозная точка зрения, состоит в том, что России как самобытной державе с собственной уникальной историей со своеобразным менталитетом народа не нужен ни западный, ни европейский опыт бизнес – образования. Россия в состоянии решить проблемы совершенствования подготовки управленческих кадров самостоятельно, опираясь на собственные традиции экономического образования.

Данный подход нам также кажется, очевидно, несостоятельным. Чтобы не отстать навсегда от развитых в экономическом отношении стран мира, необходимо в ближайшей перспективе создать эффективную систему обучения управленческих кадров.

Третий подход, по нашему мнению, является наиболее приемлемым и заключается в разумной адаптации зарубежной теории и практики бизнес – образования. Он предполагает не слепое копирование, а синтез зарубежного опыта с учетом российской уникальности и самобытности. Специфика подхода также заключается в попытке выявить вызовы времени и определить перспективные потребности и, опираясь на накопленный опыт наиболее передо-

вых структур (на их институциональные, организационные и финансовые решения), построить существенно иную модель, имеющую свое специфическое содержание, методы и технологии, соответствующие российскому менталитету, и ориентированную на будущий спрос.

Это, разумеется, гораздо более сложная, гораздо более рискованная стратегия, нежели слепое копирование передовых образцов настоящего. Создание реплики современных лидеров дает определенные гарантии успеха, тогда как успех или поражение при поиске принципиально новой модели почти непредсказуемы и известны только историкам будущего. Однако стратегия рывка дает все-таки и шанс на создание принципиально нового института, уникального и высокоэффективного в логике будущих потребностей. Это особенно важно в условиях постиндустриального общества, для которого характерно резкое повышение динамизма социально-экономической жизни и неопределенности развития всех сторон жизнедеятельности общества.

Неопределенность долгосрочных тенденций позволяет сделать два вывода относительно построения системы бизнес-образования в России:

1. Создаваемые структуры бизнес-образования должны быть максимально гибкими, адаптивными, то есть способными подстраиваться под быстро меняющиеся вызовы времени. В этой связи, поставщики бизнес – образования должны быть всегда готовы адекватно реагировать на происходящие изменения.

2. Государство не должно играть главенствующую роль как в организации бизнес – образовательных структур, так и в решении проблем их функционирования, поскольку государство обладает ограниченными возможностями адаптироваться к новым вызовам. В этой связи, проекты, претендующие на инновационность, должны быть максимально дистанцированы от государства [3, с. 19].

Государственное регулирование в разумных пределах может быть эффективным при наличии следующих компонентов: качественно новых стереотипах деловой культуры и организованного активного профессионального делового сообщества в области бизнес-образования, устанавливающего и контролирующего процесс следования высоким стандартам качества [4, с. 15].

Таким образом, это выдвигаются дополнительные требования к бизнес-образованию не только в отношении к содержанию учебных программ или к форме их преподавания, но и по вопросам создания особого рода конструктивистской атмосферы, когда на первое место выходит не только обучение цивилизованному бизнесу, но и приобщение к нему. С этой точки зрения, позитивную роль играет освоение западного опыта трансформации стереотипов бизнес-образования.

Список литературы

1. Кузьминов, Я.И. Бизнес-образование в России: состояние и перспективы [Текст] / Я.И. Кузьминов, С.Р. Филонович // Вопросы экономики. – 2004. – №1. – С. 8 – 15.
2. Мхеидзе, Л.Р. Реализация компетентностного подхода в обучении руководителей высшего звена в современных организациях [Текст]: дис. ...канд. экон. наук / Л.Р. Мхеидзе. – Пятигорск, 2012. – 290 с.

3. Gerschenkron, A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays [Text] / A. Gerschenkron. – Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962. – 192 p.

4. Кузьминов, Я.И. Бизнес-образование в России: состояние и перспективы [Текст] / Я.И. Кузьминов, С.Р. Филонович // Вопросы экономики. – 2004. – №1. – С. 8 – 15.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ОТ НОВОГО ВРЕМЕНИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Морковкина А.Г.

аспирант кафедры социологии коммуникативных систем
социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

В статье представлен анализ теоретических подходов к понятию «литературная культура», предпринята попытка проследить динамику компонентов литературной культуры от начала XIX века до наших дней.

Ключевые слова: литературная культура, книжная культура, социология литературы, социология чтения, производство литературы.

Литература играла заметную роль в обществе на протяжении большей части его истории: с развитием книгопечатания и распространением грамотности она приобретала доминантное значение в культуре, выступая средством передачи информации, трансляции ценностей и предпочтительных паттернов поведения, нравственного воспитания личности. Чтение книг было одним из наиболее распространенных форм досуга сначала в кругах элиты, а потом и среди других слоев населения, что говорит о способности литературы быть инструментом воздействия на массовое сознание, генерирующим темы, вокруг которых ведется общественная дискуссия. В разные эпохи литература была летописью неких (реальных или вымышленных) событий, транслятором общественных нравов, социальным критиком и разработчиком новых проектов социального устройства. В настоящее время сложно дать однозначный ответ на вопрос, чем литература является для общества. В современном обществе, с развитием широкого спектра средств массовой коммуникации, литература лишается просветительского «нимба», становится одной из множества форм художественной подачи информации, и человеку становится все сложнее выделять актуальные для него моменты во все возрастающем потоке сведений. Это создает более серьезную конкуренцию, побуждающую авторов и издателей искать иные приемы способные заинтересовать читателя. Кроме этого, новые масс-медиа порождают клиповое мышление, когда потребитель не в состоянии долгое время концентрироваться на однообразной информации, что также накладывает отпечаток на формы и качество производства и потребления литературы.

Существенный аспект сегодняшнего состояния литературы – потеря ее связи с традиционным материальным носителем, бумажной книгой. Книгой теперь может быть и письменный документ на электронном носителе, и аудиофайл, что, безусловно, отражается на специфике потребления литературы. Новизна заключается не только в том, что для чтения пользуются новыми носителями, но и в том, что потребление литературы выходит за рамки просто чтения и осмысления, появляются новые динамичные формы взаимодействия авторов и читателей. Рассматривая современность как незавершенный проект становления общества потребления, можно отметить, что чтение книг является сегодня скорее элементом досуга, одним из видов развлечений, чем средством духовного развития. В связи с расширением досуговой функции литературы изменяется структура читательских предпочтений. Таким образом, очевидно, что мотивы, формы и качество потребления литературы сегодня претерпевают существенные изменения, как и характеристики ее производства и распространения, меняется статус литературы в обществе. Все эти явления требуют обстоятельного и всестороннего социологического осмысления.

Для исследования литературной культуры прежде всего необходимо сформировать определение этого понятия и выявить его сущностные характеристики. В соответствии с подходом российского социолога Б.Дубина, литературная культура включает в себя процессы дифференциации и консолидации литературного сообщества, особенности происходящих в нем коммуникаций, литературные предпочтения читающей публики, а также состояние институтов, распространяющих литературную продукцию, таких, как издательства и библиотеки [7]. Значительно чаще, чем понятие литературной культуры, в научных изданиях используется понятие книжной культуры, которые можно признать практически равнозначными: «книжная культура» – изначально литературоведческий термин, однако использование понятия «литература» представляется более предпочтительным, поскольку оно охватывает более широкий круг явлений, чем только содержание книг. Различие приобретает особую значимость с развитием новых информационных технологий, когда значение, вкладываемое в слово «книга», становится все более размытым. Так, произведения, существующие только в электронном варианте и относящиеся к литературному искусству, могут быть названы книгами лишь с большой натяжкой, но являются важным элементом современного состояния литературы. Посему для определения сущности литературной культуры целесообразно использовать существующие подходы к книжной культуре. Директор Научного центра исследований истории книжной культуры В.И. Васильев предпринимает попытку синтеза определений данного понятия, предлагаемых российскими исследователями. Термин «книжная культура», по его мнению, характеризует состояние общества, его культуры, уровень его технологического развития. Книжная культура как целостная система рассматривается редко, ее классификационные признаки разбросаны по разным работам и во многих случаях носят противоречивый характер.

Для того, чтобы сформировать наиболее полное определение книжной культуры, проанализируем несколько подходов к его толкованию, отобранных В.И. Васильевым. В.И. Гульчинский определяет книжную культуру как исторически обусловленную общественную «деятельность по созданию, распространению, потреблению и хранению книги и других носителей информации». Здесь учитывается в основном материальный аспект производства и потребления литературных изданий. По определению С.А. Пайчадзе, книжная культура – это «уровень, достигнутый книжным делом, в сочетании с исторически сложившимися традициями и реалиями в отношении народа к книге (и печати в целом) в конкретной стране (или регионе) на определенной ступени развития общества». Это определение добавляет к предыдущему аспект места и роли литературы в обществе. В.В. Добровольский включает в определение книжной культуры осознание обществом роли книги на определенных исторических стадиях развития человеческой цивилизации, национального или государственного объединения, этнической общности: групповая или индивидуальная культура чтения, уровень логико-психологического восприятия книжного текста; категории профессионализма в процессе создания книги; социальное воспроизводство книжных традиций. Это определение предлагает наиболее комплексный подход и вводит дополнительный аспект индивидуального восприятия литературы [3].

На основе данных определений можно выделить, как минимум, четыре взаимосвязанных компонента литературной культуры:

- роль, играемая литературой в обществе, сложившееся отношение к литературе, уровень ее включенности в функционирование различных социальных институтов;
- процесс производства и распространения литературных произведений, включающий в себя деятельность писателей, издательств, книготорговых сетей, библиотек и т.п., связанная с этой деятельностью система ролей, образующая каркас литературы как социального института;
- состояние системы коммуникаций, связанных с литературой, которую формируют мероприятия, посвященные литературе, книжные премии, специализированные журналы, рецензии в СМИ, интернет-сообщества и рекомендательные сервисы;
- индивидуальная или групповая культура чтения, восприятие литературы читателем, специфика читательских предпочтений.

Проследим основные моменты динамики перечисленных компонентов в европейской культуре от становления эпохи модерна в начале XIX в. до наших дней.

Роль литературы в обществе

Идея литературы как целостного, организованного социального института модерна впервые актуализируется в творчестве романтиков – к началу XIX века литературная культура обретает свои границы, дающие относительную независимость от политических, религиозных и экономических институтов [6]. Благодаря этому происходит постепенный выход литературы из узких аристократических и научных кругов, появлению массовой литерату-

ры, которая ориентируется уже не на запросы элиты или среднего класса, а на максимально широкую читательскую аудиторию. Обращаясь к обсуждению роли литературы в обществе, рассмотрим то, как она определялось внутри самих литературных направлений. Творчество романтиков, представителей направления, развивавшегося в конце XVIII – первой половине XIX вв., было сконцентрировано на художественном и эмоциональном осмыслении окружающей действительности, облечении исторических событий в символические образы. В трудах Новалиса эта установка отражается следующим образом: «Роман – это есть история в свободной форме, как бы мифология истории... Мы живем в огромном (и в смысле целого, и в смысле частей) романе... Созерцание происшествий вокруг нас. Романтическая ориентация, оценка и обработка материалов человеческой жизни» [17]. При всей символичности, свойственной романтизму, он обращен именно к действительности: «Освоение реальности было фундаментальной задачей романтического искусства... В целом не было еще никогда группы писателей, столь упорно интересующейся фактом, как романтики» [20]. В произведениях романтиков исследуются проблемы определения исторических закономерностей, национальной идентичности, звучат и открыто политические идеи [11].

Если романтизму принято приписывать большее тяготение к эстетике и внимание к внутренним закономерностям функционирования искусства, а также к проблемам личности, реализм XIX века характеризует стремление к точному и объективному воссозданию окружающего мира, критическому осмыслению действительности, оценке существующих социальных противоречий, во многом основываясь на достижениях социальных и естественных наук [11]. Так, по словам Бальзака, задача писателя состоит в том, чтобы «прийти к синтезу путем анализа, описать и собрать воедино основные элементы жизни, ставить важные проблемы и намечать их решение, словом воспроизводить черты грандиозного облика своего века, изображая характерных его представителей» [1]. Литература, относящаяся к направлению реализма, претендует на роль морального ориентира и даже преобразовательной силы, стремящейся задать направление дальнейшего исторического развития. Во второй половине XIX века неоспоримо место литературы в российском обществе: «она была ведущей формой общественного сознания» [12]. Писатель, одновременно являясь гражданином, беспокоящемся за судьбу отечества, активно участвовал в дискуссии о путях общественного развития, в которую вовлекались и критики, и читатели. При всем плюрализме эстетических форм, литература XIX века по большей части обращена лицом к действительности, стремится анализировать реальные общественные проблемы и зачастую выступает действенной идеологической силой.

Реализм не теряет своих позиций и в 20-30-е годы. При этом появляются модернистские течения (экспрессионизм, имажинизм, дадаизм, сюрреализм), отходящие от анализа действительности, часто стремящиеся отказаться от прошлого и уходящие в субъективизм, но при этом точно фиксирующие кризисные явления, связанные с глубокими социальными трансформациями начала века. Широкое распространение в начале XX века имели поли-

тическая литература, в том числе революционной и социалистической ориентации, антимилитаристское движение в литературе, которые активно реагировали на существующие социальные проблемы и предлагали конкретные пути их решения. Внимания заслуживает расцвет жанра антиутопий, в котором глубоко осмысливаются возможные исторические перспективы. С начала XX века заявляет о себе и научная фантастика, рефлекслирующая по поводу бурного развития техники и дающая как обнадеживающие, так и тревожные прогнозы будущего, предопределяемого научно-техническим прогрессом.

Итак, до середины XX века литература по преимуществу выступала средством общественной саморефлексии. Так, Лео Ловенталь полагает, что основной функцией массовой литературы и его времени, и более ранних периодов было не содействие стремлениям уйти от реальности, а предоставление информации о действительности. Он отмечает, что литература стала дешевым и доступным средством ориентации в сбивающем с толку внутреннем и внешнем мире [23]. В неподлинном существовании индивид оказывается жертвой видимости, воплощенной в повседневности, ему необходимо найти себя, проявить способность быть самостью, вырваться из банальной повседневности. Выходом из этого, убежден М. Хайдеггер, является голос совести. «Совесть вызывает самость присутствия из потерянности в людях», подталкивает к стремлению реализовать себя [16].

По отношению к постмодернистской литературе (термин «постмодернизм» в связи с литературой был употреблен в 1971 году американским ученым Ихабом Хассаном) такое заключение вряд ли может быть сделано. Построенная на игре со смыслами, обращающаяся к истории не за примером или руководством к действию, а за материалом для творчества, манипуляции с которым не имеют строгих ограничений. Массовым становится стремление к эпатажу, полному отходу от любых канонов. По словам Б. Дубина, «нарушение культурной нормы, введенное рефлексивно, иронически, в порядке игры, и составляет теперь эстетический факт, начало эстетического для “художника современности”» [6]. С конца XX века экспоненциальное расширение сферы масс-медиа, развитие массовой культуры и распространение потребительских ценностей дают основания выводам о «закате литературной цивилизации», аудиовизуализации культуры, смещении функции литературы от личностного развития к развлечению, ее превращение лишь в одну из категорий товаров. Вместе с тем, литература сегодня все еще изобилует заслуживающими внимания произведениями и продолжает вызывать общественную полемику, хотя, возможно, и менее широкую, чем несколько десятилетий назад.

Производство и распространение литературы

Во взаимодействии писателя и издателя к Новому времени произошел переход от патронажа к отношениям, близким к партнерским. Если со Средних веков до XVIII века сохранялась прямая зависимость писателя от двора и аристократии, то с расширением возможностей дешевой публикации и развитием массового рынка все общественное влияние приобретают фигуры издателя и книгопродавца, производство литературы включается в рыночные ин-

ституты и коммерциализируется. Кроме этого, в конце XVIII века начался рост среднего класса, формирующего новую, более широкую читательскую аудиторию [22]. Все это обусловило начало профессионализации писательского труда. С середины XIX века происходит стремительное расширение литературного производства, связанное со значительным приростом количества писателей и усовершенствованиями в печатном деле, появлением крупных издательских фирм. К концу века это расширение даже приводит к временному кризису, связанному с невозможностью продать большую часть изданной продукции, разрешившемуся с притоком новых групп читателей [18]. В это же время формируется принцип серийности изданий, поддерживавший уже зарекомендовавших себя авторов и способствовавший очищению рынка от низкопробной массовой литературы, начавшей активно тиражироваться с удешевлением печати. С приходом нового века в производство и распространение литературы включаются транснациональные корпорации, крупные монополистические объединения и книготорговые сети, а формы распространения книг во многом подчиняются общим законам рынка.

Одним из основных субъектов распространения литературы долгое время выступала библиотека; в XIX веке по всей Европе основывается множество как научных, так и общедоступных народных библиотек, что, согласно Карштедту, обусловлено, в первую очередь, воздействием складывающихся в это время демократических форм общинного или коммунального самоуправления. В результате формирования национальных государств и осознания ими необходимости сохранения культурного наследия начинают создаваться национальные библиотеки, при этом они появляются только в тех странах, где идеи народного суверенитета развиты в достаточной степени [14]. По данным сравнительных исследований российского и зарубежного библиотечного дела в 20-30-е годы XX века, и в советской России, и в Европе, и в США в этот период происходили демократизация библиотек, оптимизация технологий работы библиотек, усиление внимания со стороны государства и его роли в управлении библиотечным делом, велась работа по повышению культурного развития населения [15]. Это косвенно свидетельствует об активности деятельности библиотек и их востребованности в первой половине прошлого века. Ситуация оставалась аналогичной и в последующие десятилетия. Сегодня же, по данным исследований в России, стремительно снижается и посещаемость библиотек, и качество их фондов [10]. Сегодняшнюю ситуацию, сложившуюся в области распространения литературной продукции, можно назвать переломной, что связано и с частичным замещением письменной культуры визуальной, и с развитием рынка электронных книг. И если в большинстве западных стран осуществляется законная продажа таких книг, то в русскоязычном интернете все еще практически безграничны возможности бесплатного скачивания любой художественной литературы, что угрожает сокращением вознаграждения писателей и последние несколько лет вызывает жаркие дискуссии о том, стоит ли бороться с пиратством в интернете и каким образом.

Коммуникации в области литературы

Говоря о литературных коммуникациях, на самом общем уровне следует отметить процесс постепенного усиления взаимного влияния национальных литератур. В первой половине XIX века «мировая литература» существовала на концептуальном уровне, во второй его половине начинают формироваться межнациональные литературные связи, укреплявшиеся на протяжении XX века [13], а влияние глобализации привело к тому, что в настоящее время не всегда можно провести четкие границы между литературными традициями разных стран, но это и перестает быть значимым. Международные писательские структуры начинают активно складываться в начале XX века. Этот процесс ускоряется с началом Первой мировой войны, когда писатели искали возможность вести диалог через государственные границы. Эта возможность была предоставлена нейтральной Швейцарией, куда съезжались многие писатели из воюющих стран, устанавливая контакты, создавая многонациональные объединения [13].

Литературная критика как одна из форм коммуникации в литературной сфере существовала еще в античности, но за рамки оценки эстетических характеристик произведения она выходит только к XIX веку, становясь в это же время самостоятельной профессией. В этот период критики участвуют в определении программы развития литературы, прослеживают ее связи с историей и современным состоянием общества, занимаются исследованием истории литературы. В XIX веке начинают появляться первые литературные журналы. В 1802 году выходит первый номер журнала «Эдинбургское обозрение», 1894 году появляется «Журнал истории литературы во Франции». Старейший русский толстый журнал – «Вестник Европы», в который входил раздел европейской литературы, был основан в 1802 году Н.М. Карамзиным, сыгравшим важную роль в развитии отечественной критики. «Толстые» журналы пережили свой расцвет в XX веке, выступая основным поставщиком информации о книжных новинках, источником авторитетных суждений и площадкой для дискуссий, сегодня же их влияние стремительно сходит на нет. Это особенно ярко проявляется в современной российской действительности, где среднегодовые тиражи литературных журналов сократились в 30-40 раз [9]. Этот процесс связывают со снижением значимости литературы среди читателей и, как следствие, утратой интереса к ее критике, а также с деполитизацией литературной жизни в 90-е годы [4]. В результате качество критики постепенно снижается, а полноценные рецензии все чаще замещаются анонсами и статьями в глянцевах журналах. При снижении статуса и авторитета литературной критики в России большее значение в настоящее время приобретают разнообразные рейтинги и премии [7]. Литературные премии в Европе и Америке являются сложившимся социальным институтом, зародившимся еще во второй половине XIX века [8], и оказывают существенное воздействие на структуру читательских предпочтений и дальнейшее развитие литературы, но недостаточно развиты и влиятельны в России.

Новой формой коммуникации в литературной сфере стали интернет-сообщества и рекомендательные сервисы, такие как LiveLib, предоставляю-

щие возможности для общения читателей, обмена впечатлениями и подбора книг для чтения, а также литературные порталы со свободной публикацией произведений, самые известные из которых – Проза.ру и Стихи.ру. Системы неформальной коммуникации, пусть на сегодняшний день популярные в не слишком широких кругах, возможно, в дальнейшем поспособствуют выходу литературной культуры на новый виток развития.

Читатель как субъект литературной коммуникации

Фигура читателя как самостоятельного, значимого субъекта вводится романтизмом в рамках общей концепции «современного человека», определяющей характеристикой которого выступала индивидуальность, высокая значимость которой была установлена еще в эпоху Возрождения. Концентрация внимания на отдельном индивиде обусловила декларацию необходимости самообразования и личностного развития, особую роль в котором играла книга. Чтение в таком ракурсе рассмотрения становится одним из инструментов не только приобщения личности к культуре, но и формирования ее индивидуальности, инаковости по отношению к ранее принятому канону. В результате уже в XIX веке складывается новая стратегия построения литературного текста как пакта с читателем, в которой читатель воспринимается как активное действующее лицо, не только воспринимающее смыслы, транслируемые автором, но и привносящее свои интерпретации и идеи [6]. Эта идея выражается, в частности, Шлегелем, который говорит, что писатель в своем творчестве вступает с читателем «в священный союз интимного совместного философствования или поэтического творчества» [19]. Если в отмеченный период чтение воспринимается как симбиоз читателя и писателя, то в воззрениях некоторых теоретиков середины XX века оно практически перерастает в противостояние, становится «ответом, трудом или, как это сформулировал Мишель де Серто, актом браконьерства (*braconnage*)» [21]. В известном эссе «Смерть автора» Ролан Барт полностью отрицает возможность правильного толкования читателем изначальных намерений написавшего текст. По большому счету, согласно этому подходу писатель и сам не выражает личного мнения, не основывается на индивидуальном опыте, а лишь беспрестанно цитирует уже сложившиеся культурные коды [2]. Так, читатель по Барту является не только самостоятельным, но и единственным субъектом, ответственным за конструирование смыслов произведения. Все эти теоретические осмысления роли читателя говорят об осознании его значимой, а иногда и главной, роли в литературной коммуникации.

Начало активного роста количества читателей фиксируется в Европе со второй половины XVIII века, когда чтение становится популярным в широких кругах населения. Этот процесс Р. Эгельзинг называет «читательской революцией», связывая его с переходом от интенсивного чтения к экстенсивному, вызванным широким распространением книгопечатания [5]. В XIX веке наблюдается еще больший рост читательского спроса, который связан, в первую очередь, с распространением школьного обучения, а затем и высшего образования. С развитием гуманитарного образования не только увеличивается численность образованной публики, но и происходит ее диверсификация

[18]. К концу XX века чтение начало утрачивать свою безоговорочную престижность, и в итоге сократилось количество читателей художественной литературы, что многие авторы называют кризисом чтения. Для его преодоления во многих странах, в том числе Франции, США, Великобритании, Германии, с 80-х годов достаточно успешно действуют программы по популяризации чтения. В России подобные практики активизировались только в последние несколько лет, так что судить об их действенности и эффективности еще рано.

Литературная культура современности порождает множество противоречивых суждений, от одобрения до полного неприятия, что, без сомнения, правомерно для любого периода перемен, когда полная картина происходящего еще не раскрыта. К ее пониманию и осмыслению поможет приблизиться тщательная и методологически выверенная исследовательская работа.

Список литературы

1. Бальзак, О. Собр. соч. В 15-и т. / О. Бальзак. – М., 1955. – Т. 15.
2. Барт, Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994. – С. 384-391.
3. Васильев, В.И. Книга и книжная культура как составная часть культурно-исторического процесса: исследовательские тенденции и новые оценки / В.И. Васильев // Книга – источник культуры: проблемы и методы их исследования. – М., 2008. – С. 381-399.
4. Говорухина, Ю.А. Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков / Ю.А. Говорухина – Красноярск: Сиб. федер. Ун-т, 2012. – 358 с.
5. Гуревич, Е.Б. Междисциплинарные исследования чтения в исторической перспективе / Е.Б. Гуревич // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела, 2012. – № 3(Май/Июнь). – С. 79-93.
6. Дубин, Б.В. Классическое, элитарное, массовое: начала дифференциации и механизмы внутренней динамики в системе литературы / Б.В. Дубин // «НЛО», 2002. – №57. – <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/57/dubin.html> (дата обращения 16.02.2015).
7. Дубин, Б.В. Литературная культура сегодня / Б.В. Дубин // Знамя, 2002. – № 12. – <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/12/> (дата обращения 15.02.2015).
8. Дубин, Б.В. Литературные премии как социальный институт. Абрам Рейтблат и Борис Дубин о премиях дореволюционной России / Б.В. Дубин // «Критическая Масса» 2006, №2 – <http://magazines.russ.ru/km/2006/2/re4.html> (дата обращения 21.02.2015).
9. Дубин, Б.В. Между каноном и актуальностью, скандалом и модой: литература и издательское дело в России в изменившемся социальном пространстве / Б.В. Дубин // «Неприкосновенный запас», 2003. – №4(30) – <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/dubin.html> (дата обращения 16.02.2015).
10. Дубин, Б.В. Чтение в России–2008. Тенденции и проблемы / Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 80 с.
11. История всемирной литературы: в 8 томах Т. 6 / гл. ред. Г.П. Бердников. – М.: Наука, 1989. – 880 с.
12. История всемирной литературы: в 8 томах Т. 7 / гл. ред. Г.П. Бердников. – М.: Наука, 1991. – 832 с.
13. История всемирной литературы: в 8 томах Т. 8 / гл. ред. Г.П. Бердников. – М.: Наука, 1994. – 848 с.
14. Карштедт, П. Очерки по социологии библиотек / П. Карштедт // Полит.Ру – <http://polit.ru/article/2005/11/18/karshtedt/> (дата обращения 21.02.2015).

15. Лопатина, Н.В. Библиотека и библиотекарь в социальной структуре прошлого и настоящего / Н.В. Лопатина // Культура: теория и практика. Электронный научный журнал – <http://theoryofculture.ru/issues/32/681/> (дата обращения 21.02.2015).
16. Мамедов, А.К. С чего заканчивается Родина? / А.К. Мамедов. – sultanov.org/content/view/612/ (дата обращения 21.02.2015).
17. Новалис. Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – с.94-107.
18. Шарль, К. Расширение и кризисы литературного / К. Шарль // Вопросы социологии, №1/2, 1993, С. 63-83. – http://sociologos.net/textes/charle/charle.htm#_ednref28 (дата обращения 21.02.2015).
19. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1 / Ф. Шлегель. – М., 1983.
20. Barzun, J. Berlioz and the Romantic Century / J. Barzun. University of Chicago Press, 1982. – 448 p.
21. Chartier, R. Texts, Printing, Readings / R. Chartier // The New Cultural History: Essays Studies on the History of Society and Culture. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1989.
22. Laurenson, D. The Sociology of Literature / D. Laurenson, A. Swingewood – Schocken Books, 1972. – 166 p.
23. Lowenthal, L. On Sociology of Literature // Literature and Mass Culture. Communication in Society, Volume 1. / L. Lowenthal. – Transcation Books, 1984.

ТЕНДЕНЦИИ В ИЗМЕНЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ И РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК У ШКОЛЬНИКОВ г. БЕЛГОРОДА В ПЕРИОД С 2002 ПО 2014 ГОДЫ

Пахомова Л.Э.

профессор кафедры теории и методики физической культуры
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, канд. пед. наук, доцент,
Россия, г. Белгород

Николаева Е.С.

доцент кафедры теории и методики физической культуры
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, канд. пед. наук,
Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются тенденции в изменении основных показателей образа жизни белгородских школьников, в значительной степени обуславливающих их здоровье и качество жизни. Это физическая активность, табакокурение и употребление алкоголя.

Ключевые слова: школьники, тенденции, физическая активность, табакокурение, употребление алкоголя.

Введение. Анализ специальной литературы по вопросу структуры здорового образа жизни свидетельствует о том, что одним из основных его элементов является физическая активность человека.

В.К. Бальсевич рассматривает физическую активность как целенаправленную двигательную деятельность человека, выступающую как природно и

социально детерминированную необходимость, и потребность организма и личности в поддержании гомеостаза, обеспечении морфологических, функциональных, биомеханических и психологических условий реализации генетической и социокультурной программ их развития в онтогенезе и преодоления факторов, ему препятствующих [1].

По мнению А.Г. Комкова физическая активность является самостоятельным социально-педагогическим явлением, сущностным основанием физической культуры личности, обуславливает единство взаимодействия социального, физического и психического в человеке, а также целостность его здоровья, культуры и активности [2].

Анализ специальной литературы свидетельствует, что многие исследователи включают в компонентный состав здорового образа жизни отказ от вредных привычек [3,5,6]. В основном к вредным привычкам относят наркоманию, алкоголизм и табакокурение. Вредные привычки являются одним из основных факторов риска для здоровья детей и молодежи. В механизмах их возникновения и проявления много общего, так как имеет место хроническое отравление химическими веществами, вызывающими изменение толерантности, влечений, зависимость, синдром лишения, негативное воздействие на все компоненты здоровья: духовное, эмоционально-психическое, физическое, соматическое, сексуальное, и конечно, на социальное благополучие индивида [4].

Особенности поведения человека, выражающиеся в его характере или образе действий, формируются под влиянием, как минимум, двух причин: наследственности и условий жизни. Важным обстоятельством формирования привычек является целенаправленное воспитание, которое тесно связано с образованием. От того, какие знания в детстве, в подростковом возрасте получит человек, будет зависеть его мировоззрение, а оно формирует культуру человека.

Целью данного исследования является выявление тенденций в изменении показателей физической активности, табакокурения и употребления алкоголя в период с 2002 по 2014 год, в значительной степени обуславливающих здоровье и качество жизни школьников.

Методы и организация исследования. Метод массового социологического опроса являлся одним из основных в данном исследовании и осуществлялся в условиях участия в международном проекте «Health Behaviour in School-Aged Children» (HBSC) – «Здоровье и поведение детей школьного возраста». Это мониторинговое исследование, которое проводится каждые четыре года. Белгород включен в программу обследования, начиная с 2002 года.

Сбор информации осуществлялся посредством распространения стандартизированных анкет среди учащихся 11, 13 и 15 лет четырех гимназий (№1,2,11,38) г. Белгорода. Одним из условий было опросить не менее 50 мальчиков и 50 девочек каждой возрастной группы. В частности, в 2014 году всего в анкетировании приняли участие 604 респондента, в том числе: 254 мальчика и 350 девочек. Полученные данные были подвергнуты компьютерной обработке с помощью программы, разработанной в СПбНИИФК.

Результаты и их обсуждение. В исследовании анализу подвергнуты показатели физической активности, в частности, количество дней в неделю занятий физическими упражнениями продолжительностью как минимум 60 минут.

Представляло интерес провести количественный анализ занимающихся мальчиков и девочек от одного до трех часов, свыше трех часов в неделю, а также не занимающихся. Кроме того, предпринята попытка выявить изменения в физической активности школьников, произошедшие в период с 2002 по 2014 год, то есть со времени первого обследования, по настоящее время (табл. 1).

Таблица 1

Недельный объем занятий физическими упражнениями у учащихся общеобразовательных школ г. Белгорода, %

Возраст (лет)		Количество дней в неделю занятий физическими упражнениями продолжительностью не менее 60 минут											
		0				1 – 3				4 – 7			
		2002	2006	2010	2014	2002	2006	2010	2014	2002	2006	2010	2014
11	м	0	4	3	9	26	46	23	31	74	50	74	60
	д	2	10	1	3	45	46	46	38	53	44	53	59
13	м	0	9	4	10	46	46	35	25	54	45	61	65
	д	2	12	11	6	68	45	47	49	30	43	42	45
15	м	0	13	1	6	37	49	49	35	63	38	50	59
	д	0	23	9	7	58	44	60	43	42	33	31	50

Данные таблицы в целом свидетельствует о том, что количество белгородских школьников, не посещающих уроки физической культуры, к 2006 и к 2014 году увеличилось. Занимающихся дополнительно, т.е. от 4 до 7 дней в неделю к 2006 году уменьшилось, хотя к 2010 году и далее к 2014 году наметилась положительная тенденция. Это можно объяснить тем, что в системе дополнительного образования по физической культуре и спорту стали предоставлять белгородским школьникам более широкие возможности заниматься различными видами физических упражнений в условиях различных организационных форм. При этом есть необходимость обратить внимание специалистов на формирование интереса школьников к урокам физической культуры.

Анализ специальной литературы свидетельствует, что многие исследователи включают в компонентный состав здорового образа жизни отказ от вредных привычек [5,6]. В основном к вредным привычкам относят наркоманию, алкоголизм и табакокурение.

В данном исследовании выявлялись тенденции в распространенности вредных привычек, таких как табакокурение и употребление алкоголя среди учащихся общеобразовательных школ г. Белгорода. Результаты представлены в таблицах 2 и 3.

В целом количество некурящих школьников в 2010 году стало немного больше по сравнению с данными предыдущих этапов обследования и заметно увеличилось к 2014 году.

Таблица 2

Курение табака учащимися общеобразовательных школ г. Белгорода, %

Возраст (лет)		Частота курения табака															
		Каждый день				Раз в неделю				Менее раза в неделю				Не курит			
		2002	2006	2010	2014	2002	2006	2010	2014	2002	2006	2010	2014	2002	2006	2010	2014
11	м	2	5	4	1	0	2	1	3	2	2	3	0	96	91	92	96
	д	0	1	4	2	0	1	0	0	0	4	1	0	100	94	95	98
13	м	0	4	1	3	12	4	6	1	0	2	1	1	88	90	92	95
	д	3	8	0	5	5	3	0	1	9	5	1	1	83	84	99	93
15	м	18	26	16	10	18	3	4	2	9	6	9	2	55	65	71	86
	д	8	12	4	3	8	6	3	3	8	9	3	2	76	73	90	92

В таблице 3 приводятся результаты опроса учащихся общеобразовательных школ, касающиеся употребления ими алкоголя до значительного опьянения, то есть когда они себя чувствовали по-настоящему пьяными.

Таблица 3

Употребление алкоголя до значительного опьянения учащимися общеобразовательных школ г. Белгорода, %

Возраст (лет)		Частота употребления алкоголя																			
		Никогда				Один раз				2-3 раза				4-10 раз				Более 10 раз			
		2002	2006	2010	2014	2002	2006	2010	2014	2002	2006	2010	2014	2002	2006	2010	2014	2002	2006	2010	2014
11	м	85	85	88	95	13	5	10	5	2	6	0	0	0	0	0	0	0	4	2	0
	д	93	89	97	95	7	9	3	2	0	2	0	1	0	0	0	2	0	0	0	0
13	м	79	85	87	88	12	5	9	9	9	6	1	2	0	2	0	1	0	2	3	0
	д	76	62	87	92	17	20	8	2	7	10	4	4	0	1	1	2	0	7	0	0
15	м	49	53	50	72	15	22	23	13	9	10	21	9	18	10	3	3	9	5	3	3
	д	54	54	59	80	20	25	27	11	20	12	7	5	6	7	6	1	0	2	1	3

Наблюдается та же тенденция: количество мальчиков и девочек, неоднократно употреблявших алкоголь до значительного опьянения, немного уменьшилось к 2006 году и продолжало уменьшаться к 2014 году.

Заключение. В результате социологического исследования выявлены следующие тенденции:

- количество школьников, не посещающих уроки физической культуры увеличивается, в связи с чем необходимо изучение основных причин этому;
- наметились положительные сдвиги в приобщении белгородских школьников к занятиям физическими упражнениями вне уроков физической культуры, т.е. на самостоятельных началах, что характеризует направленность их интереса;
- уменьшение количества школьников, курящих табак и систематически употребляющих алкоголь до значительного опьянения согласуется с увеличением количества школьников, занимающихся физическими упражнениями вне учебного времени.

Список литературы

1. Бальсевич, В.К. Онтокинезоология человека [Текст] /В.К. Бальсевич. – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с.

2. Комков, А.Г. Социально-педагогические основы формирования физической активности детей школьного возраста [Текст]: Автореф. Дис. ... д-ра пед. наук /А.Г. Комков. – СПб., 2000. – 54 с.
3. Лаптев, А.П. Физическая культура и спорт в формировании здорового образа жизни [Текст]/А.П. Лаптев //Теория и практика физической культуры. – 1986. – № 7. – С. 13.
4. Морозов, М.А. Девиантное поведение: алкоголизм, наркомания, курение табака / Основы валеологии: Учеб. пособие под ред. В.П. Соломина, Л.П. Макаровой, Л.А. Поповой [Текст] /М.А. Морозов и др. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – С. 123 – 156.
5. Попов, С.В. Валеология в школе и дома (О физическом благополучии школьников) [Текст]/С.В. Попов. – СПб.: СОЮЗ, 1997. – 256 с.
6. Салов, В.Ю. Теоретико-методические основы здорового образа жизни учащейся молодежи [Текст]/ В.Ю.Салов: Монография /СПбГАФК им. П.Ф.Лесгафта. – СПб.: ООО «Издательство «Петрополис», 2001. – 100 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА К ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРОЙ

Прах Д.А.

магистрант кафедры социальных технологий Института управления
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
Россия, г. Белгород

В статье рассматривается ряд специфических особенностей управления проектами в образовательной сфере, осуществляемого органами государственной власти. Обозначаются четыре основных фактора, отличающих подобного рода проекты от остальных, и определяющих специфику работы команды проекта.

Ключевые слова: управление проектами, государственное и муниципальное управление, образовательная сфера.

В последние годы в России набирает популярность практика проектного управления. Помимо коммерческих структур проектный подход начинают применять органы государственной и муниципальной власти. Принципы проектного менеджмента применяются при решении управленческих задач как на федеральном, так и на региональном уровнях. Это позволяет оптимизировать распределение материальных и кадровых ресурсов, улучшить взаимодействие, а также повысить степень личной ответственности вовлечённых в проект исполнителей.

Согласно ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом», проект – «это комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на создание уникального продукта или услуги в условиях временных и ресурсных ограничений» [2]. Согласно определению Всемирного банка, проект – «это комплекс взаимосвязанных мероприятий, предназна-

ченных для достижения в течение заданного периода времени и при установленном бюджете поставленных задач с четко определенными целями» [3, с. 8]. Таким образом, ключевой особенностью проекта является получение конкретного результата в заранее определённый срок. Жизненный цикл проекта включает в себя четыре фазы: инициация, планирование, реализация, закрытие. Особую важность представляет фаза планирования, поскольку именно на этом этапе происходит определение требований к конечным результатам проекта, распределение времени, ресурсов, выделение в рамках проекта конкретных работ и назначение исполнителей, ответственных за их выполнение.

Одним из регионов, в которых проектное управление становится неотъемлемым слагаемым деятельности органов государственной и муниципальной власти, является Белгородская область. Применение принципов проектного управления в органах исполнительной власти и государственных органах Белгородской области регулируется постановлением Правительства Белгородской области № 202-пп от 31 мая 2010 года «Об утверждении положения об управлении проектами в органах исполнительной власти и государственных органах Белгородской области» [1]. Уполномоченным органом области по разработке и внедрению системы управления проектами является департамент внутренней и кадровой политики Белгородской области в лице отдела организации проектного управления. Существующая в области модель построения проектного управления появилась в результате адаптации существующих принципов и требований современных практик проектного управления зарубежных стран. Особенностью модели, используемой на Белгородчине, является применимость её как внутри органов власти, так и по отношению к проектам, реализуемым совместно с бизнес-сообществом.

Сфера образования Белгородской области в этом смысле не является исключением. В данной статье мы рассмотрим особенности реализации проектов, вытекающие из реальной практики проектного управления в данной сфере.

Как показывает опыт реализации таких проектов, как проект по модернизации профессионального образования региона, большую роль играет оперативное управление реализацией проекта. Поскольку сфера профессионального образования представляет собой достаточно сложный механизм, включающий в себя большое количество образовательных организаций различного профиля, объединяющий большие преподавательские коллективы, значительный контингент обучающихся, а также обширную материальную базу, процесс её модернизации, особенно подразумевающий внедрение инновационных подходов к образовательному процессу (таких как внедрение системы дуального обучения), является достаточно сложной управленческой задачей. Для решения данной задачи одинаковую важность представляет собой как изначально верная оценка сложившейся ситуации, основанная на всестороннем анализе состояния системы, так и последующий мониторинг хода реализации проекта и получаемых результатов. Внедряя новые подходы в систему образования, команда проекта выступает в роли первопроходцев, что обуславливает как большое количество и разнообразие рисков, так и значитель-

ное количество новой информации, которая подлежит анализу и осмыслению в разрезе влияния на пути достижения целей проекта. Поскольку сфера образования крайне важна с точки зрения государственной стратегии и государственных интересов, команда проекта должна проявлять высочайшую степень ответственности и моральную готовность к корректировке проектных показателей, вплоть до закрытия проекта, если он продемонстрирует свою неэффективность либо негативное влияние. Так, в ходе реализации проекта может выявиться неадекватность изначально выбранной модели, что повлечёт за собой отличие фактических результатов от запланированных. Кроме того, могут выявиться дополнительные, неучтённые ранее факторы, влияющие на успех реализации проекта. Задачей оперативного управления является управление проектом в процессе его реализации с учетом достигнутых результатов и изменившихся внешних и внутренних условий. Учитывая сложность и наличие огромного числа переменных, характеризующих сферу образования, своевременное обнаружение противоречий между плановыми значениями управляющих параметров и фактически складывающейся ситуацией, выявляющей принципиальную невозможность либо нецелесообразность достижения этих значений, а также способность оперативно устранять эти противоречия, становится залогом успешной реализации проекта.

Вторым фактором, определяющим специфику управления проектами в сфере образования, является обусловленность процесса управления сроками проекта продолжительностью учебного года (учебного семестра). Так, внедрение новых или изменение существующих элементов системы образования зачастую невозможно раньше окончания учебного года, так как в противном случае такие действия могут нанести ущерб образовательному процессу, либо вступить в противоречие с действующими образовательными стандартами и/или учебными программами. Таким образом, команда проекта, как на этапе планирования, так и на этапе управления проектом вынуждена работать в жёсткой привязке к продолжительности и срокам начала и окончания учебных периодов. Это также влияет и на общую продолжительность реализации проекта – многие проекты в сфере образования должны реализовываться в течение нескольких лет.

Третьим специфическим фактором, присущим реализации проектов в образовательной сфере, является особенность определения плановых показателей проекта. Так, в Белгородской области действует 36 профессиональных образовательных организаций различного профиля, расположенных как в областном центре, так и в районах области. Образовательные организации существенно различаются как по величине, так и по степени материальной оснащённости, преподаваемым профессиям/специальностям, кадровой обеспеченности. Поэтому органы государственной власти, выступающие учредителями разнопрофильных профессиональных образовательных организаций, при реализации проектов, направленных на модернизацию системы профессионального образования, должны учитывать специфику каждой организации. Ключевыми характеристиками самих проектов и подходов команд проектов должны стать гибкость и способность находить оптимальный подход

ко всем элементам системы. Так, при определении плановых показателей проекта предпочтительным является использование не однозначных цифр, а создание определённых «окон». В таком случае, по окончании проекта все образовательные организации должны соответствовать тому или иному критерию в пределах значений «от X до Y». Это расширяет управленческие возможности для команды проекта, позволяет максимально реализовать потенциал наиболее сильных элементов системы и при этом не требовать невозможного от более слабых. В рамках определённого диапазона значений показателей команда проекта, задействовав административный ресурс, может предписывать достижение конкретных значений для каждой образовательной организации на основании всестороннего анализа её потенциала. Это позволяет обеспечить поле для манёвра и избежать действий, позволяющих достичь цели проекта, но способных оказать негативное влияние на систему в долгосрочной перспективе.

Четвёртым специфическим фактором реализации проектов в сфере образования является необходимость непрерывного и углубленного мониторинга ситуации, включающего в себя не только сбор и обработку формальных данных, таких как отчёты, календарные планы-графики и т.п., но и мониторинг ситуации в «полевых условиях», встречи с представителями образовательных организаций, обзор ситуации на местах. Залогом успеха является налаживание командой проекта конструктивных взаимоотношений с представителями учебных заведений, открытый диалог с ними, позволяющий выявить все проблемные места и избежать разрыва между реальностью и отчётными данными.

Как было сказано выше, образовательная сфера является сектором, имеющим высочайшее государственное значение, поэтому при реализации проектов в этой сфере требуется учёт её специфики и готовность оперативно реагировать на любые изменения фактической ситуации. Специфика реализации проектов в системе не исчерпывается перечисленными факторами, однако они непременно должны учитываться командами проектов для успешного достижения требуемых результатов.

Список литературы

1. Об утверждении положения об управлении проектами в органах исполнительной власти и государственных органах Белгородской области [Электронный ресурс] : постановление Правительства Белгородской области от 31 мая 2010 г. № 202-пп // Департамент внутренней и кадровой политики Белгородской области. – Режим доступа: http://dkp31.ru/sites/default/files/doc/postanovlenie_pravitelstva_no202-pp_polozhenie_ob_upravlenii_proektami_aktualnaya_redakciya.doc
2. ГОСТ Р 54869-2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : [сайт] / ЗАО «Кодекс». – Спб., 2012-2014 . – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-54869-2011>.
3. Лукманова И.Г. Управление проектами [Текст] / И.Г. Лукманова, А.Г. Королев, Е.В. Нежникова. – М.: ФГБОУ ВПО «Моск. гос. строит. ун-т». – 2013. – 172 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И ПОТРЕБЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ткаченко О.В.

преподаватель кафедры социальной работы
Волгоградского государственного медицинского университета, канд. соц. наук,
Россия, г. Волгоград

В статье представлен анализ современных социальных отношений между субъектами предоставления и потребления медицинских услуг в современной России. Изучая историю становления института медицины и особенности современного функционирования субъектов предоставления медицинских услуг, автор описывает основные опасности и риски, характерные для потребителя.

Ключевые слова: социальные отношения, государство, потребитель, медицинские услуги, врач, пациент.

Современный институт медицины имеет определенные исторические особенности становления и развития. В результате социальных, политических и экономических изменений, произошедших в конце XX в., связь медицины и общества приобретает качественно новое измерение [1, <http://medical-diss.com/>]. Медицина становится самостоятельным институтом, которая имеет потенциал выявления проблем во всем диапазоне общественного здоровья. В основе медицинской деятельности лежит гуманистическая цель, которая не согласуется с условиями рыночной экономики, что требует поддержки незащищенных слоев населения со стороны государства в вопросе обеспечения медицинской помощью посредством проводимой социальной политики. Современная социальная политика государства имеет догоняющий характер формирования, что приводит к резкому ухудшению качества и эффективности медицинского обслуживания, которая в большинстве своем основывается на попытке подстроиться под современные международные стандарты.

Государственная политика призвана определять и контролировать деятельность медицинских учреждений, которые являются следующими субъектами предоставления медицинских услуг.

Являясь непосредственными субъектами предоставления медицинских услуг, их деятельность зависит не только от специализации, но и от источника их финансирования, особенностей региона. Несмотря на то, что региональные министерства здравоохранения реализует политику государства, ее деятельность и субсидирование зависит от географического положения, численности населения, экономических особенностей, специфике развития инфраструктуры, характерных для данного региона заболеваний, опытом работы и личностными качествами руководителя.

Последним уровнем предоставления медицинских услуг является медицинский персонал. Новые социально-экономические условия внесли суще-

ственные изменения в концептуальную основу предоставления и потребления медицинских услуг в диаде «врач-пациент».

Так, до эпохи перестройки превалировала медицинская помощь, ориентированная на ценность здоровья и жизни человека [2, С. 74]. Выражение «оказание медицинской помощи» предполагает, что человек, находясь в сложном, зависимом положении, нуждается в деятельности врача, ориентированного на ценностнорациональный тип действия, где ценностью выступает не только здоровье и жизнь человека, но и он сам, его чувства, ощущения. Неслучайно деятельность медицинских работников ассоциируется с состраданием, сочувствием, жалостью, в которой пациент нуждается больше, нежели в лекарстве.

Современные рыночные отношения, которые перешли и в сферу медицины, стали ориентироваться на целерациональный тип действия с позиции не только врача, но и пациента. С точки зрения врача целерациональность определяется ориентацией на личные цели своей профессиональной деятельности, а именно зарабатывание денег, удовлетворение профессиональных амбиций. С точки зрения пациента обращение за медицинской помощью ориентировано преимущественно на необходимость быстрого восстановления работоспособности, для достижения определенного уровня жизни, а не поддержания удовлетворительного состояния здоровья. С одной стороны, обычный человек теперь имеет достаточно ресурсов (информация, знания, деньги) для того, чтобы принимать активную позицию в отношении своего здоровья, выбора медицинской организации, врача, контролировать качество и отстаивать свои права, так же как потребление обычного товара [3, с. 101]. С другой, традиция доверия к государственным учреждениям, отсутствие рынка медицинских услуг ранее не позволило человеку сформировать навыки ориентации в сфере медицинских услуг. Человек не имеет опыта потребления, не умеет ориентироваться в медицинских организациях, не знает, кому доверять и как оценить качество лечебного процесса.

Итак, в современных условиях полноправный субъект процесса предоставления-потребления услуг, человек получает возможность объективно оценивать качество и эффективность, иметь свободу выбора, права и обязанности. Однако данные изменения отразились на основной цели оказания профессиональной медицинской деятельности. Вместо ценности здоровья и жизни приходит значимость личной выгоды, финансового вознаграждения со стороны, как врача, что негативно отражается на качестве предоставления медицинских услуг и приводит в вероятности возникновения рисков для пациентов.

Список литературы

1. Боязитова А.Н. Медикализация как социальный процесс [Электронный ресурс]/ А.Н. Боязитова. Автореферат. Режим доступа: <http://medical-diss.com/>
2. Покуленко Т.А. Принцип информационного согласия: вызов патернализму [Текст]/ Т.А. Покуленко // Вопросы философии. – 1994. – № 3. – С.73-76.
3. Шилова Л.С. Реформы здравоохранения как источник новых рисков для здоровья [Текст]/ Л.С. Шилова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2008. – 230 с.

ИННОВАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ И ИННОВАЦИОННОЕ МЫШЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ

Токарева Г.А.

профессор кафедры истории и философии
Камчатского государственного технического университета, д.филол.н., доцент,
Россия, г. Петропавловск-Камчатский

В статье уточняются понятия «инновационное сознание» и «инновационное мышление», обосновывается необходимость установления различия между двумя типами инновационного мышления на различных этапах инновационного цикла. Рассматривается природа этих двух типов мышления, выявляются внешние и внутренние факторы, влияющие на их формирование, и на этом основании осуществляется выбор мер воздействия на сознание личности с целью регулирования ее инновационного мышления.

Ключевые слова: инновация, инновационное сознание, инновационное мышление, мотивация, регулирующее воздействие, инновационный климат, инновационная активность.

Проблема инновационного мышления неоднократно становилась объектом научного рассмотрения. Инновационное мышление интерпретировалось как когнитивный, психологический, социальный феномен; предпринимались попытки определить сущность понятия, рассмотреть структуру явления, обосновать необходимость формирования нового типа мыслительной деятельности в условиях интенсификации инновационных процессов. Назрела необходимость систематизировать наработанные материалы, выделить наименее исследованные зоны проблемы, предложить конкретные наработки по ряду направлений исследования. Таким образом, главную задачу данной публикации мы видим в систематизации исследовательских материалов, уточнении некоторых терминологических понятий и в разработке перспективы дальнейших исследований.

Необходимость такого упорядочения материала возникла в связи с междисциплинарностью изучаемого феномена: проблему инновационного сознания и инновационного мышления и их регулирования целесообразно рассматривать как с позиций философии (теории познания), так и с позиций психологии (социальной психологии и психологии личности). Не менее активна в данной проблеме и педагогическая составляющая, так как развитие инновационного мышления связано с инновационными технологиями в обучении специалистов с новым типом ментальности. Актуальны для изучения проблемы и социально-экономические знания, поскольку закономерным завершением инновационного цикла является внедрение научной новации в производство.

Комплекс выше названных дисциплин напрямую зависит от трактовки исходного термина «инновация», который был введен Й. Шумперером и трактовался как изменения с целью внедрения и использования новых товаров. «В инновациях, – уточняет современный исследователь, – создаются ра-

дикально новые технологии и продукты, которые призваны совершить революцию на рынке» [2]. Термин «инновация», однако, в последнее время получил расширительное значение и используется не только применительно к социально-экономическим сферам. Ключевым понятием, дающим право называть радикальные нововведения в сфере социально-гуманитарных наук инновацией, является понятие коммерциализируемости новшества. Наблюдается тенденция к ослаблению такого параметра инновации, как ее соизмеримость с мировыми показателями. Один простой пример: в образовании уже общеупотребительным становится термин «инновационная педагогическая деятельность», под которой подразумевается создание и апробация новых технологий в обучении. Однако степень их новизны по сравнению с ранее изобретенными и апробированными на западе педагогическими технологиями минимальна. Можно ли их позиционировать как инновационные? Если подразумевать адаптацию известных технологий обучения к отечественной образовательной системе (речь не только об общем или высшем образовании, но о системе непрерывного образования в целом), то, вероятно, – да, поскольку при их внедрении необходим учет всей образовательной инфраструктуры, специфики национальной ментальности и особенностей социально-экономической системы российского общества на данном этапе его развития.

Таким образом, мы будем говорить 1) об инновационном сознании и мышлении с учетом современного расширительного понимания термина «инновация»; 2) мы акцентируем внимание на специфической дискретности инновационного процесса, который понимается как трехчастный: первая его ступень связана с созданием инновационного интеллектуального продукта, две последующие – с технологией его внедрения и коммерциализацией полученных результатов. На разных этапах инновационного цикла действуют разные субъекты инновационного сознания. Эта разделенность детерминирует и многоаспектность самого процесса, и многообразие методологий, лежащих в основе его изучения.

Проблема была бы более простой, если бы ее изучение касалось только двух последних этапов цикла. Экономисты, в принципе, так и поступают – ведут речь лишь о процессе внедрения и коммерциализации новшества. Зачем все усложнять, если понятие «инновация» возникло только в связи с новыми тенденциями в управлении социально-экономической сферой, а новаторство как рождение новых идей существовало всегда и существовало вполне автономно от экономических процессов? Тем более что термин «инновация» употреблялся изначально в более узком смысле.

Но проблема приобрела комплексный характер, как только специалисты заговорили об инновационном сознании и мышлении. Ибо актуальным этот вопрос оказался, когда стало ясно: можно просто порождать новшество, а можно при этом еще улавливать необходимость его порождения в каждом конкретном случае, а это уже связано с осмыслением учеными и экономической, и финансовой, и организационной составляющей всего цикла. Так когда же и как формируется инновационный тип мышления и можно ли его регулировать?

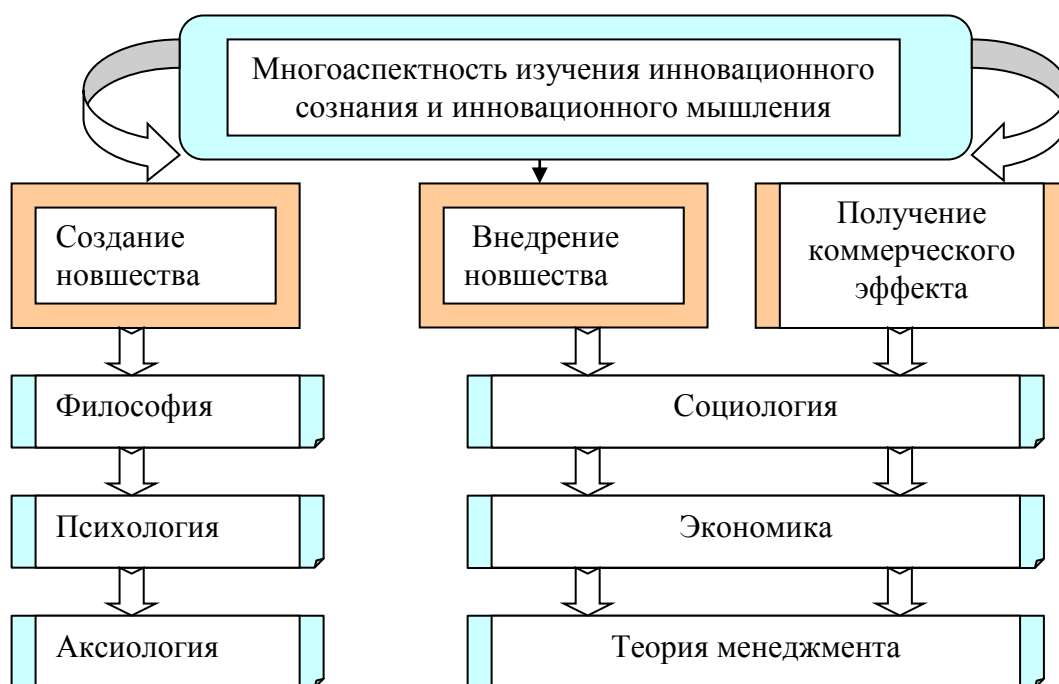

Рис. 1. Многоаспектность изучения инновационного сознания и мышления

Под инновационным мышлением традиционно понимается мышление, включающее цели, мотивы, ориентации, психологические установки, направленные на осуществление инновационных изменений. Целый ряд источников позиционирует мышление как некий способ освоения действительности, тем самым максимально абстрагируя понятие. В этом случае мышление трактуется как некий инструмент познания, имеющий определенную структуру. «Суть мышления как отражательного процесса, – утверждает группа исследователей, – едина, но его явление многообразно соответственно специфике изучаемого объекта. Поэтому существует мышление экономическое, техническое, врачебное, педагогическое, экологическое, психологическое и т.д. [1, с.26]. В данном высказывании заключено внутреннее противоречие: мышление одновременно трактуется как процесс (познавательная деятельность) и как инструмент познания.

Мы опираемся на формулировки Новейшего философского словаря и видим в мышлении, прежде всего, «категорию, обозначающую процессуальность функционирования сознания (познавательную деятельность) традиционный предмет философствования, присутствующий в его структуре с момента возникновения философии как таковой» [4]. В этом случае, было бы, по меньшей мере, странно говорить, например, об «экономическом мышлении». Возможно, названным авторам было бы более корректно говорить об «экономическом сознании» как продукте обобщающей деятельности. «Сознание – находим в Современной энциклопедии, – одно из основных понятий философии, социологии и психологии, обозначающее человеческую способность идеального воспроизведения действительности в мышлении» [8]. Достаточно часто в социологической и экономической научной литера-

туре эти категории выступают контекстуальными синонимами, что, с нашей точки зрения, некорректно и привносит в решение обозначенной нами проблемы терминологический и семантический сумбур.

Итак, будем понимать под сознанием (при этом отделяя сознание как функциональный феномен от сознания как продукта мыслительной деятельности) некую систему воспроизведенных представлений об окружающей действительности, выстроенную на основе способностей человека к абстрактному мышлению, а под мышлением – все же процессуальную категорию. И сознание, и мышление могут быть как индивидуальным, так и социальным, и это сближает данные два понятия.

Размышляя об инновационном сознании и об инновационном мышлении, мы будем говорить о **формировании** инновационного сознания и о **развитии** инновационного мышления.

Можно ли говорить о формировании инновационного типа сознания на этапе подготовки и создания интеллектуального продукта? Наука, изучая сложные ментальные процессы, почти не занималась исследованием этапа рождения самого новшества, полагая, что процесс инновационного научного прорыва не подлежит регулированию. Действительно, ни один последователь Ньютона не может при всей своей гениальности просчитать, когда же на его голову упадет желанное яблоко. Абсолютно логично трактовать процесс творческого мышления как сугубо индивидуальный и индетерминированный. Но истории науки также хорошо известно, что открытия свершаются именно в условиях концентрации научного знания в определенной сфере, когда открытие, как говорится, «витают в воздухе»; и это момент перехода количества в качество. Сам прорыв осуществлялся благодаря интеллектуальной деятельности особо одаренных индивидов, но времена, когда гениальные открытия совершались только за счет исключительной одаренности личности, уже миновали. Современная наука – огромное поле коллегиальных исследований, и информационное общество в полной мере обеспечивает доступность новой научной информации каждому члену интеллектуализированного научного сообщества. Поэтому реализация одного из базовых законов диалектики – перехода количества в качества – осуществляется за счет глубинной проработки той или иной проблемы целым коллективом (или коллективами) ученых при несомненно большой роли особо одаренных индивидуумов. При этом чередование периодов интеллектуальной активности и интеллектуальной стагнации остается по-прежнему подчиненным закону периодической сменяемости – закону, формирующему модель развития общества в целом и его составляющих в частности (теория неравновесных систем И. Пригожина, «аполлонизм и «дионисийство» Ф. Ницше, теория «культурного взрыва» Ю. Лотмана и т.п.). Не будет ли логичным предположить, что период максимальной инновативности социума детерминирован как внешними факторами – общими законами «синусоидального» развития всех систем, так и внутренними факторами – активизацией творческого потенциала личности?

Итак, формирование инновационного сознания личности обусловлено действием общих диалектических законов развития общества, является про-

дуктом активности индивидуального и индетерминированного творческого мышления, но при этом является еще и результатом воздействия на человека внешней среды, а именно, социально-экономических условий. Совершенно справедливо социологи и экономисты важнейшим условием формирования инновационного сознания считают наличие в обществе так называемого инновационного климата. Под благоприятным инновационным климатом понимается, в первую очередь, система мер поддержки государством инновационной деятельности на уровне инвестиций в человеческий капитал.

Говоря о развитии инновационного мышления на первом этапе цикла, целесообразно конкретизировать понятие «благоприятный инновационный климат» и включить в него систему мер по развитию инновационного мышления. Мы имеем в виду трактовку термина в более узком, психологическом смысле, когда под ним понимается креативная атмосфера в коллективе, рабочей группе, профессиональном сообществе, ориентированном на инновации. Для социальных психологов подобный инновационный климат становится специальным объектом исследования, что в результате дает нам ряд ценных наблюдений, связанных с межличностными отношениями, приоритетными мотивациями участников группы, с типом темперамента членов творческого сообщества и их инновационной мобильностью [6, 7]. Все эти факторы должны быть приняты во внимание, когда речь идет о структуре инновационного сознания на этапе создания интеллектуального продукта.

«Процессуальное мышление, – читаем далее в Новейшем философском словаре, – есть особая деятельность, которая подлежит нормировке и организации. Такое мышление требует к себе технического отношения, является объектом формализации, проектирования или моделирования» [4]. Эта мысль нам близка и выводит исследование на следующий логический этап: как можно развивать инновационное мышление при помощи конкретных обучающих технологий на этапе «воспитания» инновационно ориентированной личности. Закономерно возникает и вопрос: на каком этапе цикла актуализируются факторы внешнего влияния на сознание индивида, когда оказывается возможной «нормировка и организация» мышления?

Вернемся к понятию «инновационное сознание». «Инновационное сознание, пишет психолог А.А. Поскряков, – характеризуется такими параметрами: а) преобладание ориентации на инновационную деятельность по сравнению со стандартной; б) наличие оценки (или шкалы) инновативности; в) устойчивая (но не чрезмерная) мотивация; г) инновационные потребности; д) инновационные замыслы» [6]. «Инновационное сознание, – пишет другой исследователь, Е.Г. Павлова, – формируется в процессе осуществления нововведений» [5]. С этим мы не можем никак согласиться, учитывая все изложенное ранее. Разделяя на две части инновационный процесс (этап создания инновации и этап ее внедрения и коммерциализации), автор понятие «инновационное сознание» использует применительно только ко второму, имея в виду вполне регулируемый и воспитываемый творческий подход к внедрению новшеств. Естественно, что в этом случае «инновационное сознание» трактуется как часть экономического. Его структурными компонентами ста-

новятся «активное содействие внедрению нововведений» и стремление к «личному продвижению в организационной иерархии», а в качестве мотивации к инновационной активности выступает получение дополнительного дохода или потребность в личностной самореализации [5]. Таким образом, факторы, влияющие на формирование инновационного сознания на первом и последующих этапах инновационного цикла, различны, как различны и носители этого сознания – субъекты инновационной деятельности.

Рис. 2. Факторы, влияющие на формирование инновационного сознания

Анализ названных работ все больше склоняет нас к выводу о том, что под «инновационным сознанием» на разных этапах инновационного цикла следует понимать все-таки разные вещи, и развивать мышление тоже необходимо по-разному. При этом несомненна некая инвариантная основа обоих процессов, связанная с понятием «новаторства». Новаторский подход актуа-

лен как в процессе создания интеллектуального продукта, так и в процессе внедрения новшеств. Однако при всей схожести основ этого процесса, все же приходится констатировать, что есть «инновационное мышление» и «инновационное мышление». Это отличные явления, хотя, повторимся: речь идет не о радикальном отличии.

Развитие инновационного мышления второго типа осуществляется на основе различных форм воздействия на человека. Это, прежде всего, различная мотивация к введению новшеств (финансово-экономическая, личностно-профессиональная, эмоциональная и др.). Большинство специалистов, исследовавших феномен инновационного мышления с позиций психологии, на первый план в структуре инновационно ориентированной личности выдвигают именно мотивационный компонент. Можно добавить к выше приведенному перечню мотивов и желание «быть в тренде», то есть, как это ни парадоксально, следовать общей моде. Правда, в этом случае, речь идет о принятии не содержания, а лишь формы явления, и соответственно, такая мотивация не продуктивна.

Во-вторых, это инновационное мышление развивают многочисленные обучающие и тренинговые технологии *практико-ориентированного характера*, организующие предметно-практическую и материально-преобразующую деятельность индивида. В отличие от первого этапа, где можно развивать творческое мышление, но нельзя научить творить, на этапе внедрения и коммерциализации новшества востребованными оказываются такие формы обучающей деятельности, как моделирование, создание игровых ситуаций, прямой обмен инновационным опытом. Инновационный образовательный менеджмент – это, прежде всего, управление знаниями обучающихся, при этом максимальный эффект по формированию нового типа научной ментальности достигается за счет реализации целого комплекса мер психолого-педагогического и организационного характера.

Итак, субъектами инновационного мышления на разных этапах инновационного цикла являются разные индивидуумы. Мышление, которое мы называем инновационным, на разных этапах цикла, отличается. Структура этих типов мышления соответственно будет разная, даже при наличии сходных компонентов, их позиции в перечне инновационных качеств личности будут различными.

И в каждом случае развивать эти различающиеся типы инновационного мышления следует по-разному.

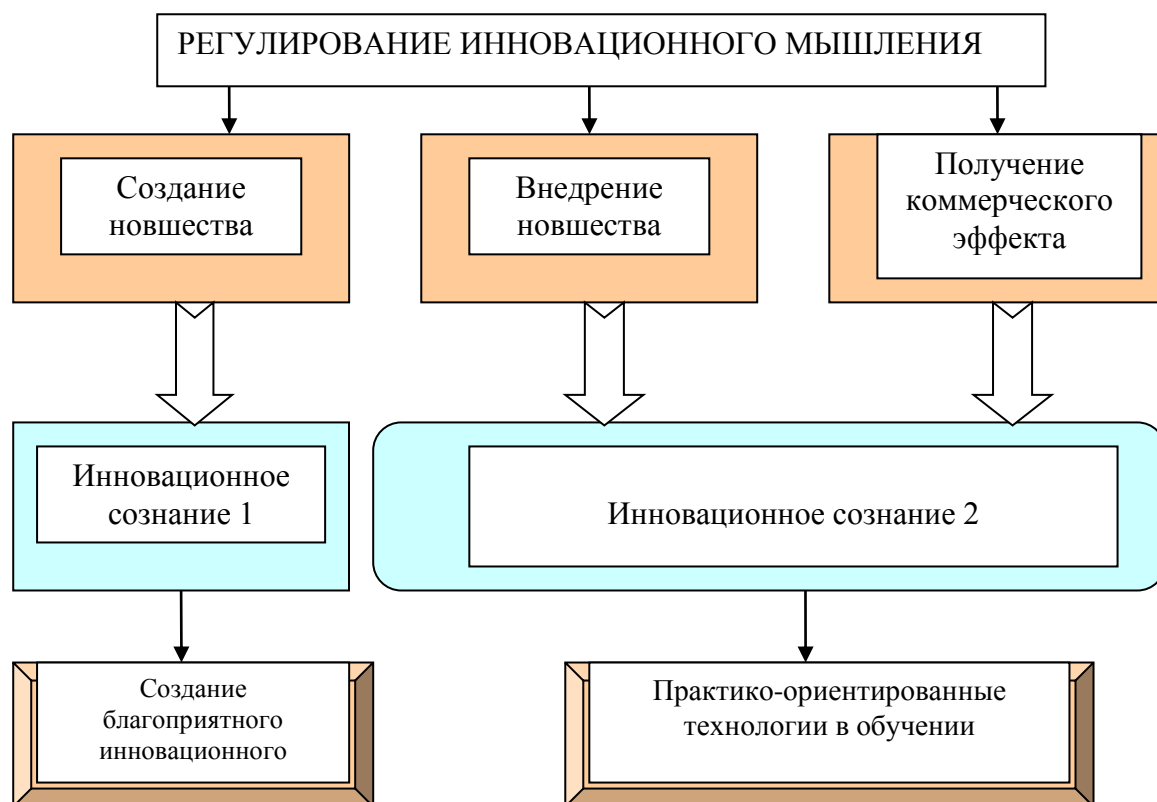

Рис. 3. Регулирование инновационного мышления

В первом случае мы должны делать ставку на развитие интеллектуального потенциала молодежи в условиях учебно-научного учреждения (справедливо мнение о том, что этот вид воздействия следует начинать реализовывать, как говорится, уже со школьной скамьи). На этапе порождения интеллектуального продукта будет важным последовательный процесс выстраивания инновационной инфраструктуры вуза, обеспечивающий первый этап инноваций – разработку интеллектуального продукта, планируемого к коммерциализации.

Во втором случае более актуально обучение кадров в рамках системы повышения квалификации на основе практико-ориентированных технологий, и речь идет уже в основном о дополнительном образовании состоявшихся специалистов.

Таким образом, прояснение понятий «инновационное сознание» и «инновационное мышление» приобретает прикладное значение и предопределяет дальнейшее направление нашей исследовательской деятельности.

Список литературы

1. Газизуллин, Ф.Г., Газизуллин, Н.Ф., Газизуллин, Т.Ф. Проблемы модернизации перехода к инновационной экономике [Текст] / Ф.Г. Газизуллин, Н.Ф. Газизуллин, Т.Ф. Газизуллин // Проблемы современной экономики, N 3 (43), 2012. – С. 25 – 26.
2. Камалов, А.М. Федотова, М.А. Методы оценки стоимости инновационно активных компаний // Становление, развитие и перспективы оценочной деятельности в России. Тез. докл. I-й междунар. конф. 25-26 ноября 2008 г. – Москва, 2008 / [Электронный ресурс] / А.М. Камалов, М.А. Федотова – Режим доступа: <http://www.appraiser.ru/UserFiles/File/kongress/section3/Fedotova.pdf>

3. Капустина, Г., Мальковская, О. Инновационное мышление. Корпоративная академия Росатома [Электронный ресурс] Г.Капустина, О. Мальковская – Режим доступа: [orsage.org ›mediafiles/u/files/presentation_2013/...](http://orsage.org/mediafiles/u/files/presentation_2013/)

4. Новейший философский словарь – Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом. 2003. – 1280 с. [Электронный ресурс] / Новейший философский словарь – Режим доступа: bookz.ru

5. Павлова, Е.Г Развитие инновационного сознания в подготовке современных специалистов // Материалы конференции «Подготовка кадров высшей квалификации в условиях инновационного развития общества» – Минск: Изд-во белорусского института системного анализа и информационного обеспечения в научной сфере, 2009 [Электронный ресурс] / Е.Г. Павлова – Режим доступа: belisa.org.by

6. Поскряков, А.А. Психология инновативности [Электронный ресурс] / А.А. Поскряков – Режим доступа: [sociology.mephi.ru›docs/innovatika...psihologiya...](http://sociology.mephi.ru/docs/innovatika...psihologiya...)

7. Свидан, Н.М. Инновационное мышление: особенности и пути формирования [Электронный ресурс] / Н.М. Свидан – Режим доступа: nsvidan@mail.ru

8. Современная энциклопедия [Электронный ресурс] / Современная энциклопедия – Режим доступа: dic.academic.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Хазов К.Н.

аспирант кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

В статье, обеспечение безопасности рассматривается в качестве одного из факторов стабильности и развития муниципального образования. Выявление и устранение различного рода угроз имеющих место на территории муниципального образования позволяет предотвратить социальную нестабильность в целом, что является необходимым условием поступательного развития муниципального образования.

Ключевые слова: безопасность, муниципальные образования, муниципальное управление, субъекты местного самоуправления.

Под безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Человек живя в конкретном регионе, требует для обеспечения своей жизнедеятельности не на уровне федерального центра, а на более низких уровнях обеспечения своей безопасности, в частности муниципальном, так как именно на территории муниципальных образований проживает значительная часть населения нашей страны.

Не смотря на вышеизложенное некоторые авторы подвергают сомнению целесообразность выделения понятия «муниципальная безопасность», считая вопрос о данном понятии «по крайней мере», дискуссионным [2, с. 269].

В противовес этому, необходимо отметить, что существование современного государства невозможно без наличия развитой системы обеспечения

безопасности личности, общества, государства, особенно остро эта задача стоит на уровне муниципальных образований, являющихся тем звеном в системе государства, в котором проживает наибольшее количество населения нашей страны.

Нынешнее состояние системы муниципального управления, незавершенность становления гражданского общества, криминализация общественных отношений и по-прежнему высокий уровень коррупции создают угрозу нормальному функционированию и развитию общества.

На сегодняшний день, можно выделить следующие группы угроз общественной безопасности наиболее остро стоящие именно перед муниципальными образованиями:

1. Социальное расслоение общества, рост разрыва уровня доходов между богатыми и наиболее бедными слоями общества, влечет опасность социального взрыва в обществе;

2. Повышение уровня безработицы, невостребованность на рынке труда, дискриминация работников по возрастному признаку;

3. Наличие застойных явлений в системе здравоохранения, социальной защиты, образовательной деятельности, отставание материально технической базы и отсутствие новых профессиональных кадров;

4. Устарелость технологической базы производства, аварийное состояние оборудования в ближайшее время могут сделать невозможным работу даже тех немногочисленных предприятий, которые еще существуют и, следовательно, увеличить социальную напряженность.

Обеспечение безопасности на муниципальном уровне должно включать в себя целый комплекс мер по защите общества от любых форм антисоциального поведения и негативных факторов различного рода. Безопасность на уровне муниципалитетов необходимо обеспечивать системно, а для наличия системности в действия органов управления муниципалитетов необходимо разработать комплекс мер по нейтрализации угроз безопасности на муниципальном уровне.

Ведь именно субъекты местного самоуправления – территориальный публичный коллектив, складывающийся из граждан и местных сообществ, органов местного самоуправления, организаций территориального общественного самоуправления [1, с. 23-33] раз и навсегда должны понять – наибольший ущерб сегодня приносит отсутствие безопасности во многих сферах общественной жизни, создающее неуверенность в «завтрашнем дне».

Следующие необходимое условие – это понимание обществом того, что безопасность устойчивого развития – это, прежде всего, сфера управленческой деятельности. В этом тезисе имеется два важнейших аспекта. Во-первых, это необходимость принципиально нового участия управленческих звеньев властных структур в деятельности по обеспечению безопасности. Во-вторых, это рассмотрение на всех уровнях крупных управленческих решений с позиции обеспечения безопасности. Третий элемент стратегии – обеспече-

ние организационной деятельности. Вне целенаправленной деятельности не может быть обеспечения безопасности.

Подводя итог вышесказанному необходимо отметить, что современный этап российской государственности, не смотря усилия власти, по-прежнему, характеризуется целым рядом негативных тенденций. Попытки организации экстремистской и террористической деятельности, разжигание межнациональной розни, стремлениями узурпации власти, коррупция, имеют большую социальную опасность, как для государства, так и всего общества в целом, для предотвращения негативных тенденций необходимо более детальное социологическое исследование вопросов обеспечения безопасности в муниципальных образованиях объективно обусловленных потребностями развития местного самоуправления в России, а также возрастающей ролью и значением управленческой деятельности в разработке мер социальной и правовой защиты местного населения.

Список литературы

1. Бабичев И.В. Территории местного самоуправления и их юридические конструкции [Текст] / И.В. Бабичев. // Конституционное и муниципальное право. – 2009 – № 10 – С. 23 – 33
2. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России [Текст] / Н. С. Бондарь // – М.: Норма, 2008. – 592 с.

СЕКЦИЯ «ДЕМОГРАФИЯ»

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА РАБОТНИКА

Кошкина К.Ю.

студентка 2 курса факультета экономики и менеджмента
Вятского государственного университета,
Россия, г. Киров

Ларинина Т.И.

доцент кафедры государственного и муниципального управления
Вятского государственного университета, канд. экон. наук, доцент,
Россия, г. Киров

В статье рассмотрены понятие социального статуса работника, формы трудовой миграции, миграция, как фактор изменения социального статуса работника.

Ключевые слова: трудовая миграция, социальный статус, демографическое развитие.

В связи с глобализацией мировой экономики все более важным фактором экономического, социального, демографического развития становится миграция трудовых ресурсов.

Миграция вызывает ряд проблем как для самого работника, так и в целом для региона и государства. Миграция вносит коррективы в жизнь местных социумов, влияет на проводимую государствами политику, а главное – изменяет личностные характеристики тех, кто вынужден перемещаться на другие территории в поисках спокойной жизни и лучшего будущего.

Социальный статус – положение (позиция) индивидуума или группы в социальной системе, определяемое по ряду экономических, профессиональных, этнических и других признаков (пол, образование, профессия и т.п.).

Статусы в обществе иерархизированы. Принятая иерархия (ранжирование) статусов представляет собой основу социальной стратификации данного общества.

Социальным статусам свойственны изменения. Совокупность изменений своего статуса или социальных перемещений людей в обществе называется социальной мобильностью [1].

Миграция представляет собой процесс изменения постоянного места проживания индивидов или социальных групп, выражающийся в перемещении в другой регион, географический район или другую страну.

Миграционный процесс тесно связан как с горизонтальной, так и с вертикальной мобильностью, поскольку каждый мигрирующий индивид, помимо перехода в другую социальную группу, стремится найти на новом месте лучшие экономические, политические или социальные условия существования [4].

Особой формой миграции населения является трудовая миграция.

Трудовая миграция – форма экспорта и импорта рабочей силы.

Выделяют следующие виды трудовой миграции:

- 1) безвозвратная – миграция, предполагающая смену постоянного места жительства;
- 2) временно-постоянная, когда миграция ограничена сроком пребывания в стране въезда от одного года до шести лет;
- 3) сезонная – временное (сезонное) территориальное перемещение мигрантов;
- 4) маятниковая (челночная, приграничная) – представляют собой ежедневные или еженедельные поездки населения от мест жительства до мест работы (и обратно), расположенных в разных населенных пунктах;
- 5) нелегальная – проникновение на территорию страны иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением действующего порядка, определяемого соответствующими законами;
- 6) «утечка умов» (англ. «brain drain») или интеллектуальная эмиграция научно-технических и других высококвалифицированных специалистов на постоянное (как правило, с изменением гражданства) или на временное (на длительный срок по контрактам на работу) проживание [2].

Для России с ее огромными территориальными различиями, обусловленными на значительной части суровыми климатическими условиями, миграция населения всегда имела немаловажное значение, как для демографического, так и экономического развития ее отдельных территорий и регионов, а в отдельные периоды развития и для страны в целом.

По данным статистики, среди временных трудовых мигрантов преобладают мужчины – 75,7%, женщин, соответственно, 24,3%. Распределение временных трудовых мигрантов по возрасту сдвинуто к более старшим возрастам – по сравнению с «постоянными» мигрантами, среди которых много молодежи студенческого возраста. Распределение мигрантов по брачному состоянию примерно соответствует среднему по стране – в браке состояли 51,7% трудовых мигрантов (среди всего населения, по данным переписи 2010 г., – 55,5%) [3].

В настоящее время, по мнению большинства респондентов, основным мотивом, побуждающим россиян к эмиграции, является повышение своего социального статуса.

Список литературы

1. Карачурина Л.Б. Внутривососсийская трудовая миграция: распространенность и география передвижений. [Текст] / Л.Б. Карачурина. // Экономическое развитие России. – 2013.– № 7. – С.53-56.
2. Романова, Н. А. Детерминанты внутренней миграции населения в современной России [Текст] / Н. А. Романова. // Молодой ученый. – 2011. – №3. Т.1. – С. 190-196.
3. Чернышев К.А. Современные проблемы миграции молодёжи Кировской области // Региональная экономика: теория и практика.-2014.- № 48 (375). С. 48-58.
4. Шестаков Е. Трудовая миграция и качество рабочей силы: две стороны одной медали. [Электронный ресурс]/ Е. Шестаков.// Кадровик. Кадровый менеджмент. – №7. – 2011. – Режим доступа: <http://hr-portal.ru>

СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»

ИМИДЖ РЕГИОНА: ВОЗМОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Овчарова Г.Б.

доцент кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики
Пятигорского государственного лингвистического университета,
канд. филол. наук, доцент,
Россия, г. Пятигорск

В статье предложен теоретический и практический аспект позиционирования имиджа региона. Аргументируется важность выбора стратегической модели построения имиджа для решения значительного спектра задач.

Ключевые слова: имидж, имидж региона, стратегии позиционирования, единый территориальный продукт, каналы коммуникации.

Северо-Кавказский Федеральный округ был образован в 2010 году. В него вошли Ставропольский край, республики Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия, Карачаево-Черкесская республика, Кабардино-Балкария и Чеченская республика. Возникло сложное поликультурное, полиэтническое пространство, что и задает вектор позиционирования данного региона. Климатические условия, географическое положение, бальнеологические резервы, природный ландшафт являются важным ресурсом в «собрании» частей округа в единое целое.

Целесообразность позиционирования федерального округа как самостоятельного объекта можно аргументировать следующими положениями: «во-первых, регионы, входящие в федеральные округа, имеют определенную общность (в географическом, в культурном и экономическом контексте); во-вторых, разрабатываются программы социально-экономического развития федеральных округов, что экономически связывает соседние регионы; в-третьих, продвижение федерального округа является малозатратным и более эффективным по сравнению с продвижением нескольких регионов [3, 107].

Вначале необходимо определиться с центральными для нашего исследования понятиями. В настоящее время категория «имидж» еще не обрела строгих терминологических границ. Общим местом в ряде научных работ, посвященных исследованию имиджа, является разграничение понятий «имидж» и «образ». Принципиальным отличительным параметром является спонтанность в образовании образа и технологичность в отношении имиджа. Показательной в этом отношении является следующая позиция: «Если *образ* ... это отражение в психике субъекта внешних и внутренних параметров объекта, то *имидж* – это уже результат работы психики с образом. Это работа по формированию индивидуальной или, в случае коллективного субъекта, социальной оценки образа» [2]. В рамках предложенного подхода подчеркивается

технологический характер рассматриваемого феномена, который предстает как мнение, основанное на оценке, которое возникает в индивидуальном или массовом сознании, в результате воздействия целенаправленно созданного конструкта.

Е.А. Петрова, президент Академии имиджелогии, считает, что категория «имидж» относится к области социального познания и, «являясь феноменом индивидуального, группового или массового сознания, имидж функционирует как образ-представление, в котором в сложном взаимодействии соединяются внешние и внутренние характеристики объекта» [7, 37]. Другими словами, имидж, выступая в качестве инструмента познания действительности, имеет сложно организованную структуру. В исследованиях А.Ю. Панасюка ставятся иные акценты, подчеркивается субъект-объектная природа рассматриваемого нами феномена: «Имидж объекта – это мнение об объекте, возникшее в психике определенной или неопределенной группы людей на основе образа, сформированного в их психике в результате либо прямого восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта, либо косвенного – на основе восприятия уже оцененным кем-то образа (на основе восприятия мнения), сформированного в психике других людей» [6]. Предполагаем, что для решения задачи создания благоприятной информационной среды – позиционирования – необходимо актуализировать инструментальный характер имиджа, который всегда выступает в качестве конструкта по достижению важных стратегических целей.

Проанализировав существующие подходы к определению содержания понятия «имидж региона», мы можем заключить следующее. Многие исследователи рассматривают имидж как сложное системное образование. Так, Г.С. Алимова и Б.Н. Чернышев предлагают следующий модус рассмотрения имиджа региона: «1. Как целенаправленно сформированный в сознании социума и бизнес-сообщества идеальный образ территории, который в концентрированном виде отражает условия жизнедеятельности людей, ведения бизнеса, потенциал внутреннего развития и возможности его использования; 2. Как самостоятельно сформированные образы развития региона различными группами потребителей: жителей всех возрастных и социальных групп, туристов, представителей бизнес-сообщества, средств массовой информации, органов управления» [1].

В данном определении авторы акцентируют внимание на спонтанности и целенаправленности формирования имиджа региона. На наш взгляд, условным можно назвать «самостоятельность» в формировании образа территории, поскольку оценка формируется под влиянием многих источников, даже когда реципиент не осознает этого. Имиджформирующая информация активно циркулирует по всем возможным каналам коммуникации, включая слухи и межличностное общение.

М. Яковлев определяет имидж региона как «обобщенное, эмоционально окрашенное системное представление о регионе, сконструированное на основе каких-либо значимых фактов действительности, определяющих реги-

ональную специфику» [9, 24]. Автор справедливо отмечает эмоциональную составляющую в структуре имиджа региона.

Наш подход мы можем определить следующим образом. Имидж региона – это всегда результат оценочных суждений множества реципиентов относительно объекта имиджирования, это сумма интерпретаций о регионе, полученных из всех возможных источников, что, с одной стороны, содержательно обогащает его, с другой – усложняет процесс управления последним. Необходимо отметить и такую важную характеристику имиджа, как его «текучесть». Мы исходим из того, что «информация об объекте принципиально неполна, поскольку, имея признаки мифологического сообщения, базируясь на стереотипах, предполагает известную работу сознания реципиента по пониманию текста. Имидж трудно схватывается одним сознанием, изменчивость, «текучесть» имиджа являются его статусными характеристиками» [4, 19]. Имидж, как правило, упрощает объект, сводит его к набору узнаваемых признаков.

Предлагаем рассматривать регион, в нашем случае СКФО, как единый территориальный продукт, который стремится занять доминантные позиции в конкурентной борьбе за внешние и внутренние инвестиции, получить новые рабочие места, влиять на туристические потоки. Эффективно выстроенный имидж – это реальный ресурс по укреплению политических, экономических и социальных позиций региона.

Ю.В. Таранова в структуре имиджа предлагает различать следующие компоненты: политический, географический, социально-экономический, исторический и культурный, научный, спортивный, инвестиционный, туристический [8]. Технология создания имиджа региона представляет собой набор осознанных действий по соединению отдельных элементов в единое гармоничное целое. Выстраивая стратегическую линию позиционирования, необходимо четко формулировать ответ на вопрос: что должно измениться в регионе в результате проведенной работы.

Проанализируем туристический компонент в структуре имиджа СКФО. ОАО «Курорты Северного Кавказа» (КСК) было создано для реализации проекта по развитию туристического кластера «Архыз». Проект позиционируется как имиджевый. На официальном сайте КСК сформулированы цели, которые будут достигнуты в результате: продвижение региона Северного Кавказа на современной туристической карте мира, улучшение его международного имиджа, укрепление межрегиональных и международных связей, привлечение инвестиций в смежные отрасли региональной экономики и др. [5].

Компания активно использует все возможные каналы для трансляции имиджформирующей информации о курорте. Работает сайт, где располагается актуальная информация как для туристов, так и для возможных инвесторов и местных жителей. Есть обратная связь. КСК создают рабочие места для

местного населения (планируется 300 тыс. новых мест), формируют площадку для межкультурного диалога, способствуют сохранению и развитию культурного потенциала региона. Компания создает событийный контент, выступая в качестве организатора праздников, конкурсов, викторин. Архыз – это «курорт для друзей». Через концепт «дружба» транслируется ключевое представление о регионе. Запущена программа «Кавказское гостеприимство», что говорит об учете культурных особенностей региона при разработке имиджевой стратегии. Можно заключить, что создан новый туристический продукт, отвечающий высоким предпочтениям потребителя.

Несомненно, реализация нестандартных стратегий в конструировании и позиционировании имиджа позволит региону быть успешным игроком в борьбе за инвестиции, культурные и социальные проекты, новые рабочие места, транспортные и туристические потоки.

Список литературы

1. Алимова, Г.С., Чернышев, Б.Н. Имидж региона в системе оценки его конкурентоспособности [Электронный ресурс] / Г.С. Алимова, Б.Н. Чернышев. – Режим доступа: <http://orelgiet.ru/docs/monah/71df.pdf>
2. Гавра, Д.П. Феномен имиджа: сущность и основные характеристики [Электронный ресурс] / Д.П. Гавра. // Сайт Томского государственного университета. – Режим доступа: <http://pr.tsu.ru/articles/>.
3. Дашимолонова, С.В., Дашимолонов, Ч.В. Федеральный округ как территориальный продукт (на примере северо-западного федерального округа) [Текст] / С.В. Дашимолонова, Ч.В. Дашимолонов. // Имиджевая политика Российской Федерации: теория и практика регионов. Материалы всероссийской научно-практической конференции 02-04 июля 2012 г. / Отв. редактор А.В. Кузьмин. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2012. – 282 с.
4. Овчарова, Г.Б. Имидж как единица коммуникативного пространства [Текст] / Г.Б. Овчарова. // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2013. – С. 16 – 22.
5. Официальный сайт ОАО «Курорты Северного Кавказа». – Режим доступа: <http://www.ncrc.ru/ru/page/o-kompanii>
6. Панасюк, А.Ю. Имидж: определение центрального понятия имиджологии [Электронный ресурс] / А.Ю. Панасюк. // Сайт Академии имиджологии. – Режим доступа: http://academim.org/art/pan1_2.html.
7. Петрова, Е.А. Имиджология: проблемное поле имиджологии [Текст] / Е.А. Петрова. // PR в образовании. – №1. – 2004. – С. 36 – 38.
8. Таранова, Ю.В. Формирование имиджа региона в условиях глобализирующегося сетевого общества [Электронный ресурс] / Ю.В. Таранова. – Режим доступа: http://www.jourssa.ru/sites/all/files2012_5.pdf
9. Яковлев, М. Политический имидж региона в условиях современной России: монография [Текст] / М. Яковлев. – М.: МАКС-пресс, 2011. – 108 с.

СИСТЕМА ЗАГОЛОВОЧНОГО КОМПЛЕКСА В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Чабанова М.В., Кочиева З.А.

студентки 2 курса Института международных отношений
Пятигорского государственного лингвистического университета,
Россия, г. Пятигорск

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики Пятигорского государственного лингвистического университета, канд. пед. наук Гикис С.Н.

В статье заголовочный комплекс рассматривается в качестве одного из важных элементов оформления печатного периодического издания. Авторами выделяются ключевые элементы заголовочного комплекса на примере студенческих изданий Института международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета. Умение журналистов грамотно составить заголовочный комплекс значительно увеличивает аудиторию издания, а также является важным компонентом образовательной работы в вузах при формировании общекультурной и профессиональной компетентности студентов-журналистов.

Ключевые слова: заголовочный комплекс, заголовок, подзаголовок, вводка, рубрика, подборка.

Понятие «заголовочного комплекса» существует и активно используется в течение достаточного большого периода времени. Заголовками сопровождалось любые произведения с тех самых пор, как появилась письменность. Сейчас же заголовки используются не только в печатных изданиях, но и в телевизионных и радио СМИ. Само словосочетание «заголовочный комплекс» кажется совершенно простым, но, исследовав это понятие, можно обнаружить множество интересных закономерностей.

Исходя из множества определений слова «заголовок», необходимо отметить, что исторически представление о понятии изменялось, дополнялось, корректировалось. Так, например, в словаре В.И.Даля, С.Ожегова, Большой Энциклопедии заголовок определяется как начальный лист книги или нового раздела, содержащий информацию о названии произведения. Однако наиболее полное представление, по нашему мнению, предлагает С.М.Гуревич: «Заголовок – органичный первый элемент текстовой публикации, неразрывно с ней связанный, более того – вытекающий из ее содержания» [2].

Рассмотрим основные элементы заголовочного комплекса, необходимые для комфортного знакомства читателя с изданием. Во-первых, это подзаголовок – важная составная часть заголовка, уточняющая главную тему, центральную мысль автора публикации, поставленную проблему и т.д. Во-вторых, вводка – специальное вступление к одному или нескольким материалам, в котором представлено максимальное количество исходной информации по раскрываемой в публикации проблеме. В-третьих, рубрика – название определенного раздела газеты или журнала, группирующего материалы по

определенному признаку (теме, жанру, аудитории и т.д.). В-четвертых, вставка – дополнительный сопроводительный материал к тексту публикации, выделяющийся графически и размещающийся в конце текста (в качестве вставок могут служить примечания, комментарии или призывы). Также в перечень заголовочных элементов можно включить анонсы и эпитафии, однако из-за редкого их использования в современных СМИ, они встречаются нечасто.

В процессе разработки концепции печатных студенческих изданий редакционные коллективы особое внимание уделяют именно заголовочному комплексу как неотъемлемой части дизайна издания. Так, например, в процессе создания специализированного издания студентов Института международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета «LIFE» редакционный коллектив провел аналитическую работу по выявлению потребностей современной студенческой молодежи, будущих специалистов в PR и связей с общественности, в получении информации практического характера. Проведенный опрос и позволил авторам создавать журналистские материалы в рамках таких рубрик, как «Be in touch», «Go ahead», «Do it with us» и т.д. Ориентир на иностранный язык обусловлен профилем вуза [3, с. 53-54].

Являюсь корреспондентами студенческой газеты «Modus Operandi», отражающей учебную и внеаудиторную жизнь Института международных отношений ПГЛУ, мы стремимся к публикациям подбирать заголовки и формировать рубрики, максимально лаконичные формулировки (например, «ИМО в лицах», «Мир глазами студентов», «Проба пера» и т.д.).

Заголовочный комплекс является самым сложным в газете, поскольку ему присуща мягкость перехода уровней объединения от одного к другому. Газетный заголовок характеризует журналистский текст, прогнозирует его содержание, придает дополнительную образность. Не случайно в процессе формирования общекультурной и профессиональной компетентности студентов-журналистов вузах на теоретических и практикоориентированных занятиях значительное количество часов уделяется именно работе по составлению заголовочного комплекса [1, с. 16].

Список литературы

1. Гикис, С.Н. Формирование общекультурной компетентности старшеклассников средствами технологии воспитательных ситуаций во внеклассной деятельности [Текст] : автореферат дис... канд. пед.н. / С.Н.Гикис. – Пятигорск: ПГЛУ, 2014. – 23 с.
2. Гуревич, С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] / С.М.Гуревич. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text10/05.htm>.
3. Ерохина, А.Ю., Процких, К.А., Гикис, С.Н. Образовательный потенциал специализированных студенческих изданий (на примере газеты «LIFE») [Текст] / А.Ю.Ерохина, К.А.Процких, С.Н.Гикис // Информационная среда и ее особенности на современном этапе развития мировой цивилизации. Материалы международной научно-практической конференции. – Саратов, 2014. – С. 53-54.

СЕКЦИЯ «СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА»

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОТХОДОВ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СУХИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ СМЕСЯХ

Шевченко В.А.

профессор кафедры строительных материалов и технологий строительства
Инженерно-строительного института, канд. техн. наук, профессор,
Россия, г. Красноярск

Ракишов С.А.

аспирант кафедры строительных материалов и технологий строительства
Инженерно-строительного института,
Россия, г. Красноярск

В статье рассматривается возможность применения попутного продукта металлургической промышленности завода ОАО «Красцветмет» – кека, в качестве одного из компонентов состава сухих строительных смесей для штукатурных работ. Использование кека позволяет сохранять дорогостоящие минеральные ресурсы и снижает количество отходов предприятия, поступающих в окружающую среду.

Ключевые слова: сухие строительные смеси, кеко-цементное вяжущее, цементное тесто, нормальная густота, минералогический состав, вяжущие минералы, попутный продукт металлургического производства.

В современной строительной промышленности все чаще прибегают к материалам, не требующим дополнительной обработки в процессах монтажа и эксплуатации на строительных объектах, т.к. это позволяет экономить значительное количество материальных ресурсов и времени. Одним из таких материалов являются сухие строительные смеси – неотъемлемый компонент внутренней отделки, завершающий строительство и благоустройство домов и сооружений в гражданском и промышленном строительстве. Они представляют собой мелкозернистые композиции, в состав которых входят минеральные вяжущие или полимерные связующие, наполнители, заполнители строго фракционированного состава [1. с 4].

Приготовление сухих строительных смесей требует использования материалов с постоянным химическим и гранулометрическим составом, обеспечивающим технологические и эксплуатационные свойства как на стадии производства, так и при использовании конечного готового продукта.

Основными видами вяжущих материалов для производства сухих строительных смесей являются портландцемент, белый цемент, гипс, ангидрит, диспергируемые полимерные порошки, и известь.

Неотъемлемым компонентом смесей также являются заполнители и наполнители, чаще всего используют кварцевый песок, известняк, золы-уноса, легкие заполнители, микрокремнезем и др.

Использование местных сырьевых материалов, в том числе на основе попутных продуктов промышленности, имеющих в конкретном регионе, является одним из путей снижения материалоемкости производства сухих строительных смесей.

С этой точки зрения представляет интерес кека Красноярского завода цветных металлов, образующийся, как попутный продукт основного производства – аффинажа платиновых металлов. На сегодняшний день твердые отходы захоранивают в специальном хранилище, что требует выделения специальных площадей земель, изымаемых из сельскохозяйственной деятельности.

Цель настоящих исследований заключалась в изучении возможности применения железистого кека Красноярского завода цветных металлов в качестве компонента сухих строительных смесей для штукатурных работ взамен части цементного вяжущего.

Для достижения поставленной цели исследования проводились в следующих направлениях:

1. Подготовка сырьевых материалов (сушка, дробление, измельчение);
2. Изучение свойств представленных проб кека;
3. Исследование возможности применения кека в составах на цементном вяжущем в качестве части вяжущего и наполнителя.

Анализ состава и свойств кека показал, что по агрегатному состоянию он представляет собой эластичную пастообразную массу с влажностью 65 – 70%. Для использования в сухих строительных смесях в качестве компонента вяжущего кека высушивали при температуре 105°C и затем размалывали в лабораторной шаровой мельнице до прохождения через сито № 02. Высокая дисперсность, гомогенность и относительное постоянство состава обеспечивали высокую технологичность кеков.

В ходе исследований попутного продукта аффинажного производства – кека были проведены комплексный рентгенофазовый и дифференциально-термический анализы для определения минералогического состава.

Анализ показал, что в состав кека входит группа вяжущих минералов, способствующих образованию плотной структуры: волластонит ($\text{CaO} \cdot \text{SiO}_2$), гипс ($2\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$), эттрингит ($3\text{CaO} \cdot \text{Al}_2\text{O}_3 \cdot \text{CaSO}_4 \cdot 32\text{H}_2\text{O}$), анортит ($\text{CaO} \cdot \text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 2\text{SiO}_2$) и ангидрит ($\beta\text{-CaSO}_4$). Присутствие данных минералов объясняет наличие вяжущих свойств исследуемого материала.

Помимо вяжущей группы в состав кека входят минералы группы глинистых: каолинит, бемит, форстерит, мусковит и др. Содержание данных составляющих незначительно, и существенного влияния на цементно-кековый камень не проявится.

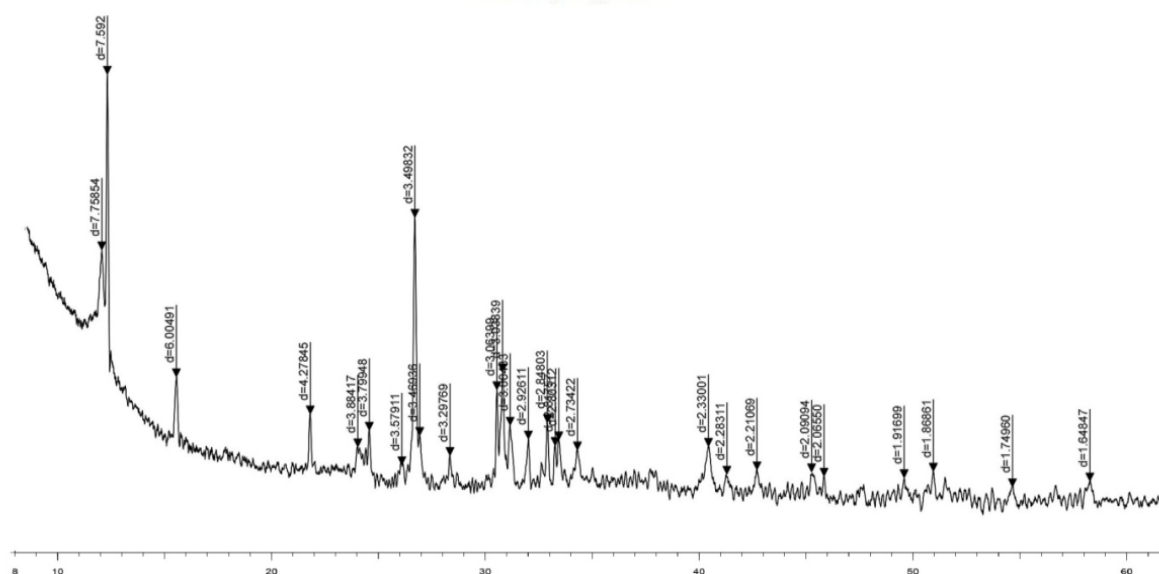

Рис. 1. Рентгенограмма минералогического состава кека

Химический и минералогический составы кеков определяли комплексным методом с использованием рентгенофазового и дифференциально-термического анализов.

Результаты химического и минералогического состава кеков представлены в табл. 1.

Данные таблицы показывают, что основным компонентом кеков является карбонат кальция, который может быть использован взамен известкового компонента для придания растворам пластичности и повышения вододерживающей способности.

Таблица 1

Химический и минералогический состав кека

№ пробы	Содержание оксидов, масс. %			п.п.п
	CaO	SO ₃	Fe ₂ O ₃	
1	35,45	18,63	20,22	25,7
2	33,83	19,88	21,36	24,93
3	32,15	21,59	22,90	23,36
4	31,68	22,78	23,41	22,13
5	31,11	21,66	23,43	21,8
6	29,22	26,66	22,24	21,9

На графике дифференциально-сканирующей калориметрии (рисунок 2) четко прослеживаются выраженные эндоэффекты с максимумами при 130...170, 350...480°C, характерными для ступенчатой дегидратации гипса, а также при 740°C, обусловленной диссоциацией ангидрита.

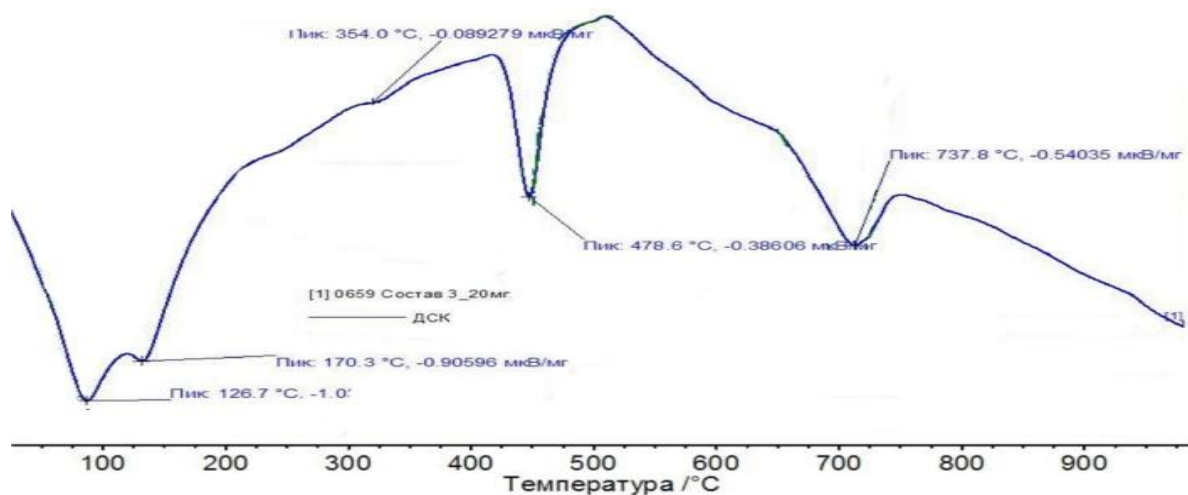

Рис. 2. Термограмма исследуемого материала

В качестве сырьевых сопутствующих материалов были использованы: ЦЕМ I 32,5Н ГОСТ 31108-2003 Красноярского цементного завода, песок Безрезовского карьероуправления. Свойства сырьевых материалов представлены в табл. 2, 3 и 4.

Таблица 2

Физико-механические и прочностные характеристики вяжущего

Марка цемента	Нормальная густота, %	Сроки схватывания, час-мин		Предел прочности при изгибе, МПа		Предел прочности при сжатии, МПа	
		начало	конец	7 суток	28 суток	7 суток	28 суток
ЦЕМ I 32,5Н	26,5	2-05	4-35	6,0	10,07	60,4	78,5

Таблица 3

Гранулометрический состав мелкого заполнителя (песка)

Размер отверстия сит, мм	Частный остаток на ситах		Полный остаток на ситах, %
	грамм	%	
2,5	74,0	7,4	7,4
1,25	44,0	4,4	11,8
0,63	70,0	7,0	18,8
0,315	284,0	28,4	47,2
0,16	486,0	48,6	95,8
дно	42,0	4,2	100,0

Таблица 4

Физические характеристики мелкого заполнителя (песка)

Загрязненность, %	Плотность, г/см ³		Модуль крупности	Группа песка по ГОСТ 8736-93
	насыпная	истинная		
2,04	1,53	2,77	1,41	мелкий

В ходе исследовательской работы было определено влияние расхода кека на свойства цементного теста и прочность цементно-кекового вяжущего в составе сухих строительных смесей.

Расходы кека в составе цементно-кекового вяжущего были приняты по массе от 10 до 50 %. Влияние кека на свойства цементного теста и прочность цементно-кековых образцов представлено в табл. 5 и 6.

Таблица 5

Влияние расхода кека на свойства цементно-кекового теста

№	Состав вяжущего, %		Нормальная густота, %	Сроки схватывания, ч-мин	
	цемент	кек		начало	конец
1	100	0	26,5	2 – 50	4 – 35
2	90	10	31,5	2 – 55	4 – 45
3	80	20	33,0	3 – 18	5 – 15
4	70	30	40,0	3 – 30	6 – 00
5	60	40	48,5	3 – 58	6 – 10
6	50	50	55,0	4 – 25	6 – 20

Таблица 6

Прочностные характеристики цементно-кекового камня

№ состава	Состав вяжущего, %		Предел прочности при изгибе, МПа		Предел прочности при сжатии, МПа	
	цемент	кек	7 суток	28 суток	7 суток	28 суток
1	100	0	6,3	10,07	60,4	78,5
2	90	10	3,24	6,2	31,0	56,6
3	80	20	3,86	3,94	25,8	37,4
4	70	30	5,04	5,43	12,9	19,6
5	60	40	4,23	5,01	7,6	12,4
6	50	50	3,2	3,75	5,0	6,8

Для дальнейших исследований были проведены испытания цементно-кекового раствора на вододерживающую способность, результаты представлены в табл.7.

Таблица 7

Вододерживающая способность цементно-кекового теста

№ состава	Состав вяжущего, %		Плотность раствора, кг/м ³	Вододерживающая способность, %
	цемент	кек		
1	100	0	1950	93,6
2	90	10	1900	95,1
3	80	20	1890	95,7
4	70	30	1850	96,1
5	60	40	1810	96,3
6	50	50	1790	96,5

Примечание*. В составе 1 взамен кека присутствует известь в количестве 20% от массы цемента.

Из приведенных табличных данных следует, что при замене извести на кек значительного снижения прочности не наблюдается, но при этом снижается плотность штукатурных растворов на 50 – 190 кг/м³, что является положительным эффектом с точки зрения теплофизических характеристик штукатурных растворов.

В ходе проведенных анализов и испытаний следует отметить, что наиболее оптимальными являются составы № 2 и № 3 при соотношении компонентов: цемент / кек 90/10% и 80/20%. Добавление кека незначительно снижает показатели прочности цементно-кекового вяжущего, но увеличивает сроки схватывания, что позволяет расширить интервал времени выработки готовой смеси.

В результате выполненных экспериментов установлено, что при введении кека в штукатурный состав возможна полная замена дорогостоящей строительной извести при улучшении водоудерживающей способности, нерасслаиваемости и пластичности растворной смеси. Использование кека расширяет номенклатуру сырьевых материалов для сухих строительных смесей, экономит природные ресурсы, необходимые для получения строительной извести, улучшает экологическую ситуацию за счет снижения выброса отходов промышленности в окружающую среду.

Список литературы

1. Безбородов В.А., Белан В.И., Мешков П.И., Нерадовский Е.Г., Петухов С.А. Сухие смеси в современном строительстве. Под редакцией д.т.н. профессора Белана В.И. Новосибирск 1998. 95с.
2. Бутт Ю.М. Химическая технология вяжущих материалов: учебник для ВУЗов / Бутт Ю.М., Сычев М.М., Тимашев В.В., под ред. Тимашева В.В. – М.: Высш.шк., 1980. – 472 с.
3. Власов В.К. Механизм повышения прочности бетона при введении микронаполнителя/ Власов В.К.//Бетон и железобетон. – 1988.-№10.-С.9-11.
4. Горегляд С.Ю. Использование модифицирующих добавок при производстве сухих строительных смесей/ Горегляд С.Ю.//Строительные материалы. – 2001. – №8. – С. 28, 29.
5. Зевин Л.С. Рентгеновские методы исследования строительных материалов/ Зевин Л.С. – М.:Стройиздат, 1965 .-362с.
6. Карапузов Е.К., Лутц Г., Герольд Х. и др. К.: Техника, 2000. 226 с.
7. Ларионова З.М. Формирование структуры цементного камня и бетона/ Ларионова З.М. – М.: Стройиздат, 1971.-161с.

СЕКЦИЯ «ВОЕННОЕ ДЕЛО»

ПРИМЕНЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПОЛНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Перунов А.Г.

слушатель факультета ОБДА
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»,
Россия, г. Воронеж

Мещеряков В.И.

доцент кафедры (управления МТО ВВС) ВУНЦ ВВС «ВВА имени
профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», канд. военных наук, доцент,
Россия, г. Воронеж

Косырев Е.Н.

преподаватель кафедры (управления МТО ВВС) ВУНЦ ВВС «ВВА имени
профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», канд. военных наук,
Россия, г. Воронеж

Черных В.Н.

старший преподаватель кафедры (управления МТО ВВС)
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»,
Россия, г. Воронеж

В статье применение статистических критериев принятия решений рассматривается в качестве одних из приоритетных направлений в оптимизации управления силами и средствами, выполняющих задачи в условиях неопределенности. Анализируются вопросы применения современной критериальной основы для принятия решений в условиях полной неопределенности.

Ключевые слова: критерии принятия решений, неопределенность, оптимизации управления.

Потребность управления сложными системами вызвала к жизни специальные методы, облегчающие принятие правильных управленческих решений, которые сейчас принято объединять термином «прикладная математика» [1].

С происходящим в последнее время усложнением задач и функций руководства системами роль и значение управленческой информации непрерывно возрастают [2]. Практические ситуации, в которых приходится принимать решения в военной сфере, бывают настолько сложными, что даже незначительная помощь со стороны математических методов является весьма существенной [3].

Основанный на различных математических методах комплекс расчетных задач способен оказать прямое содействие военному руководству. Ма-

тематические методы уже сегодня органически переплетаются со значительной частью процессов управления войсками [1].

Трудности, связанные с принятием решения, обуславливаются в значительной мере тем, что процессы боевых действий содержат элементы неопределенности. Как утверждает П. И. Иванов, командиру, принимающему решение для действий в условиях неопределенности, помогает выработать решение (вырабатывает рекомендации) теория статистических решений [1].

Очень часто неопределенность связана с недостаточной осведомленностью об условиях, в которых будет проводиться мероприятие (погода в некотором районе, загруженность автодорог и т. д.). Такие условия зависят от объективной действительности, называемой «природой». «Природа» рассматривается как сторона, поведение которой неизвестно, но не содержит элемента сознательного противодействия нашим планам. П. И. Иванов утверждает, что возможные состояния природы (ее стратегии) реализуются случайным образом. В теории статистических решений лицо принимающее решение (ЛПР) часто называют статистиком, а сами операции – статистическими играми [1].

П. И. Иванов в своем учебнике, предлагает рассматривать две группы критериев, составляющих содержание теории статистических решений. Первая группа основывается на статистической неопределенности, задаваемой распределением вероятностей состояний природы. Вторая группа обосновывает нахождение оптимального решения в условиях полной неопределенности, когда у статистика (ЛПР) отсутствует всякая информация о вероятностях возможных состояний природы [2].

В первой группе критериев рассматриваются два случая, связанных с различной степенью неопределенности: известны априорные вероятности возможных состояний природы; априорная информация отсутствует.

Вторая группа критериев выступает индикатором оптимальности в условиях полной статистической неопределенности. Под критерием принятия решений здесь принято понимать некоторую функцию предпочтения, предназначенную для ЛПР, и определяющую правило выбора оптимального (или целесообразного) варианта решения.

В настоящее время в общей теории принятия решений в условиях неопределенности рассматривают следующие критерии принятия решения:

- максиминный критерий Вальда – критерий крайнего пессимизма. Он ориентирует ЛПР, на наихудшие условия и рекомендует ту стратегию, для которой в наихудших условиях выигрыш максимален;
- минимаксный критерий Сэвиджа в условиях полной неопределенности рекомендует выбирать ту стратегию, при которой величина риска принимает наименьшее значение в самой неблагоприятной ситуации, т. е. такую, которая гарантирует минимум максимального риска;
- критерий обобщенного максимума Гурвица рекомендует рассчитывать на нечто среднее между крайним пессимизмом и крайним оптимизмом.

Одна из важных особенностей игры с «природой» состоит в том, что при анализе решений нельзя исключить ни одного из состояний «природы» [3. с. 175]. С этой целью вводится понятие «риска» или функции риска.

После рассмотрения математических методов решения задач в условиях полной неопределенности необходимо разработать информационное обеспечение лицам принимающим решение.

Список литературы

1. Основы и применение методов прикладной математики в военном деле. Учебник. / Под ред. П. И. Иванова. – Монино.: ВВА им. Ю.А. Гагарина 1991. 512 с.
2. Кондратьев В. В., Ничипор В. И., Костенко А. Н. Информационно-расчетное обеспечение управления войсками в условиях информационной неопределенности // Военная мысль. 2013. № 11. С. 21-34.
3. Военно-экономический анализ. Учебник. / Под ред. С. Ф. Викулова. – М.: Воениздат, 2000. 214 с.

Для заметок

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам II Международной научно-практической
конференции

г. Белгород, 31 мая 2015 г.

В семи частях
Часть III

Подписано в печать 16.06.2015. Гарнитура Times New Roman.

Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,30. Тираж 100 экз. Заказ 81.

ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1

ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а